

63
Б 15

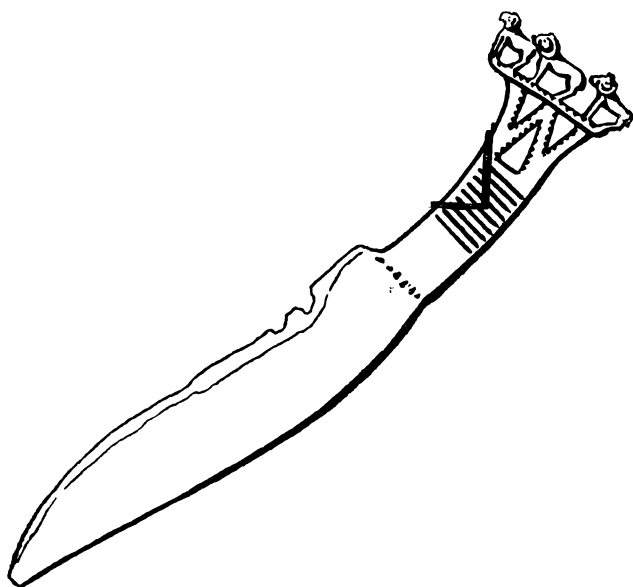
И. БАДЕР и В. А. ОБОРИН

НА ЗАРЕ ИСТОРИИ ПРИКАЖЬЯ

О. Н. БАДЕР и В. А. ОБОРИН

НА ЗАРЕ ИСТОРИИ ПРИКАМЬЯ

*Пермское книжное издательство
г. Пермь — 1958 г.*

ОТ АВТОРОВ

Первая попытка обобщения истории первобытного населения Прикамья в широком хронологическом плане от первоначального заселения до появления русских была сделана в книжке одного из авторов, написанной в 1947 году¹. Она была построена на научных фактах, собранных как буржуазными русскими археологами, так и советскими археологами в довоенный период. Новейшие исследования были учтены в ней лишь в виде данных, добытых экспедицией Пермского университета в первый год ее существования (1947), — эти данные впервые создали возможность составить некоторое представление об эпохе мезолита на Каме и гораздо яснее представить себе местный неолит и его культурные особенности.

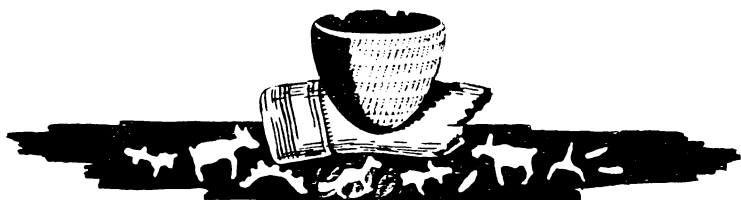
Теперь в нашем распоряжении находится огромный новый материал, собранный Камской Археологической экспедицией за 10 лет ее работы на Каме от истока до устья Белой и на некоторых камских притоках, в особенности же в зонах строительства Камской (Пермской) и Воткинской гидроэлектростанций. Этот материал не только позволяет значительно полнее осветить многие стороны и вопросы первобытной истории, но некоторые из этих вопросов поставить по-новому. В новейшей специальной литературе они в значительной мере уже освещены; важнейшие из работ включены в список литературы, имеющийся в конце

¹ О. Н. Бадер. Археологические памятники Прикамья и их выявление. Пособие для начинающих археологов и краеведов. Молотовгаз, 1950, глава IV.

книги. Однако многие из этих работ напечатаны в научных изданиях, трудно доступных для массового читателя.

В этой книге авторы намереваются нарисовать общую картину первобытной истории Прикамья в свете новейших исследований, в которых оба они принимали непосредственное участие.

Параграфы 1—33 написаны О. Н. Бадером, 34—62 — В. А. Обориным.

КАМЕННЫЙ ПЕРИОД

ЭПОХА РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА

(75—40 тыс. лет до н. э.)

1. Первоначальное расселение человечества

Длительный процесс выделения далеких предков современного человека из животного мира совершился на материках Старого Света, в областях, где обитали ближайшие к человеку древние человекообразные обезьяны, уже обладавшие необходимыми предпосылками для очеловечения: способностью передвигаться на двух ногах, подвижными кистями рук и развитым мозгом (Ф. Энгельс). Научившись выделывать орудия труда, создавать себе как бы искусственные органы, возникшее человечество совершенствует свою материальную культуру и, все более освобождаясь из-под влияния природных условий, умея преодолевать их, начинает выходить за пределы области своего первоначального зарождения — тропических и подтропических лесов (Ф. Энгельс) Африки, юга Азии и Европы, где найдены костные остатки древнейших ископаемых людей и их человекообразных предков, а также их каменные орудия и стоянки.

В начале Великого оледенения, когда климат становится все более холодным, совершенствование материальной культуры пошло более быстрыми темпами: изобретаются и распространяются способы искусственного добывания огня посредством высекания из кремня и с помощью трута, появляется одежда из шкур и примитивные искусственные жилища; везде, где была эта возможность, еще чаще заселяются естественные убежища — пещеры. Все шире применяя методы коллективной загонной охоты (что закрепило

за охотой роль основной формы хозяйства), примитивное человеческое общество — первобытное стадо (по терминологии В. И. Ленина) — стало более сильным и организованным в борьбе за существование.

В это время люди, продвигаясь навстречу надвигавшимся с севера материковым льдам, о существовании которых они не подозревали, успели расселиться по Русской равнине вплоть до Брянска, а в Приуралье — до Перми. Это доказывается найденными и там и здесь следами пребывания человека в виде его каменных орудий, залежавших под слоями, образовавшимися в результате передвижения и таяния ледников.

2. Изменения географической среды в середине четвертичного периода

Уже к началу четвертичного геологического периода, предшествующего современному, т. е. около одного миллиона лет назад, очертания суши и морских бассейнов приняла в основном свой современный вид, временами незначительно изменялись лишь площади морей (например, Балтийского, Белого, Ледовитого, Черного, Каспийского) и очертания их берегов. В основном успела сформироваться и современная гидрографическая, речная сеть.

Самой мощной рекой северо-восточной Европы была пра-Кама. Она текла мимо современного Соликамска в своей современной долине и впадала в Каспийское море, принимая многочисленные притоки; одним из них была река, протекавшая из района Васильсурска в долине современной Волги и впадавшая в пра-Каму ниже Казани, где сейчас Кама впадает в Волгу. Это была не очень крупная река, современной же Волги еще не существовало.

К этому выводу советская геологическая наука пришла в результате изучения террас в речных долинах волжского бассейна. Каждая река, как известно, ведет медленную, но неустанную работу: она размывает свою долину, местами расширяет ее, делает ее все более глубокой, местами же намывает целые толщи гравия, песка, глины; затем снова размывает их, оставляя, по мере углубления русла, все новые и новые, все более низкие уступы, которые и называются террасами. Чем древнее река, тем в общей сложности выше и многочисленнее ее террасы. На Каме их насчи-

тывается 5 и даже 6, тогда как Верхняя Волга, являющаяся в геологическом смысле очень молодой рекой, течет в низких берегах, по слабо разработанной долине.

В ту далекую, доледниковую эпоху реки из области современного Верхнего Поволжья стекали прямо на юг, в долину Дона.

Климат тогда был очень теплым, что доказывается остатками растений из геологических слоев того времени. Особенно хорошо сохраняется цветочная пыльца, позволяющая с помощью микроскопа не только устанавливать наличие различных видов растений, но, подсчитывая большое число пылинок, определять количественное соотношение видов, преобладание тех или иных деревьев, кустарников, трав.

Исследование пыльцы из ранне-четвертичных отложений у Соликамска и Чистополя показывает, что уже в начале четвертичной геологической эпохи и на верхней, и на нижней Каме сплошь росли хвойные леса с преобладанием ели (у Чистополя до 52 процентов).

Таким способом была определена и ископаемая предледниковая флора из очень важного в этом отношении геологического разреза у д. Афанасово близ Елабуги. Оказалось, что леса в Прикамье того времени, кроме ели и сосны, включали пихту, березу, ольху, а также широколиственные: дуб, вяз, липу, граб, орешник, клен.

Установлен и состав фауны млекопитающих доледникового времени. В Приуралье, судя по находкам костей, водились крупные животные теплолюбивого так называемого тираспольского комплекса, отличавшегося обилием травоядных: древних быков и древних слонов, большерогих оленей, лосей, носорогов Мерка, эласмотериев, лошадей особого, древнего типа.

В описанное теплое доледниковое время, соответствующее так называемой шельской археологической эпохе, человек еще не жил на Урале, здесь не найдено его следов, да и вряд ли их можно здесь предполагать. Нет их и в средней полосе Европейской России.

В последующую, ашёрльскую эпоху началось похолодание. Оно все усиливалось по мере приближения росшего в северных горах ледника, который широко растекался на юг по равнине.

В составе фауны появляются элементы умеренного климата. Древние слоны и некоторые другие теплолюбивые

животные вымирают, их место занимают слон-трогонтерий, бизон, сибирский носорог, хозарская лошадь, сайга. Эта так называемая хозарская фауна является не только особенно-стью Урала, она была широко распространена в умеренной полосе Евразии от Франции до Дальнего Востока.

В составе лесов постепенно начинают побеждать хвойные породы, пока широколиственные не исчезают совершенно.

Много тысячелетий северные ледники увеличивались в размерах и наконец заняли всю северную часть Европы. Вдоль долины Днепра южные пределы этого днепровского или рисского оледенения достигали гор. Днепропетровска, немногим меньше опустились льды по долине Дона. В бассейне пра-Камы, где было меньше атмосферной влаги, питавшей ледники, где климат был более континентальным, граница ледников отступала гораздо дальше на север, а в Сибири местами и вовсе сливалась с побережьем Ледовитого океана.

На Каме южные пределы ледниковых отложений обнаружены в районе гор. Перми. Геолог В. А. Апродов на основании сделанных наблюдений пришел к выводу, что от находившегося недалеко от Перми ледникового массива отделялись длинные «языки», стекавшие дальше на юг по впадинам речных долин, — по Каме, вероятно, до Нытвы. В. И. Громов наблюдал отложения ледникового происхождения не ниже основания третьей и верхов четвертой речной террасы (на Чусовой). Это позволяет с уверенностью говорить здесь о следах именно максимального, днепровского оледенения; окончание формирования третьей и еще более низких надпойменных террас произошло в более позднее время.

Естественно, что в этих условиях не только в Прикамье, но и в более южных областях Европы установился очень холодный, арктический климат. Относящиеся к этому времени кости животных принадлежат уже слону-мамонту, шерстистому (сибирскому) носорогу, пещерным хищникам — медведю¹ и гиене, северному оленю, песцу и другим животным. В их состав еще входят некоторые виды более древней, хозарской фауны, но преобладают животные но-

¹ В 1953 году авторы обследовали засыпанную пещеру в Кизеле, обнаруженную в карьере, которая содержала кости многих особей крупных пещерных медведей. Следов человека там не было обнаружено и последующими раскопками Н. К. Верещагина.

вой, холодолюбивой, «мамонтовой» фауны. Соответственно меняется и флора: широколиственные леса постепенно сменяются хвойными, а вдоль краев ледника расстилается зона тундр.

В то время, когда на северо-восточную Европу надвигался материковый лед, наш материк на севере был гораздо обширнее: Шпицберген и некоторые другие острова были частью материка, Печора впадала в океан около Земли Франца Иосифа, Северная Двина — к югу от Шпицбергена, а Обь текла вдоль восточного подножья Новоземельского массива, впадая в океан между землей Франца Иосифа и Северной Землей.

На юге же Каспийское море надвинулось, трансгрессировало на север, заливая низовья пра-Камы и низменность вплоть до Саратова.

Каспий в период этой так называемой хозарской трансгрессии почти смыкался с донским языком Великого ледника.

В период таяния днепровского ледника происходят новые существенные изменения географической среды, но речь о них пойдет ниже в разделе о позднем палеолите.

3. Древнейшие следы пребывания человека

Именно в Прикамье найдены древнейшие на Урале следы человека.

Лет 20 назад, когда здесь еще не были обнаружены остатки пребывания человека палеолитической, древнекаменной эпохи, некоторые ученые полагали, что якобы неблагоприятные природные условия Урала послужили причиной более позднего заселения его человеком. Однако ближайшее изучение показало ошибочность этого мнения.

В 1939 году М. В. Талицким были обнаружены остатки материальной культуры древнепалеолитического человека у Пещерного лога, близ д.д. Остров и Гляденово Краснослудского сельсовета, ныне Добрянского района Пермской области, на правом берегу Чусовой. Здесь, на глубине около 20 м под современной поверхностью, в толще серо-голубых глин третьей надпойменной террасы, в обрыве берега были найдены очень грубые искусственные отщепы из кремнистого сланца и одно законченное орудие — «ручное рубило» — миндалевидной формы (рис. 1). Здесь же найдены кости первобытного быка. Геологом В. И. Гро-

мовым установлено, что указанные находки залегали под отложениями ледникового происхождения. Это обстоятельство, так же как форма и техника изготовления «ручного рубила» и отщепов, позволяет определить памятник, как относящийся к мустьерской археологической эпохе, совпадающей со временем наступления материковых льдов днепровского оледенения.

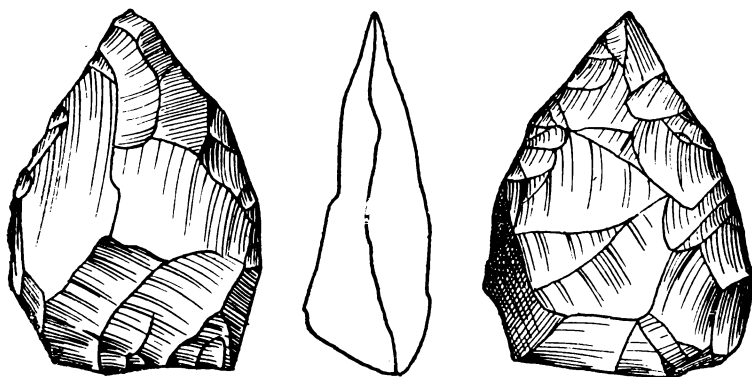

Рис. 1. Каменное «ручное рубило» из Пещерного лога.

Рядом с Пещерным логом, на уровне археологических находок недавно обнаружен древний торфяник, под которым оказались остатки пыльцы широколиственных деревьев: липы, дуба, вяза, орешника и даже граба, как в упомянутом выше Афанасове. Такой состав леса свидетельствует, что наступающий ледник еще слабо давал себя чувствовать; лишь в самом торфянике увеличивается количество хвойных. Следовательно, находки у Пещерного лога являются скорее раннемустьерскими. В абсолютных цифрах древность их может быть определена приблизительно 75 тысячами лет.

Вторым памятником раннепалеолитического времени в бассейне Камы является Усть-Катавская пещера в Челябинской области, обнаруженная, как и Кизеловская, при разработке известнякового карьера. Здесь раскопками С. Н. Бибикова в 1937 году обнаружены многочисленные костные остатки пещерного медведя, пещерной гиены, пещерного льва, мамонта (?), сибирского носорога, быка, лошади, лося, благородного оленя, сибирской косули, северного оленя, сайги, песца и многих других животных. Состав

фауны указывает скорее всего на ту же, что и для Пещерного лога, мустьерскую археологическую эпоху. Раскопками не найдено каменных орудий или других несомненных следов пребывания в пещере человека. Но В. И. Громов, изучавший остатки фауны, отметил среди них целый ряд костей (например, носорога) с отбитыми эпифизами, сброшенные рога лося со следами, по-видимому, среза его лопатообразной части и особенный характер излома некоторых трубчатых костей; все это указывает на пребывание человека в этой пещере.

Хозарская и мустьерская фауна, так же как и кремневые отщепы мустьерского характера, обнаружены также на галечниковой отмели у с. Мысы около устья Камы. Они как бы связывают камские памятники с целым рядом местонахождений того же времени, обнаруженных главным образом в послевоенные годы на Средней и Нижней Волге.

4. Время и пути первоначального заселения Прикамья человеком

Таким образом факт пребывания в Прикамье человека еще в предледниковую, мустьерскую эпоху можно считать установленным.

Но есть основания утверждать, что первые орды первобытных охотников появились здесь значительно раньше.

Как уже указывалось, первоначальное интенсивное расселение человечества началось еще в предшествующую, ашельскую эпоху, когда развитие материальной культуры создало для этого необходимые предпосылки. Действительно, памятники ашельской эпохи в Европе не только покрывают территорию распространения шелльских находок, но захватывают обширные пространства к северу от нее. Находки искусственно сделанных кремневых предметов ашельского времени обнаружены в бассейне р. Десны (приток Днепра) под Брянском и, что для нас еще важнее, на Волге близ Куйбышева и к северу от него, между Куйбышевым и устьем Камы, близ с. Ундоры, в урочище Красная Глинка (находка М. З. Паничкиной).

Не приходится сомневаться, что и Прикамье, — во всяком случае Нижняя Кама и р. Белая, — были впервые заселены человеком также в ашельское время, когда наши первобытные предки небольшими, изолированными группами, но широким фронтом заселяли до этого неведомые им пространства Русской равнины.

До сего времени менее ясен вопрос о путях, которыми двигались на Урал его первые поселенцы. При изучении этого вопроса необходимо учесть, что в эпоху, предшествовавшую Великому оледенению, Черное море было соединено широким Манычским морским проливом с Каспием и, далее, с Аралом, последний же, в свою очередь, с третьим пресноводным морем в Сарыкамышской впадине. Таким образом, с юга интересующая нас область была изолирована целой системой полупресноводных внутренних морских бассейнов, тянувшихся далеко на восток и на запад. На Украине в это время простирались обширные болотистые пространства, соответствующие которым слои поразительно бедны остатками фауны и, надо полагать, были трудно доступны для человека.

Нарисованная палеогеографическая картина делает мало вероятным продвижение первых поселенцев в Прикамье непосредственно с юга, из Средней Азии или с Кавказа, где были недавно обнаружены остатки древнейших в СССР, еще шельских стоянок первобытных людей. Скорее всего в Прикамье человек попал из южных областей зарождения людей, обойдя указанные выше, непреодолимые для него естественные препятствия, то есть не с юга, а с востока и с запада. Какой из этих путей сыграл большую роль в первоначальном заселении Прикамья, сказать пока трудно.

5. О физическом облике, образе жизни и общественном строе первых обитателей Прикамья

Первые обитатели Прикамья, хотя и были непосредственными предками современного человека, но принадлежали к более примитивному виду, известному под именем неандертальского человека. Костных остатков его в Прикамье не найдено, но в эту эпоху он был распространен повсеместно, от юго-восточной Азии до Южной Африки и Западной Европы. Ближайшим к Уралу местонахождением костей неандертальского человека является пещера Тэшик-Таш в Узбекской ССР, где А. П. Окладниковым в 1938 году найден целый скелет неандертальского мальчика.

Неандертальский человек был низкорослым, но крепкого телосложения и обладал большой физической силой. Он имел относительно длинные руки и короткие ноги, ходил со слегка согнутыми коленями; был сутул, нижняя часть лица у него выступала вперед, подбородочный выступ

отсутствовал, лоб убегал назад, нос был широк и приплюснут, над глазами нависали толстые костные валики.

Еще древнепалеолитическая, мустьерская культура неандертальского человека была очень примитивной. Небольшое «ручное рубило», ручной нож — остроконечник, грубое кремневое же скребло и простейшие деревянные орудия — вот основной набор орудий того времени. Даже кость и рог еще почти не использовались как материал для выделки тех или иных предметов.

Пищей служило главным образом мясо животных, добывавшееся путем коллективной охоты: облавами, ловчими ямами, западнями, ловушками.

Неандертальцы не имели прочной оседлости, ненадежная, примитивная охота еще не создавала возможностей для этого. Они принуждены были часто передвигаться с места на место в поисках животных. Все же у них были свои излюбленные стойбища, на которых они жили чаще и больше, чем на других, и поэтому успели накопить довольно мощный слой с культурными остатками, включая сюда и многочисленные кости съеденных на стоянке животных. Наряду с такими стойбищами встречаются и кратковременные стоянки, где небольшие группы охотников оставались очень недолго; здесь нет хорошо выраженных культурных слоев, количество оставленных каменных орудий очень невелико. К числу таких стоянок относятся все до сего времени известные в Прикамье памятники раннего палеолита: и Мысы, и Усть-Катавская пещера, и Пещерный лог на Чусовой, хотя М. В. Талицкий и считал последний стоянкой. У Пещерного лога, по-видимому, не было стоянки, как показали недавние раскопки О. Н. Бадера. Надо полагать, что сюда, на каменистую, усеянную галечником отмель Чусовой люди приходили за материалом для выделки каменных орудий или для того, чтобы их здесь себе сделать.

В эту отдаленную эпоху люди еще не обладали сложной общественной организацией. Можно предполагать, что это была примитивная, основанная на взаимопомощи человеческая организация, которую В. И. Ленин называл первобытным стадом; в нем еще не существовало каких-либо ограничений в области брачных отношений, отношения между полами были беспорядочными, не существовало ни религии, ни племенной организации, ни семьи: отец и дочь, мать и сын, брат и сестра были в брачных отношениях друг с дру-

гом. Впрочем, возможно появление возрастных брачных групп. Отдельные полубродячие орды неандертальцев были плохо связаны между собой и вели изолированную жизнь. Но связь между членами каждой такой орды была крепкой, ибо производство было еще крайне неразвито, существовать можно было только в коллективе, отколовшийся от него человек был обречен на гибель, он не мыслил себя вне коллектива, не отделял себя от него. И производство, и потребление были коллективными. Членораздельная речь была уже в то время одним из существенных средств для организованных коллективных действий.

ЭПОХА ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА

(40—15 тыс. лет до н. э.)

6. Географическая среда

Эпоха позднего палеолита сменила раннепалеолитическую еще тогда, когда днепровское оледенение не достигло своего максимума. Уже в начале позднего палеолита ледники заняли наиболее южное положение. В области Прикамья и Среднего Урала их южная кромка шла с Дона на северо-восток на Суру, пересекала Волгу и Ветлугу, Каму южнее Обвы; в области горного Урала, в соответствии с более низкой температурой на более высоких отметках, ледник выступал довольно длинным языком к югу, затем поднимался круто на север и у Ивделя поворачивал на восток, пересекая Обь близ устья Иртыша.

Надвинувшийся ледник привел к изменениям и в гидрографической, речной сети. Запертые на севере материковыми льдами, реки Печорского бассейна стекали в Каму через Вятку; бассейны Верхней Вычегды и Верхней Камы также, по-видимому, имели сток не в направлении современной Камы, а через Вятку. Продвинувшись далеко на юг, ледник подпер и воды большой реки, протекавшей между Юрьевцем и Васильсурском и впадавшей на севере в пра-Унжу, принадлежавшую к бассейну Дона; вытекавшие из-под ледника обильные воды переливались через казанский водораздел в Каму и перепилили его. Так начался процесс образования Волги.

Это было время наибольшего похолодания, когда ландшафтные зоны сместились далеко к югу, и во всем Прикамье установился холодный арктический климат.

Последующие десятки тысячелетий падают на период таяния ледника, когда он медленно, но неуклонно сокращался в размерах, очистив большую часть Русской равнины. В это время климат продолжал оставаться холодным, о чем свидетельствуют кости по-прежнему холодолюбивых животных, которые обнаружены почти на всех позднепалеолитических стоянках Европы и Сибири.

Однако таяние ледников прекращается, и они снова начинают движение на юг. Льды этой валдайской или вюрмской стадии оледенения не успели занять столь значительных площадей, как на днепровской стадии, их южные пределы лишь достигали Валдайской возвышенности, где прекрасно выражены конечные морены этого последнего оледенения.

Северный Урал был в это время центром самостоятельного оледенения, но и здесь оно далеко не достигло пределов предшествующего.

В Северном Приуралье последнее оледенение привело к тому, что речная сеть бассейнов Печоры и Верхней Вычегды, в межледниковое время стекавших в Ледовитый океан, снова получила сток на юг, в Каму. Лишь в конце оледенения Вычегда и даже Печора получили сток через Северную Двину, а после исчезновения льдов в Большеземельской тундре Печора прорвалась снова на север.

В это время была окончательно выработана основная долина Верхней Волги. По справедливому замечанию геолога Г. Ф. Мирчинка, история долины Волги «является, в сущности, историей усиления мощи Камы. Притоки Камы, постепенно нарастая, создали современную Волгу. Исторически, в геологическом смысле этого слова, правильнее было бы считать Волгу притоком Камы».

7. Остатки стоянок первобытных охотников.

Физический облик человека

Следы обитания позднепалеолитических людей гораздо более многочисленны. В своем распространении они заходят дальше на север, чем раннепалеолитические; следовательно, позднепалеолитический человек продолжал расселение на север, начатое его предками десятки тысячелетий назад. Сократившиеся в размерах, ледники давали эту возможность.

Крупнейшей позднепалеолитической стоянкой Прикамья и всего Урала является стоянка у д. Остров в низовьях

р. Чусовой, расположенная на ее правом берегу, в четырех сотнях метров ниже по течению от Пещерного лога. Открытая в 1938 году и обследованная тогда же, и в 1939 году археологом М. В. Талицким, вскоре погибшим на одном из фронтов Отечественной войны, она названа в его память стоянкой имени Талицкого. Исчерпывающие раскопки ее произведены О. Н. Бадером в 1945—1952 годах.

Небольшая площадка на берегу Чусовой, на которой некогда жили люди, оказалась усеянной осколками кремня, кремнистого сланца, горного хрусталя и сделанными из них орудиями, пестрела пятнами охры, костной золы и мелко пережженных костей, а также многочисленными, разбросанными по всей стоянке костями мамонта, сибирского носорога, северного оленя, дикой лошади, дикого быка, медведя, волка, лисы, зайца и других животных, на которых охотились обитатели стоянки. На площадке, лишь отчасти разрушенной рекою, обнаружены 8 вырытых в земле котлообразных очажных ям диаметром 60—70 и глубиной около 20 см. Очажные ямы были переполнены пережженными костями, которые, следовательно, использовались как топливо. Вокруг очагов лежали плоские плитки песчаника, служившие, вероятно, для поджаривания мяса, а также большая часть остатков.

Жилища были наземными и имели характер легких, временных сооружений. Этот вывод подтверждается наблюдениями над залеганием культурного слоя, который в нижней части стоянки, заливавшейся весенними разливами, разделялся на три тонких отдельных слоя, переслаивавшихся с тонкими слоями то песка, то глины; благодаря этому выяснилось, что стоянка посещалась небольшой группой людей три раза подряд: первый раз в конце осени или зимою, будучи покинута не позднее ранней весны следующего года; во второй раз — через несколько месяцев, после спада весеннего паводка; и, наконец, в третий раз примерно через год, поздней осенью или даже зимою, как и в первый раз.

После того, как она была окончательно покинута людьми, разливы Чусовой и смывы с более высоких склонов успели образовать над стоянкой 16-метровую толщу второй надпойменной террасы, в связи с чем раскопки были здесь очень трудны (рис. 2).

Материальная культура стоянки Талицкого состоит из уже довольно разнообразных орудий труда: каменных скребков для обработки шкур, ножей и ножевидных пла-

стин, шильев — прокол и сверл (рис. 3). Встречаются и предметы, сделанные из кости и рога: таков костяной остро-конечник с двумя лезвиями, сделанными из вставных кремневых пластинок (рис. 3, фиг. 9); интересен также обломок

Рис. 2. Раскопки позднепалеолитической стоянки Талицкого в 1946 году (с картины худ. П. А. Оборина, хранящейся в Музее археологии Пермского университета); Н. В. Гол

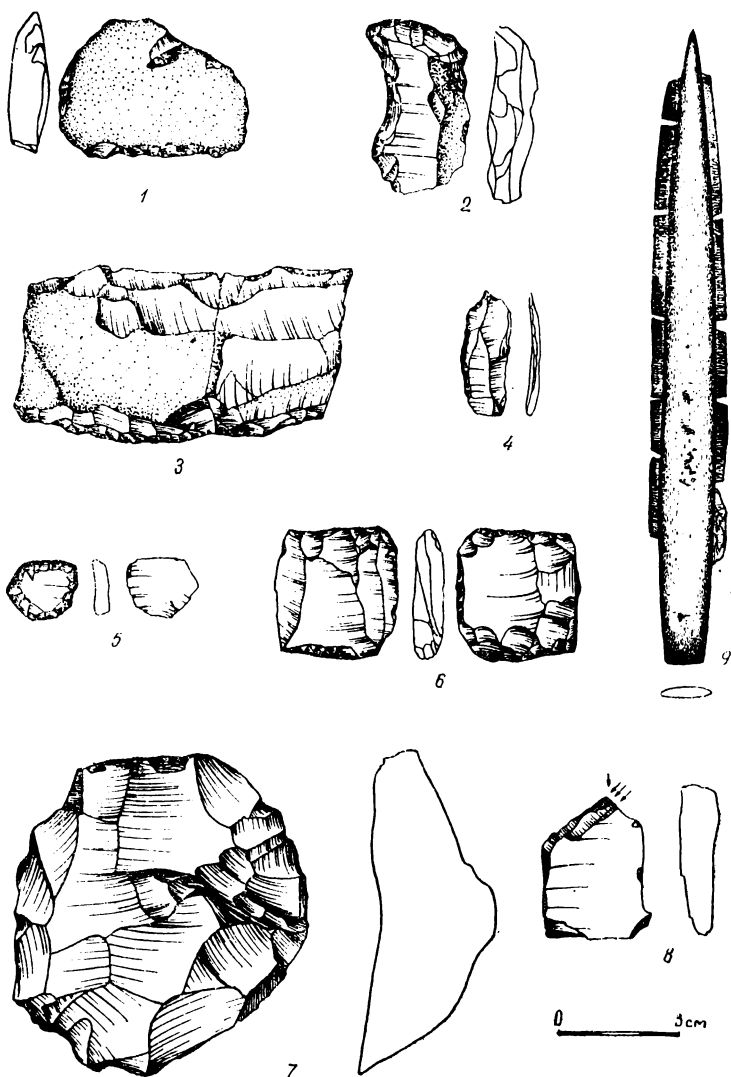

Рис. 3. Стоянка Талицкого. Каменные (1—8) и костяное (9) орудия.

ребра мамонта, найденный неподалеку: его обрезанный конец украшен несложной, но тщательно выполненной резбой (рис. 4). Кость и рог в эпоху позднего палеолита уже широко использовались для выделки орудий труда и других необходимых в быту предметов.

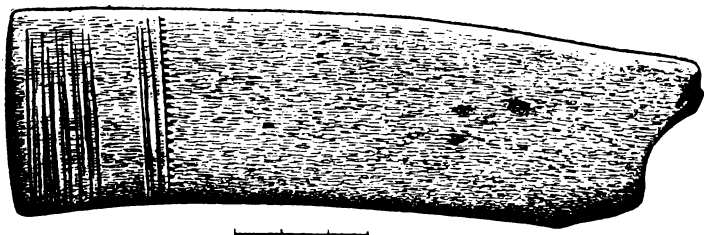

Рис. 4. Орнаментированное ребро мамонта, найденное недалеко от стоянки Талицкого.

Стоянка Талицкого может быть отнесена к самому концу солютрейской или скорее к началу медленской археологической эпохи, то есть ко времени около 25 тысяч лет до нашей эры.

Этот важный для истории Урала памятник считался самым северным в Европе, определяя пределы расселения позднепалеолитического человечества в этой части света. Но в последние годы Камской археологической экспедицией был открыт и изучен совершенно аналогичный по условиям залегания в толще второй надпойменной террасы памятник у поселка Демидково, на левом берегу Камы, между Пермью и Дзбрянкой. Многочисленные находки костей животных — спутников позднепалеолитического человека — еще выше по Каме, в районе Чермоза и еще севернее дают основание предполагать наличие памятников палеолита и в этих районах северного Прикамья.

Южнее следы стоянок того же времени обнаружены казанскими археологами у Деукова близ Мензелинска, Т. А. Медведевой у Мысов близ устья Камы и, в особенности, в бассейне Белой, на рр. Юрюзани и Катаве, где С. Н. Бибиковым в 1938 и 1939 годах обнаружено около десятка пещер, служивших временными убежищами позднепалеолитическим охотникам. Особенно интересны и лучше других изучены Ключевая и Бурановская пещеры. Только в них найдены единичные кремневые осколки со следами

их искусственной обработки. Но во всех пещерах признаки пребывания людей несомненны: сохранились кострища, многие кости разнообразных животных обожжены или расколоты. В Ключевой пещере кости принадлежат почти 30 видам млекопитающих, не считая птиц и рыб, в том числе сибирскому носорогу, дикой лошади, первобытному зубру, гигантскому, благородному и северному оленям, лосю, сайге, азиатской косуле, пещерному медведю, росомахе, волку, лисе, горностаю, песцу. В Ключевой и Бурановской пещерах кости мамонта отсутствовали: очевидно, он в то время был уже истреблен человеком.

По совокупности признаков указанные пещерные стоянки бассейна Белой относятся к концу позднего палеолита, то есть ко времени от 25 до 15 тысяч лет до нашей эры.

Костных отставков позднепалеолитических людей в бассейне Камы не найдено. Но мы можем с уверенностью сказать, что люди того времени принадлежали уже к современному типу, ибо к современному типу относятся все многочисленные находки скелетов позднепалеолитического человека в других районах Европы. Прослеживается даже процесс формирования современного типа из неандертальского 50—40 тысяч лет тому назад.

8. Хозяйство и образ жизни

Позднепалеолитические стоянки являются яркой иллюстрацией охотничьего образа жизни населения. Их культурные слои изобилуют костями диких животных, добытых на охоте и съеденных на стоянках. К тому же в Прикамье не найдено ни одного постоянного поселения, а исключительно временные охотничьи стоянки. Особенно характерны в этом отношении пещерные стоянки бассейна Белой; мелкие культурные прослойки в некоторых из них перемежаются с тонкими слоями, не содержащими культурных остатков, что говорит о многократном посещении пещер, а не о постоянном обитании; о том же свидетельствует и отсутствие каменных орудий и осколков: охотники приходили в пещеры с готовыми орудиями, не вырабатывали их здесь; они охотились, поедали в пещерных убежищах свою добычу и вскоре же уходили в другое место. Даже относительно богатая стоянка Талницкого, где во множестве выделялись каменные орудия, являлась кратковременной стоянкой. Вопрос о наличии в Прикамье постоянных поздне-

палеолитических поселений надо пока считать открытым, но подвижный образ жизни охотников того времени не подлежит сомнению.

Набор каменных орудий позднего палеолита разнообразен и хорошо приспособлен для обработки продуктов охоты. В некоторых областях вне Урала найдены и палеолитические изображения животных, сделанные первобытными охотниками краской на потолках и стенах пещер или способом резьбы на костяных и каменных предметах, или в виде скульптурных фигурок.

В это время совершенствуются методы коллективной, загонной охоты, основными объектами которой являлись крупные животные: мамонт и носорог, а также в меньшей мере стадные животные — дикая лошадь и, в особенности, северный олень. Стада мамонтов требовали для своего пропитания огромного количества травы и молодых древесных побегов и вследствие этого не могли долго задерживаться на одном месте, постоянно меняя пастбища; далекие и систематические перекочевки стад северных оленей — общеизвестны. Это обстоятельство не могло не влиять и на подвижность охотничьих коллективов, вынужденных часто передвигаться с места на место вслед за животными, которые давали им основную пищу, материал для одежды, покрытия переносных, легких жилищ и для выделки многих костяных предметов.

Собирание растительной пищи в условиях сурового климата приледниковых областей не могло играть существенной роли в хозяйстве.

Надо полагать, что в некоторых наиболее благоприятных местах предгорий Урала, где животный мир был особенно богат благодаря характерному для предгорий смешению, с одной стороны, равнинной и горной фауны, с другой — лесной и степной, можно ждать открытия позднепалеолитических стоянок с более мощными и богатыми культурными слоями.

9. Становление родового строя

Современное население земного шара, до нашего времени сохранившее во многих местах Австралии и Америки, Азии и Африки неолитическую и мезолитическую культуру, примитивное присвояющее хозяйство и первобытно-общинный строй, все же нигде не находилось уже

на стадии древнекаменного века — палеолита и везде обладало родоплеменным строем. Следовательно, становление родоплеменного строя нужно относить к более примитивному состоянию, которое и дает нам поздний палеолит.

Брак был групповым, то есть несколько сестер по матери одновременно находились в брачных отношениях с группой мужчин из другого рода. Поэтому отец ребенка обычно не мог быть точно установлен, и счет родства вели по женской линии. Женщина была не только хранительницей очага, воспитательницей детей, которые оставались всегда в ее роде, но и родоначальницей, почитавшейся нередко несколькими поколениями. Все это обуславливало равноправное и, более того, почетное положение женщины, характеризующее всю эпоху матриархата. Изображение женщины-прародительницы нередко хранилось в жилище и служило символом, объединяющим членов рода или его частей.

Замечательно, что на целом ряде позднепалеолитических стоянок Европы и Сибири были обнаружены большие многоочажные коллективные жилища, характерные для родового строя современности, а в них среди многих других предметов — скульптурные фигурки из кости, рога или камня, изображающие почти всегда женщин, видимо, женщин-прародительниц.

Тогда же зарождается первобытное искусство, на первых порах связанное с появлением религиозных суеверий: веры в душу — бесплотного двойника человека, животного или любого предмета (анимизм), в происхождение людей каждого рода от определенного животного или растения (тотемизм), в силу разнообразных колдовских действий (магия).

Становление современного антропологического типа и возникновение родового строя в позднем палеолите, подразделение общества на крепко спаянные родовые коллективы, объединяемые позже в рамках еще более крупных сообществ, — первобытных племен, — знаменует крупный этап в истории человечества. Сформировавшаяся впервые, очевидно, как раз в это время матриархальная родовая организация сохранила свои основные черты и в период расцвета первобытно-общинного родоплеменного строя, наступивший несколькими десятками тысячелетий позднее, в эпоху неолита.

10. Тесные связи с Сибирью и их вероятные причины

Одним из важных в историческом отношении вопросов, возникших при изучении позднего палеолита на Каме, явился вопрос, вытекающий из характера материальной культуры стоянки Талицкого. Дело в том, что материальная культура сибирских стоянок отличается от культуры восточно-европейских стоянок целым рядом особенностей. Стоянка Талицкого обладает особенностями сибирских стоянок. Следовательно, позднепалеолитическое население Прикамья, несмотря на обитание к западу от Уральского хребта, относилось к сибирскому культурному миру, было ему родственно. Культурная, этническая грань между Европой и Азией проходила тогда к западу от Урала, между Камой и Доном, где позднепалеолитическая культура была иной, типично-европейской.

Установить причины этого интересного и неожиданного явления очень трудно: нужно учитывать отдаленность от нас той эпохи. Представляется наиболее вероятным влияние географических условий, сложившихся в северо-восточной Европе еще в эпоху Великого оледенения. Как уже упоминалось, пределы трансгрессии Каспия в хозарскую эпоху почти смыкались с донским языком ледника, изолируя Урал и свободное от льдов Поволжье от основной части Европы (рис. 5).

В этих условиях уже в конце раннепалеолитической, мустьерской эпохи, так же как на протяжении значительной части позднего палеолита, указанный ледниковый барьер очень затруднял общение между населением, обитавшим по его сторонам; да для такого общения не было тогда и особых стимулов.

Существование указанного барьера подтверждается даже особенностями флоры и фауны Прикамья и отчасти Поволжья, в составе которых очень сильны азиатские элементы.

Возникновение расовых особенностей европеоидного и монголоидного типов людей и их распространение в известной мере могут быть объяснены теми же условиями изоляции крупных территорий друг от друга. В Европе найдены многочисленные костные остатки европеоидного типа; в Сибири же, близ Красноярска — часть позднепалеолитического черепа монголоидного типа. Культурное сходство позднепалеолитического населения Прикамья и

Сибири с учетом длительного существования указанной выше труднопроходимой территории между Доном и Каспием делают наиболее вероятным предположение о монголоидности населения Прикамья в рассматриваемую эпоху.

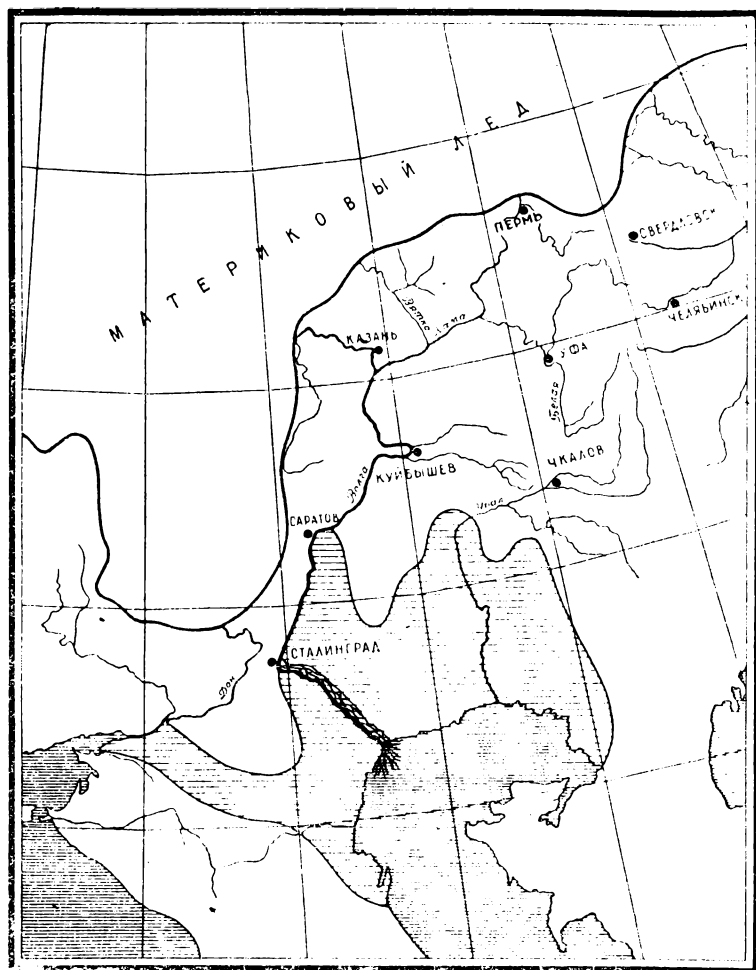

Рис. 5. Карта северо-восточной Европы в эпоху Великого оледенения.

Лишь во вторую половину позднего палеолита указанные «ворота» раздвинулись, хотя и тогда пространства между пределами валдайского ледника и новой, хвалын-

ской трансгрессией Каспия вряд ли особенно благоприятствовали человеку. Во всяком случае с этих пор Прикамье сделалось ареной многотысячелетнего скрещения и взаимодействия между европеоидными и монголоидными элементами, что нашло свое отражение и на стоянке Талицкого и послужило началом культурного своеобразия этого края в последующие эпохи.

ЭПОХА МЕЗОЛИТА

(15 — 6 тыс. лет до н. э.)

11. Наступление современных климатических условий

Геологические исследования и подсчет годовичных отложений на дне древних приледниковых озер позволили с большой точностью определить время существования и таяния последнего, валдайского или вюрмского ледника для целого ряда областей северо-восточной Европы. Так, установлено, что, например, южную часть Швеции ледник освободил 15 000 лет назад, а окрестности Ленинграда — 12 400 лет назад. Северный Урал, бывший в конце ледникового периода самостоятельным центром оледенения, освободился из-под льда, в силу континентальности климата, скорее, чем Скандинавские горы.

В Прикамье во всяком случае около полутора десятков тысячелетий до н. э. стал устанавливаться современный климатический режим. Это повело к весьма существенным изменениям в растительном и животном мире. Ландшафтные зоны постепенно принимали их современное положение: на севере зона хвойной тайги, южнее смешанные и лиственные леса, за ними степи. Есть некоторые основания полагать, что в раннее послеледниковое время даже был период, когда лиственные леса в Прикамье занимали больше места, чем сейчас.

На Чусовой, между Пещерным логом и стоянкой Талицкого, Камской археологической экспедицией обследован торфяник, расположенный на второй надпойменной террасе, перекрытой более чем трехметровой толщей позднейших смылов с более высоких склонов и относящийся к раннему послеледниковью. Хорошо сохранившиеся в нем растительные остатки, определенные Р. Е. Гитерман и Н. М. Колмогоровой, устанавливают наличие здесь смешанного елово-широколиственного леса с липой, вязом, орешником

и со значительной примесью березы. Характер этого леса был иным, чем современный, и указывает на более теплый климат.

Исчезли мамонты и носороги — частью под влиянием естественных факторов, частью истребленные человеком; исчезли дикие лошади и быки, ушедшие из лесов на юг; северные олени и песцы вслед за ледником ушли на север. Остались лоси, кабаны, дикие козы, бобры, медведи, волки, лисы, зайцы и некоторые другие животные, а также современная фауна птиц и рыб.

Кама стала притоком Волги и вместе со своими притоками приняла современный вид; она была лишь более полноводной, чему способствовали густо покрывавшие ее бассейн девственные леса.

Однако на протяжении послеледниковья климат не оставался вполне однородным, он был подвержен время от времени некоторым колебаниям. За холодным периодом, с климатом, близким арктическому, следовал относительно холодный и сухой бореальный период, когда степные элементы занимали больше места, чем теперь; его сменил теплый и влажный атлантический период, благоприятный для произрастания лиственных лесов; еще позднее наступил суббореальный — сухой и теплый период, когда степи, продвигаясь к северу, наступали на лес, а за ним снова более влажный субатлантический и затем современный период в узком смысле этого слова. Указанная смена климатических периодов была установлена ботаниками преимущественно с помощью микроскопического анализа остатков древесной и прочей пыльцы из отложений послеледниковых торфяников в северной части Европы.

К мезолитической, среднекаменной эпохе, рассматриваемой в настоящей главе, относятся лишь конец холодного, субарктического периода, весь бореальный и часть атлантического периода.

12. Стоянки мезолитических охотников

Мезолитические поселения, за исключением пещерных, везде обнаруживаются с особенным трудом. Причина этого заключается в том, что расположены они чаще всего на поверхности легко разрушаемых песчаных дюн и уступов первых надпойменных, боровых террас, протянувшихся вдоль речных долин, а также в том, что куль-

турные остатки их очень бедны. На Русской равнине известны лишь единичные стоянки людей мезолитической эпохи, а восточнее Средней Волги они до недавнего времени вообще не были известны. Лишь Камской Археологической экспедиции Пермского университета в 1947—1954 годах удалось открыть и исследовать несколько мезолитических памятников на берегах Камы и Чусовой.

Мезолитические стоянки Прикамья являются не только самыми восточными, но и самыми северными в Европе. Наиболее северной и в то же время богатой из них оказалась стоянка у Дома отдыха Огурдино близ Усолья и Березников, на правом берегу Камы. Раскопаны также Нижне-Адищевская стоянка в низовьях Чусовой, Кама-Жулановская стоянка ниже Осы и некоторые другие.

Не приходится сомневаться в населенности всего Прикамья в мезолитическую эпоху. В это время люди впервые появляются даже на берегах Ледовитого океана и заселяют Америку, проникнув туда из северо-восточной Азии, возможно, еще в конце позднего палеолита.

Все стоянки берегов Камы не имеют хорошо окрашенного, заметного на глаз культурного слоя. Остатки материальной культуры лежат обычно в верхнем горизонте песка, слагающего первую надпойменную террасу, на высоте 8—15 м над современным уровнем Камы, занимают небольшие площади и очень небогаты.

Они состоят исключительно из каменных, главным образом, кремневых предметов. Особенностью их является изобилие тонких, великолепно сделанных кремневых пластинок, частью использовавшихся для приготовления других орудий, но чаще всего в качестве вкладных лезвий в костяных, а может быть, и деревянных ножах и наконечниках. Такая «вкладышевая», «микролитическая» (мелкокаменная) техника в изготовлении и использовании кремневых орудий характерна для всего европейского и средиземноморского мезолита, во всяком случае для его более ранней стадии.

Кроме ножевидных пластинок, найдены кремневые же резцы для обработки кости и рога (рис. 6, ф. 11, 12), небольшие скребки для обработки шкур — на концах ножевидных пластинок (ф. 9, 10), круглые шилья-проколки (ф. 7) и прочие предметы. Иногда кусочки ножевидных пластинок-вкладышей для большего удобства вставки в узкий паз в костяном орудии намеренно притуплялись

с одного края (ф. 5, 6). Но наиболее характерны специально приготовленные вкладыши трапецевидной (ф. 8) и почти прямоугольной формы; сломанные края ножевидной пластины каждый раз специально обрабатывались тонкой

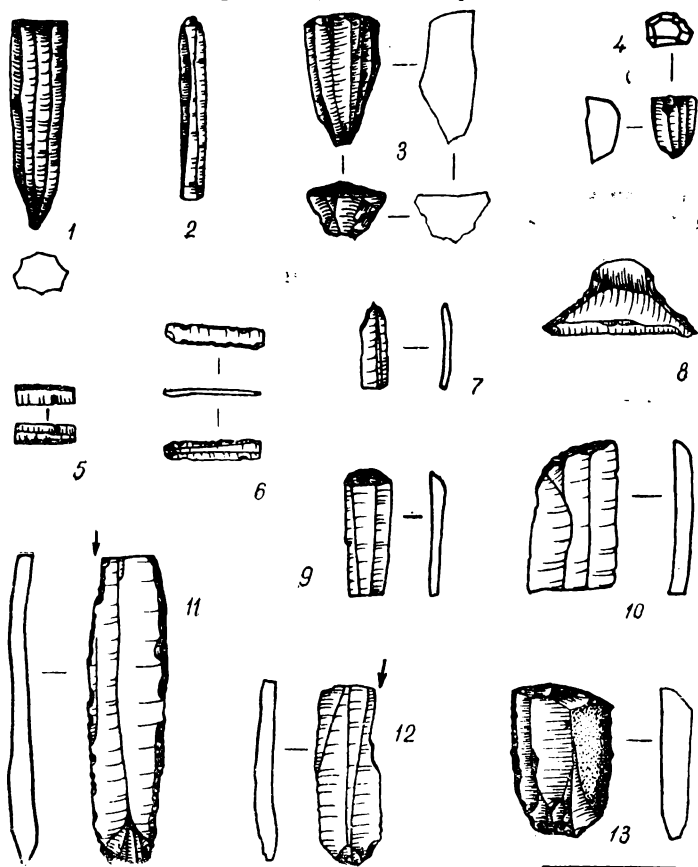

Рис. 6. Кремневые орудия с мезолитических стоянок берегов Камы: 3, 8, 13 — Огурдинская стоянка; 1, 2, 5, 9 — Нижнеадищевская стоянка; 4, 6, 7, 10—12 — Кама-Жулановская стоянка.

ретушью. Крупные каменные орудия почти отсутствуют, а костяные и деревянные в песке, близко от поверхности — не сохраняются.

На некоторых стоянках удалось зафиксировать простые кострища — пятна сильно прокаленного песка. На

Огурдинской стоянке обнаружены очертания небольшого четырехугольного углубления с плоским дном и выходом. По всей вероятности, мы имеем здесь очертания жилища. Но следы очага на дне углубления отсутствуют, и это жилище нельзя рассматривать как постоянное. Прочно устроенные, постоянного характера жилища отсутствуют на всех восточно-европейских мезолитических стоянках, имеющих всегда облик кратковременных стойбищ на берегах рек и озер.

В бассейне Белой, у д. Идрисово на р. Юрюзани М. А. Бадер в 1951 году обследовала пещеру, у входа в которую на стене нанесены красной краской человеческие фигурки (рис. 7). Манера и стиль изображений имеют много общего с мезолитическими изображениями в более западных областях Европы и также могут быть датированы мезолитическим временем. Их можно расценивать как изображения предков.

13. Образ жизни, хозяйство, общественный строй

Исключительно временный характер мезолитических стоянок северо-восточной Европы, отсутствие признаков земледелия и скотоводства здесь, на этой исторической ступени, находки костей диких животных на некоторых мезолитических стоянках — все говорит за охотничий быт мезолитического населения Прикамья.

Отсутствие в это время таких крупных животных, как мамонт, и стадных животных, как северный олень и дикая лошадь, должно было существенно повлиять на организацию и способы охотничьего производства. Тысячелетиями сложившиеся приемы массовых, коллективных загонных охот неизбежно должны были уступить место новым приемам, наиболее рентабельным в новых условиях, когда основными объектами охоты сделались лось, косуля, кабан и другие современные, относительно мелкие животные, к тому же не живущие стадами. Крупные охотничьи коллективы были уже не нужны. Их заменили мелкие, подвижные коллективы, которые начали применять западни, ловушки, засады у водопоев, то есть в значительной мере методы индивидуальной охоты. Не случайно именно в эту эпоху появляются и во многих областях получают широкое распространение лук и стрелы — новое орудие охоты, добычливое даже в руках отдельного умелого охотника.

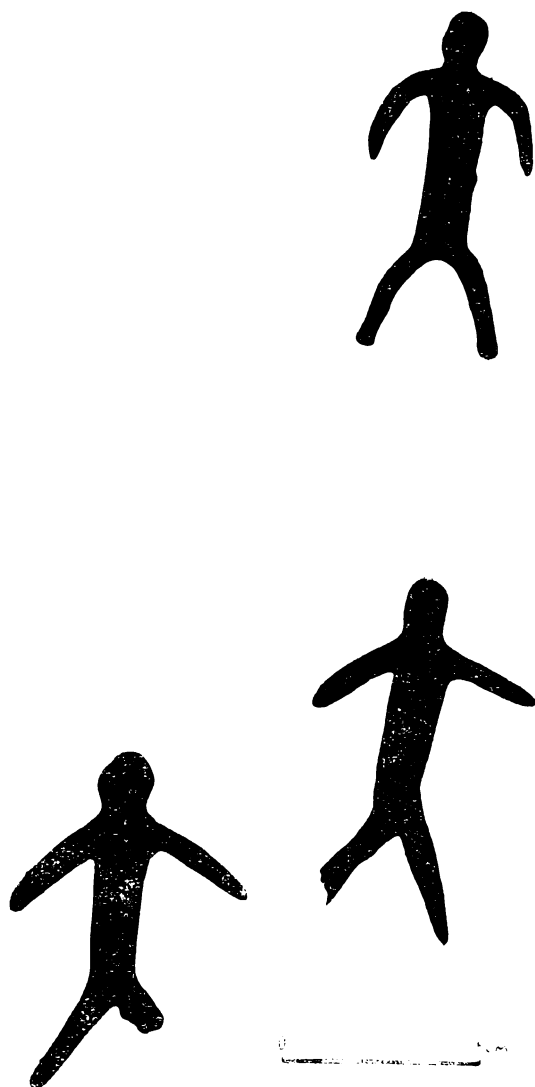

Рис. 7. Человеческие фигуры, напесенные красной краской на скалу у входа в Идрисовскую пещеру.

Кремневые наконечники стрел найдены на многих мезолитических стоянках Русской равнины и Юга. На камских стоянках они пока не обнаружены, но, возможно, они будут еще найдены здесь. Вполне вероятно, что наконечники стрел здесь выделывались не из кремня, а из кости или даже твердого дерева, как это наблюдалось у многих первобытных племен современности. Не исключено также, что лук и стрелы здесь вначале вообще не применялись, как это можно наблюдать у целого ряда мезолитических племен современности, — у австралийцев, огнеземельцев и некоторых других. Следует все же полагать, что лук и стрелы были в мезолите известны в Прикамье, ибо они были тогда в употреблении у всех из ближайших соседей на западе (Верхнее Поволжье) и юге (Причерноморье).

Итак, многие, недавно ставшие известными факты указывают на бродячую охоту как основное занятие мезолитического населения Прикамья, определявшую также подвижный, полуседлый образ его жизни. Не имея оседлых, а быть может, и основных поселений, люди были в своих постоянных перекочевках связаны лишь с какой-то определенной охотничьей племенной территорией, очерченной между такими же территориями соседей.

Материальная культура камских стоянок целиком соответствует подвижному быту охотников. Орудия труда и домашнего обихода, частью с легкими кремневыми или костяными наконечниками, частью сделанные из древесных материалов, были легки при переноске и не обременяли их хозяев. Тяжелые и прочные каменные орудия, необходимые для постройки прочных бревенчатых жилищ, плотов и лодок для рыболовства или пробивания льда при зимнем, подледном лове, здесь еще отсутствуют.

До сих пор остается неясным вопрос о роли рыболовства в хозяйстве мезолитического населения северо-восточной Европы. В позднем палеолите рыба бывала добычей человека, на что указывают кости и изображения ее на стоянках. Но добывалась только крупная рыба охотничьими методами, путем ее битья охотничьим оружием. На мезолитических стоянках отсутствуют какие-либо находки специфических предметов, употреблявшихся при рыболовстве.

Более теплый климат, и меньшая, чем в палеолите, добычливость охоты толкали людей на путь более широкого использования природных ресурсов. Известно, например,

что в то время значительно увеличился удельный вес собирательства. Постоянное расположение стоянок на берегу рек, почти у самой воды (следует помнить также хронологическую близость неолита, когда рыболовство становится одной из основных форм хозяйства), делает вполне правдоподобным возникновение рыболовства еще в мезолитическую эпоху. Помимо бития крупной рыбы, скорее всего должна была возникнуть мысль о применении для добывания рыбы некоторых давно известных охотничьих приемов, как устройство различных западней и ловушек в узких, искусственно создаваемых проходах, перегораживание нешироких русел и т. п.

В XVIII—XIX веках европейские путешественники и этнографы описали много первобытных племен в Северной и Южной Америке, в юго-восточной Азии и Австралии, культура и хозяйство, стоянки и образ жизни которых были в основном те же, что и у древних мезолитических племен Европы и, в частности, Прикамья. У тех и других племен полубродячая охота и собирательство (включая собирание речных и морских моллюсков) составляли основу существования, у тех и у других почти всегда имелись луки и стрелы; стойбища, носившие характер временных остановок, были многочисленны; отсутствовала глиняная посуда, тогда еще не изобретенная. Во всех случаях указанных этнографических параллелей общественный строй у современных племен был одним и тем же: родо-племенным строем на стадии матриархата, общие черты которого уже описаны выше. Первобытная матриархально-родовая община возникает в верхнем палеолите и высшего расцвета достигает в неолите; из этого следует, что в мезолите этот общественный строй по сравнению с предшествующей эпохой представляет следующий, более высокий этап его развития.

Археологические данные об эпохе мезолита в Европе рисуют картину существования гораздо более мелких культурных общностей, чем в эпоху палеолита. Если в эпоху раннего палеолита культура человека была почти совершенно однообразной на всех материках Старого Света, а в позднем палеолите выделяют пока только три очень крупных территории, отличающиеся некоторым своеобразием культуры — средиземноморско-африканскую, европейскую приледниковую и сибирско-китайскую, — то на карте мезолитической Европы хорошо заметны гораздо более мелкие территории, каждая из которых отличается

от соседних определенными культурными особенностями. Так, только в северо-восточной Европе трудами М. В. Воеводского очерчены свидерская, деснинская, причерноморская мезолитические культуры, а в настоящее время есть основания для выделения еще двух: волго-окской и вновь открытой камской. На каждой из названных территорий длительное время обитала более или менее значительная группа родственных по происхождению племен, тесно общавшихся друг с другом, говоривших, очевидно, на близких, взаимно понятных наречиях, что и обусловило общность материальной культуры в пределах каждой группы племен. Процесс все большего культурно-исторического обособления, который прослеживается уже в мезолите и выражается во все большем дроблении территорий, занятых культурно-близкими племенами, делается все более заметным в связи с общим усложнением культуры и дает возможность судить о некоторых крупных, давно забытых исторических событиях в жизни первобытного населения.

14. Культурные особенности камских мезолитических племен, их южные связи и вопрос о происхождении

Открытые на Каме стоянки дают представление об известном культурном своеобразии местных мезолитических племен.

Первое время казалось вероятным их культурное тождество или, во всяком случае, большая культурная близость с волго-окскими племенами, обитавшими по соседству и в очень близких природных условиях. Но в дальнейшем сопоставление материальной культуры тех и других племен не подтвердило этого предположения. На Каме отсутствуют характерные для волго-окского мезолита наконечники стрел свидерского типа, сделанные из кремневых ножевидных пластинок, но имеются кремневые вкладыши трапецевидной формы (рис. 6, ф. 8), неизвестные в Волго-Окском крае. Это дает основание рассматривать территорию Камы как особую культурную область эпохи мезолита. Ее географические пределы и культурные особенности смогут быть уточнены только дальнейшими исследованиями. Невозможно пока определить и хотя бы примерное число обитавших на Каме племен. Ясно только, что речь должна идти не об одном, а о нескольких племенах, которые только и могли занимать столь обширную территорию.

Те же самые культурные особенности, которые отличают камские мезолитические племена от волго-окских, сближают их с населением Юга, точнее Северного Причерноморья, Прикаспия и Нижней Волги, где памятники мезолита пока недостаточно изучены. На основании того, что в южном Поволжье находятся вкладные кремневые орудия геометрических форм, некоторые авторы высказали гипотезу о переселении в Поволжье известной части мезолитического населения из области Северного Кавказа.

Вопрос о происхождении камских мезолитических племен не может решаться просто в плане их формирования на основе местного, более древнего, позднепалеолитического населения, обитавшего на стоянках типа стоянки Талицкого. Если развитие позднепалеолитической техники на территории Европы и Средиземноморья иллюстрирует все большее преобладание техники ножевидных пластин, превращающейся в начале мезолита в микролитическую технику мелких кремневых пластинок и орудий из них, то в позднепалеолитической культуре сибирского варианта, к которому принадлежат камские стоянки, заключается обратная тенденция: на протяжении всей эпохи все увеличиваются количество и роль крупных, макролитических орудий. И хотя памятники мезолита в Сибири остаются почти не изученными, общий макролитический облик сибирской мезолитической культуры наиболее правдоподобен. Именно такая, макролитическая культура, в некоторых формах напоминающая культуру древнего палеолита, оказалась на мезолитических памятниках, открытых в 1954 году у Голого камня в окрестностях Нижнего Тагила, на восточных склонах Уральского хребта.

Такую же, макролитического характера культуру следовало ожидать на мезолитических стоянках Прикамья; но она оказалась резко отличной, микролитической, в своей основе европейской, а никак не сибирской и не имеющей признаков генетических связей с местной позднепалеолитической культурой.

Отсюда вытекает вывод: мезолитическое население Прикамья, оставившее нам свои стоянки типа Огурдинской, появилось с юга, из областей Понто-Каспия и Нижней Волги и оттеснило местные мезолитические племена, которые принуждены были отодвинуться дальше на север, осваивая новые, дотоле незаселенные пространства, недавно освободившиеся из-под льдов последнего оледенения,

вплоть до берегов Ледовитого океана на всем их европейском протяжении.

Этот вывод следует рассматривать пока лишь как общую схему. Весьма вероятно, что часть местного населения осталась и смешалась с пришлым или даже сохранила свою культуру в некоторых районах Приуралья.

Но во всяком случае можно говорить о появлении в ту эпоху в Прикамье мощной европеоидной антропологической струи (быть может, в сочетании с негроидными элементами) и о резком сокращении монголоидного элемента.

ЭПОХА НЕОЛИТА

(5—3 тысячелетия до н. э.)

15. Оседлые и временные поселения неолитических рыболовов и охотников

На позднейших камских мезолитических стоянках, как Заозерская стоянка близ Усть-Качки (недалеко от Перми), можно наблюдать заметные изменения, происходившие в материальной культуре. Здесь нет еще керамики, глиняной посуды, самый характер стоянок остается тем же, но в каменном инвентаре сильно сокращается количество ножевидных пластинок и орудий из них, в частности, резцов, больше отщепов — следовательно, чаще применяется техника оббивки камня, откалывания отщепов и изготовления из них орудий, что типично для неолитической эпохи. На каком-то переходном этапе на древних камских стоянках должны были появиться первые ретушированные по обеим сторонам наконечники стрел и дротиков, глиняная посуда и прочные шлифованные топоры, необходимые в оседлом быту лесных рыболовов и охотников, какими есть все основания считать неолитическое население Прикамья.

Хозяйство и культура неолита во многом отличаются от хозяйства и культуры мезолитического времени, но несмотря на все различия, указанные позднемезолитические стоянки делают вполне правдоподобной гипотезу о том, что на Каме неолитическая культура складывалась на базе местного мезолита без заметного участия каких-либо чуждых элементов. Известным подтверждением этого служит тот факт, что некоторые мезолитические стоянки превратились в неолитические. Так, культурные остатки той и другой

в устье Чусовой. Поздненеолитическая Левшинская стоянка оставалась единственной в течение 22 лет. Это объясняется облесенностью берегов Камы и ее притоков, которая затрудняет поиски древних поселений.

Сейчас, в результате, главным образом, работ Камской Археологической экспедиции Пермского университета, мы располагаем уже десятками неолитических памятников, создающих довольно полное представление о характере местной культуры новокаменного века, о хозяйстве и общественном строе населения (рис. 8).

Неолитические стоянки, в отличие от мезолитических, сохранили многочисленные обломки глиняной посуды и вообще гораздо более богатые культурные остатки. Это говорит об оседлом быте населения. Но наряду с большими и богатыми, несомненно оседлыми поселениями имеются маленькие и бедные стоянки временного характера.

Все неолитические стоянки располагаются на краю невысоких речных террас, очень близко от реки или озера, которые с этого времени приобретают в связи с развитием рыболовства особое значение для населения.

Постоянные, долговременные поселения, как, например, Хуторское поселение на левом берегу Камы между Соликамском и Березниками, исследованное В. П. Денисовым, имеют площадь в несколько тысяч квадратных метров и большие, прочно устроенные жилища. Одно из жилищ Хуторского поселения было раскопано и оказалось длинной полуземлянкой прямоугольной формы, размером $14 \times 4,5$ м, углубленной в землю лишь своим основанием несколько меньше, чем на один метр. В жилище находилось два очага. Это были простые костры, горевшие на земляном полу и расположенные по длинному среднему диаметру постройки (рис. 9). Есть основания полагать, что жилище представляло собой прямоугольный бревенчатый сруб, вероятно, невысокий; в крыше над очагами были отверстия для выхода дыма.

В таком жилище могло обитать до 25—30 человек; теснота свойственна жилищам первобытных племен, ценившим прежде всего основные качества жилища: тепло и защиту от ненастья. Количество жилищ на камских неолитических поселениях пока еще не установлено, поэтому общее число жителей на отдельных поселениях остается неясным.

Временные стоянки невелики и небогаты, как, например, стоянка Боровое озеро I на Чусовой. Жилища на них не об-

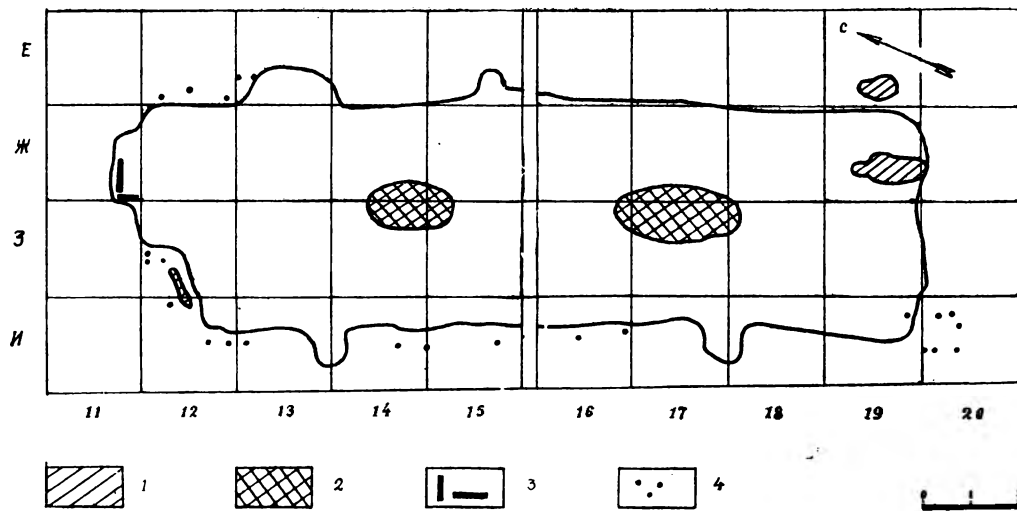

Рис. 9. План углубления полуземлянки с Хуторского неолитического поселения (по В. П. Денисову):
 1 — ямы, заполненные культурным слоем; 2 — очаги; 3 — обугленное дерево; 4 — столбовые ямы.

наружены; вероятно, они не были полуземлянками, как на долговременных поселениях, а лишь легкими наземными сооружениями. Некоторые памятники представляют собою лишь местонахождения единичных обломков глиняной посуды и кремневых осколков.

Следует отметить расположение неолитических памятников группами, по несколько памятников в отдельных узких районах. Таков район низовьев Чусовой, отрезки Камы между Соликамском и Березниками, ниже Осы и около устья Белой.

Своеобразным и исключительно редким памятником той же эпохи является жертвенное место у Писаного камня на р. Вишере.

На вертикальной и гладкой, трудно доступной скале люди конца каменного века нанесли темно-красной, смешанной с жиром краской рисунки, хорошо видные с реки. Рисунки эти изображают фигуры лося, медведя, куницы, рыбы, человека; смысл некоторых знаков непонятен (рис. 12). Представляя собой племенное, а может быть, и межплеменное святилище, жертвенное место у Писаного камня (маленький островок под скалою с рисунками) посещалось людьми, приезжавшими к нему по реке на плотах или лодках. В результате кратковременных, но неоднократных посещений под скалою образовался культурный слой, содержащий кости жертвенных животных (главным образом лося), кремневые орудия и осколки их, единичные обломки неолитической глиняной посуды.

Подобные же древние наскальные рисунки, называемые на Урале и в Сибири «писаницами», без сомнения, имелись в свое время во многих пунктах предгорий Среднего Урала, но не сохранились до нашего времени. Опубликованные же С. Н. Бибиковым в качестве неолитических рисунки из Бурановской пещеры на р. Юрюзани являются более поздними.

Время существования большинства камских неолитических памятников — 3-е тысячелетие до нашей эры.

16. Материальная культура и хозяйство

Орудия труда неолитическое население Прикамья изготовляло из камня, кости, рога, дерева. Время сохранило нам в основном только каменные орудия и предметы быта. Это может создавать представление о неолитической куль-

туре как о несравненно более бедной, чем она была на самом деле.

Помимо мелких каменных орудий, появляются более крупные, прочные орудия, хорошо приспособленные для обработки дерева, что было совершенно необходимо в условиях оседлого быта в лесной стране. Но даже мелкие кремневые орудия сделаны не из ножевидных пластинок, как в мезолите, а в подавляющем большинстве из более крупных и широких кремневых отщепов. Многочисленные кремневые наконечники стрел обоюдоострой, иволистной формы (рис. 10, ф. 1), наконечники метательных дротиков

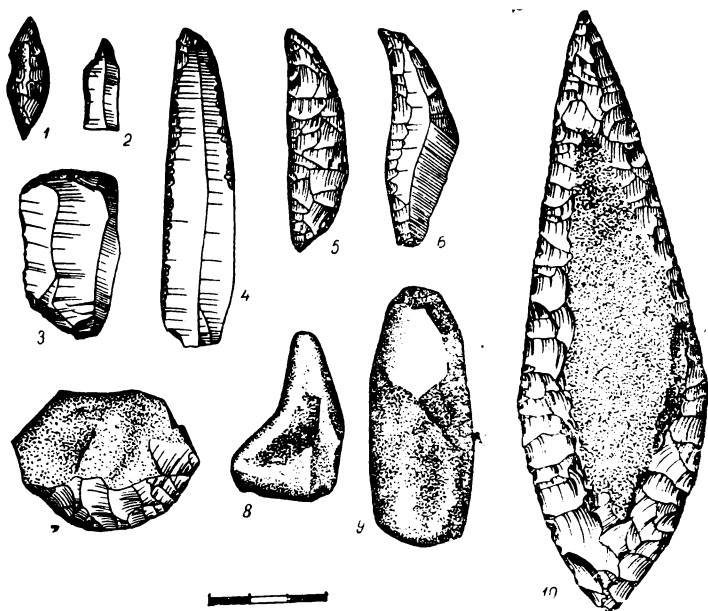

Рис. 10. Типичные каменные орудия камских неолитических поселений:

1—9—стоянка Боровое озеро 1, 10— стоянки Бор 1.

и копий с обеих сторон покрыты тщательной, плоской ретушью; так же хорошо сделаны очень острые, плоские ножи, проколки и некоторые другие предметы.

В конце эпохи кое-где появляются полученные со стороны путем обмена первые медные орудия, но они не мог-

ли играть заметной роли в производстве, оставаясь незаметными на общем неолитическом фоне.

Хорошо освоенные приемы шлифовки камня позволили изготавливать хорошие топоры, шлифованные клинья для раскалывания дерева, тесла со скошенным рабочим краем и даже вогнутые долота (рис. 10, ф. 9 и др.).

Совершенство и разнообразие каменных орудий для обработки дерева свидетельствуют о богатстве и разнообразии предметов из дерева. Без сомнения, широко использовались и такие растительные материалы, как древесная кора, лыко, волокно крапивы и т. п. Шкуры и меха животных по-прежнему служили для изготовления одежды и покрытия легких жилищ.

Помимо разнообразной деревянной, лубяной и плетеной посуды, впервые и широко используется посуда из обожженной глины. Глиняная посуда камских поселений сделана из глины с примесью песка, хорошо сглажена, обожжена на костре и очень прочна. Все найденные сосуды имеют яйцевидную форму с наклонными внутрь краями, иногда более широкую круглодонную форму (рис. 11, ф. 1—4) с диаметром в среднем 30—40 см.

Вся наружная поверхность сосудов густо покрыта штампованным, преимущественно зубчатым, орнаментом, образующим несложные узоры (рис. 11). Сосуды яйцевидной формы могли стоять только в ямке или между камнями.

Хозяйство камских неолитических племен определяется как рыболовно-охотничье.

Охота была развитой, а орудия и приемы охоты разнообразными. Об этом говорят наконечники стрел с поселений, неоднородные по размерам, в зависимости от охоты на разную дичь, а также этнографические параллели, для этой эпохи уже многочисленные (например, ительмены Камчатки, ирокезы и другие племена Америки, меланезийцы и многие другие).

О занятии рыболовством свидетельствуют находки каменных рыболовных грузил от сетей, костяные рыболовные крючки и целые скопления рыбьей чешуи и костей, встречающиеся на неолитических стоянках некоторых смежных с Прикамьем районов.

Именно рыболовство как новое, развивающееся производство обусловило в неолите лесной полосы переход к оседлому образу жизни и расположение поселений на бе-

регах водоемов, обычно на невысоких уступах первой надпойменной, боровой террасы.

Немалую роль играло и собирание растительной пищи: различных съедобных корней, орехов, ягод, грибов и пр.

Ни земледелие, ни скотоводство в эпоху неолита в Прикамье развития, по-видимому, не получили.

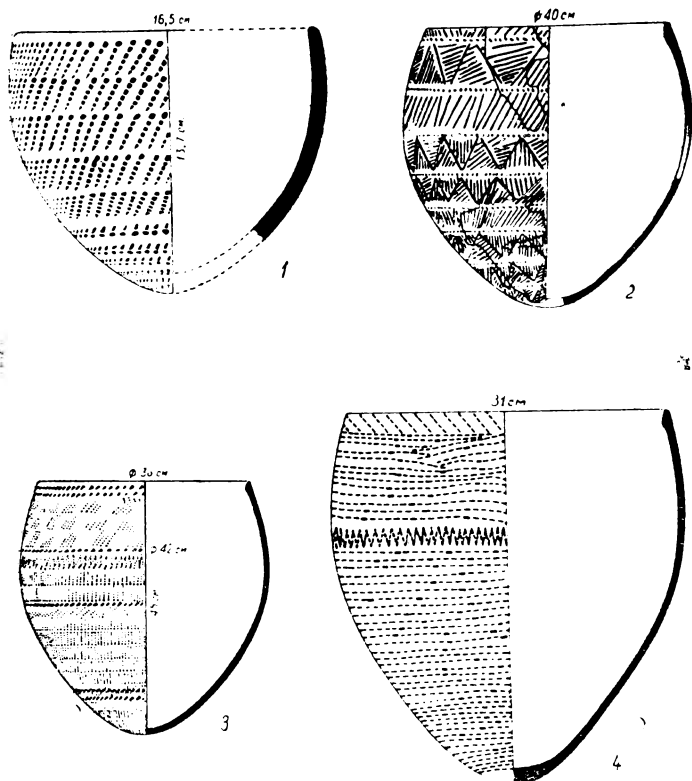

Рис. 11. Камская неолитическая глиняная посуда:

1—3 — стоянка Боровое озеро 1; 4 — хуторская стоянка.

Сравнительно многообразная деятельность неолитического населения по использованию пищевых и прочих ресурсов своей территории не позволяла ему постоянно быть на одном месте, т. е. добывать пищу только в окрестностях своего поселения. Время от времени значительные группы населения покидали свои постоянные жилища для различ-

ных сезонных промыслов. Так, у современных охотничьих племен группы мужчин-охотников (иногда с участием женщин) на всю осень и часть зимы покидают свои постоянные жилища («зимники» в Сибири) для охоты на различного зверя и возвращаются с добычей не раньше середины зимы. Зимой же практикуется подледный лов рыбы сетями. На весенние месяцы часть населения снова уходит для сезонного лова рыбы. Летом и осенью производится собирание растительной пищи нередко в отдаленных от постоянных жилищ районах.

Отсюда становится понятным, почему на Каме число временных неолитических стоянок преобладает над числом постоянных поселений. Жители каждого из последних имели по крайней мере несколько сезонных становищ, посещавшихся, в зависимости от промысла, всего один-два раза в год.

17. Расцвет матриархально-родового строя

Эпоха неолита является одной из последних в развитии матриархально-родового строя. В то же время она справедливо считается эпохой расцвета этого строя.

Родоплеменному строю везде, где этнография успела зафиксировать его на ранних этапах, соответствует развитое охотничье хозяйство в его первобытно-общинных формах, с общественной собственностью на землю, жилище, орудия производства и с коллективным же потреблением. Общество строго подразделялось на роды, которые состояли из родственников и были экзогамны, то есть браки внутри рода не допускались, а только с членами другого рода или других родов, которые также были экзогамны. Несколько, но не менее двух таких родов, члены которых состояли в брачных отношениях, могли составлять племя.

Всюду, где родоплеменной строй наблюдался в живом виде, основной общественной единицей было большое первобытно-коммунистическое домохозяйство, представлявшее собой совокупность ближайших родственников по женской линии, обитавших первоначально в одном доме и ведших хозяйство сообща. Члены такого домохозяйства всегда жили в одном или в нескольких смежных домах, коллективно добывали средства к существованию, хранили запасы и коллективно же потребляли их. Основу домохозяйства составляла группа сестер — дочерей одной мате-

ри — с их детьми в нескольких поколениях; в общей сложности численность такого коллектива равнялась несколькими десяткам человек и доходила до одной-двух сотен.

У ирокезов Северной Америки, матриархально-родовой строй которых, описанный Морганом и Энгельсом, стал в исторической науке классическим, такой большесемейный коллектив (или овачира по-ирокезски) руководился почти целиком женщинами. — они играли выдающуюся роль в общественной жизни ирокезов. Вся собственность овачиры была в коллективном владении женщин, то есть материнского рода. Зрелые мужчины могли вступать в брак лишь с женщинами другого рода и уходили в их домохозяйства. Их дети им не принадлежали, они оставались в роде матери. Руководила домохозяйством домоправительница, избиравшаяся женщинами коллектива.

Замужние женщины овачиры избирали вождя — старейшину, который представлял коллектив домохозяйства в совете рода и в племенном совете.

Большой дом Хуторской стоянки, который мог вместить до 30 человек, является типичным домом матриархально-родового домохозяйства.

Поселение редко состояло из одного домохозяйства, обычно их было на поселении несколько, иногда много. Если несколько домохозяйств объединялись на родовом поселении, то они же или население нескольких поселков могли составлять род. Таким образом род представлял собою как бы сестринский союз некоторого числа матриархальных домашних общин.

Род в целом и все его члены в отдельности имели особое общее для всех родовое имя, — обычно название животного тотема, от которого члены рода вели свое происхождение. Взрослые мужчины и женщины были равноправными членами родового совета — общего собрания всего рода, — избирали и смещали родового старейшину и военных вождей, которые были также представителями рода в совете племени; члены рода обязаны были защищать друг друга и мстить друг за друга, имели общее родовое кладбище.

В условиях развитого родоплеменного строя несколько родов могли объединяться в племя. Племя было крупным объединением, насчитывавшим от нескольких сотен до нескольких тысяч человек. Оно занимало определенную территорию, использовало ее и защищало от соседей.

Племенная территория состояла из районов, где группировались поселения, и более или менее обширной площади охотничьих, рыболовных и прочих угодий. Территория каждого племени обычно граничила с необитаемой и никому не принадлежавшей нейтральной зоной глухих, неудобных, часто водораздельных лесов; чем шире и непроходимее была эта зона, тем лучше она предохраняла поселения племени и его угодья от иноплеменников.

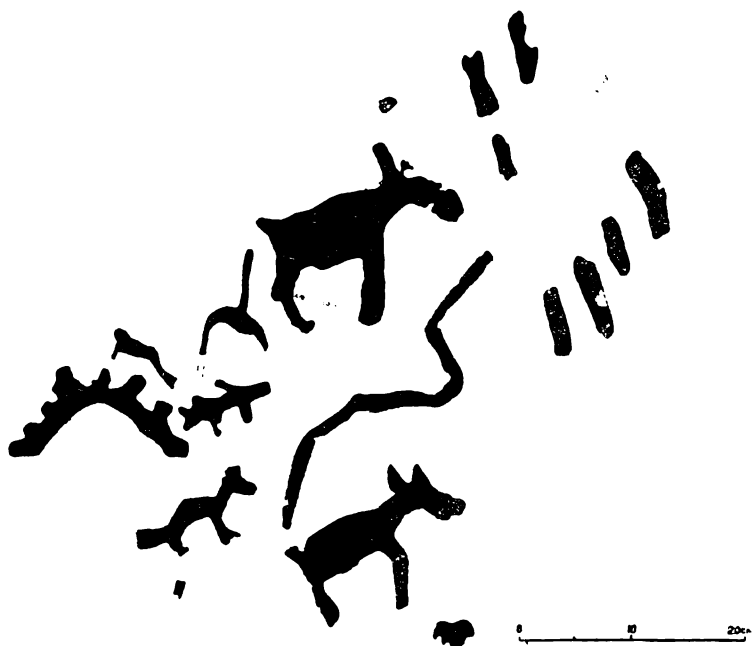

Рис. 12. Неолитические наскальные рисунки с жертвенного места у Писаного Камня.

Указанная изолированность племени вместе с тесным общением между родами внутри племени приводила к созданию особых племенных наречий в пределах более крупного, общего языка.

На современном этапе изучения неолитических памятников Камы еще не могут быть выделены территории от-

дельных племен, хотя в дальнейших работах постановка и разрешение этой задачи вполне реальны. Но уже сейчас некоторые верхнекамские памятники, как, например, Писанный камень и стоянка Базов-Бор на р. Иньве, по некоторым особенностям орнамента на глиняной посуде отличаются от более южных.

Единственной территорией одного из камских неолитических племен, которая в данное время может быть определена с уверенностью, является район близ устья Чусовой. Здесь известно уже до десяти неолитических памятников, например, стоянки Бор I, Боровое озеро I, Левшинская и целый ряд более мелких стоянок и местонахождений.

Между крайними из постоянных поселений этого района — Левшинской и стоянкой на Боровом озере — около 15 км по прямой и не менее 20 км по реке. Недавно стоянка временного характера, принадлежавшая, очевидно, тому же, усть-чусовскому племени, открыта на речке Юрчим близ Нижних Муллов, километрах в 40 от Левшинской вниз по Каме, то есть в пределах дневного перехода пешком или на лодке.

Аналогичные племенные территории намечаются на Верхней Каме в районе Хуторского и соседнего ему Чашкинского поселений, у Оханска (поселение Камский Бор II), ниже Осы, в устье Белой (до десятка поселений у озера Сауз в Башкирии) и на Волге выше Казани. Некоторые территории намечены исходя только из топографических соображений — удаленности их друг от друга.

18. Культурная общность камских неолитических племен и их связи с соседями

Камские неолитические племена в культурном отношении отличались от своих соседей, образуя особую обширную группу, что говорит за единство их происхождения и общность исторических судеб.

Ограниченность сохранившегося материала сильно сужает возможность сравнений. Тем не менее можно с определенностью говорить о некотором своеобразии каменного инвентаря на Каме, выражающемся в обилии орудий из сланцевых пород, и в особенности о характерных чертах описанной выше керамики, глиняной посуды, орнаментированной отпечатками зубчатого штампа. Камская керамика

отличается от неолитической керамики средних областей России с ямочно-зубчатым (или ямочно-гребенчатым) орнаментом и от зауральской керамики с зубчато-волнистым орнаментом, сделанной к тому же из глины с примесью толченой слюды или талька.

Неолитические памятники камского типа занимают почти все течение Камы от Вишеры до Волги и правобережье Волги по крайней мере до р. Свияги. На Вятке и Белой неолитических стоянок открыто пока мало, но и там устанавливается обитание однокультурных племен. По крайней мере Саузовские стоянки в устье Белой являются типично камскими (рис. 8).

Следовательно, мы имеем картину расселения на огромном пространстве камского бассейна и части среднего Поволжья в 3-м тысячелетии до н.э. родственных в культурном отношении (а, вероятно, и по языку) неолитических племен. Племен этих было несколько, быть может много, но население было редким, как это всегда наблюдается при низком уровне развития производительных сил общества, в частности — на стадии присвояющего рыболовно-охотничьего хозяйства.

К востоку от камских, вдоль восточных склонов Урала обитали племена, выделявшие керамику с зубчато-волнистым орнаментом; к западу, в бассейне Оки, Верхней Волги и далее на север вплоть до Карелии и Белого моря расселялись племена с ямочно-гребенчатой керамикой; неолитические охотничьи племена степной полосы, сохранившие в силу ряда причин архаичный микролитический каменный инвентарь, занимали не менее обширную культурную область.

Область расселения единокультурных камских неолитических племен была по своей протяженности равна или почти равна указанной ирокезской, а область племен с ямочно-гребенчатой керамикой, если брать ее протяженность с севера на юг, — превышала ее.

К сожалению, пока нет возможности в какой-то мере приоткрыть завесу над забытыми историческими событиями, происходившими в Прикамье в ту далекую эпоху. Попробуем определить хотя бы культурные связи камского населения и сделать из этого некоторые выводы.

Камские племена обнаруживают известную близость к волго-окским племенам с ямочно-гребенчатой керамикой. Эта близость выражается в сходстве форм многих каменных

орудий и глиняной посуды и в орнаментации последней зубчатым штампом.

Но восточные, зауральские связи представляются более тесными. Они также выражаются в сходстве многих форм каменных орудий и, кроме того, в обилии там и здесь орудий, изготовленных из различных пород сланца, в частности сланцевых ножей; они выражаются также и в сходстве яйцевидных форм глиняной посуды и в орнаментации ее зубчатым штампом. Кроме того, на стоянках Верхнего Прикамья довольно часты находки тальковой керамики с зубчато-волнистым орнаментом. Эта керамика, вероятно, привозилась с Урала в готовом виде, что указывает на связи между соответствующими племенами.

Можно полагать — неолитическое население Прикамья, в основном европеоидное, в результате тесных связей с восточными соседями, на протяжении неолита скрещивалось с ними и постепенно включало в себя все больше монголоидных элементов.

МЕДНО-БРОНЗОВЫЙ ПЕРИОД

(2-е и начало 1-го тысячелетия до н. э.)

КУЛЬТУРА ТУРБИНСКОГО ПЛЕМЕНИ

19. Поселения и жилища, их материальная культура и периодизация. Могильники

Эпоха меди и бронзы — важный переломный этап в ранней истории человечества. Освоение металлургии идет параллельно со многими другими новшествами, характеризующими большой сдвиг в развитии производительных сил общества; к числу важнейших из этих новшеств, помимо металлургии, относятся приручение животных и развитие скотоводства, развитие земледелия там, где оно появилось еще в неолите, и появление его там, где оно отсутствовало, значительное развитие межплеменного обмена, накопление богатств отдельными семьями, имущественное расслоение внутри первобытного общества, рост экономической и общественной роли мужчины и переход от матриархата к патриархату, появление домашнего рабства, а на юге, в странах древних цивилизаций — сложение рабовладельческих государств.

Исторический обзор Прикамья этой эпохи мы начнем с района чусовского устья, и не только вследствие исключительно полной археологической изученности этого района, но и потому, что здесь население и культура эпохи бронзы зиждятся всецело на базе местного неолита и, таким образом, с редкой наглядностью иллюстрируют процесс последовательного, внутреннего развития первобытных племен в одном и том же узком районе на протяжении нескольких тысячелетий.

В низовьях Чусовой, между Сылвой и Камой, где Чусовая теряет характер горной реки, ее долина расширяется,

приобретает широкую пойму и пойменные озера, — находится более двух десятков древних поселений. Несколько поселений, исследованных еще до войны Н. А. Прокошевым, расположены у самого устья Чусовой, уже в пределах камской долины и даже на правом берегу Камы у Верхней Курьи. Таким образом, район поселений вытянут вдоль долины Чусовой и Камы на расстоянии около 25 км. В пределах района поселения размещаются густо, местами очень густо (рис. 13); впрочем, рассматривая их карту, нужно принимать во внимание несовпадение многих из обозначенных на ней поселений во времени.

В районе устья Чусовой, без сомнения, группировались поселения одного племени. Это племя, по имени относящегося сюда известного Турбинского могильника, мы назовем турбинским.

Все без исключения поселения находятся в пределах речной долины, на краях боровой террасы или высокой поймы, в непосредственной близости от реки или пойменного озера, почти не отличаясь по этому признаку от более древних, неолитических поселений.

Более того, многие из описываемых поселений располагались на местах поздненеолитических поселений, что подчеркивает преемственные связи населения эпохи бронзы по отношению к более древнему местному населению; таковы поселения Бор I, Левшинское, Астраханцевское, Боровое озеро III и некоторые другие. Кроме того, на поселении Бор I — да и не только на нем — хорошо прослеживаются связи в материальной культуре от поздненеолитических типов к более поздним; эти промежуточные звенья связывают население обеих эпох в преемственно-развивающееся историческое целое.

На половине из открытых поселений оказались жилища-полуземлянки. Другие поселения хотя и дали в раскопках достаточно обильный материал, но без следов жилищ (например, поселения Бор II, Бор IV, Боровое озеро IV). Часть поселений была сильно разрушена. Вряд ли поселения без жилищ можно считать сезонными, промысловыми: они расположены в районе основных поселений, в непосредственной близости от поселений с жилищами; скорее можно предположить наличие, помимо полуземлянок, также целиком наземных жилищ, которые очень трудно обнаружить раскопками. Кстати, все указанные поселения без жилищ принадлежат к числу позднейших.

Поселения с полуземлянками представляли собой настоящие поселки, нередко с десятком, даже с двумя десятками и более домов на каждом. Люди, жившие на них, по-прежнему продолжали пользоваться каменными орудиями и в небольшом числе — медными, мягкая и дорогая медь и даже более твердая, но хрупкая бронза не могли вытеснить из употребления камень, что позднее, по справедливым словам Энгельса, сделало железо.

Позднейшие неолитические поселения относятся в Прикамье к грани между третьим и вторым тысячелетиями до н. э. и даже к началу второго тысячелетия. Существование турбинской племенной культуры охватывает всю эпоху бронзы и в абсолютном летосчислении может быть ограничено промежутком между XVII и X или даже IX веками до нашей эры.

Но на протяжении этого почти тысячелетия турбинская культура не оставалась вполне однородной. Это дало нам возможность подразделить ее историю на два этапа, названные гаринским и борским; наметился, но еще недостаточно ясен третий, предананьинский этап. Познакомимся с содержанием каждого из этих этапов.

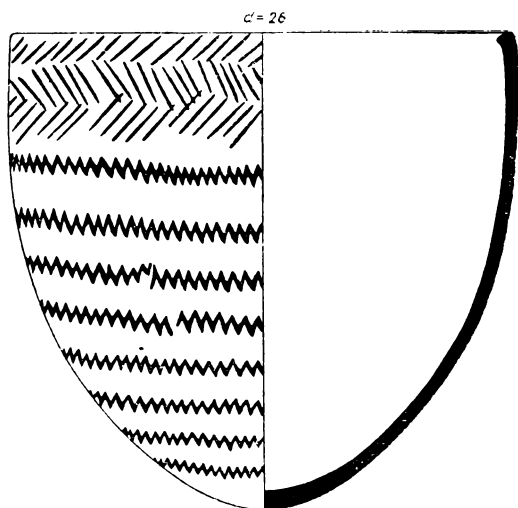
На гаринском этапе жилища сохраняют, как и в неолите, свою четырехугольную форму, но делаются короче. Каждое из них опускалось своим основанием в специально вырытую яму с плоским дном и представляло собой бревенчатый, по-видимому, невысокий сруб, иногда перегороженный на две части, на что указывают сохранившиеся остатки обугленных бревен. Расположение ям от столбов внутри построек рисует устройство перекрытий: в каждом доме два продольных параллельных ряда столбов, связанных наверху, вне сомнения, продольными бревнами, поддерживали двухскатную крышу с продольной щелью в середине для выхода дыма от очагов. Возможно покрытие деревянной основы кровли дополнительно дерном. Очаги представляли собой простые кострища на земляном полу; их было по одному, два и три в каждом доме.

На дне землянок иногда устраивались хозяйственные ямы. Размеры жилищных ям чаще всего около 8×6 м, иногда меньше.

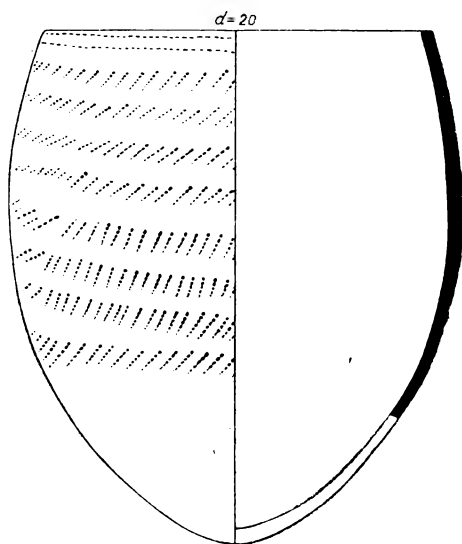
Нередко два, три, четыре, пять и даже шесть таких домов соединялись крытыми и также углубленными в землю переходами, как бы образуя единое жилище (рис. 14). На других поселениях часть домов не соединялась с другими.

Рис. 14. Поселение Боровое озеро II (2 тыс. до н. э.). Реконструкция О. Н. Бадера, худ. Г. Ф. Оборина.

1

2

Рис. 15. Глиняная посуда турбинской культуры
на гаринском этапе (с поселения Бор 1).

Глиняная посуда на гаринском этапе турбинской культуры продолжает сохранять полуяйцевидную, неолитоидную форму, но верхние края ее уже редко наклонены внутрь, они чаще прямые, цилиндрические; края сосудов, венчики часто утолщены, как бы сплюснуты сверху и несут по верхней плоскости орнамент в виде косо поставленных отпечатков того же зубчатого штампа. Орнамент также преимущественно зубчатый, располагается горизонтальными зонами и не имеет резких отличий от неолитического; особенно характерен появляющийся еще в неолите орнамент в виде остроугольного зубчатого зигзага, сделанного перекатываемым, как бы шагающим с угла на угол штампом (рис. 15). Но основным, постоянным отличием всей турбинской керамики (и гаринской, и борской) от неолитической является примесь каких-то растительных остатков (толченой коры?) к глиняному тесту, выгоравшая при обжиге и придававшая стенкам сосуда легкость и некоторую пористость, а также способ обработки поверхности сосудов при их лепке зубчатым орудием, может быть тем же штампом, следы которого сохраняются даже на обломках сосудов в виде параллельных штрихов, в особенности на внутренней стороне. Часто встречается посуда зауральского типа из глины с примесью талька и слюды.

Изменяется и форма некоторых каменных орудий. Так, наряду с архаичной иволостной формой наконечников стрел встречаются наконечники с округлым основанием (миндалевидные), но резко преобладают наконечники с усеченным основанием: частью подтреугольные, часто вытянутых пропорций, иногда с выемкой к основанию и одним или двумя шипами и четырьмя шипами, как бы двухъярусные, похожие на стилизованные фигурки человека или животного (рис. 16, ф. 1—3). Очень своеобразны ножи со скошенным лезвием и утолщением, как бы плоской пуговкой на черешке (рис. 16, фиг. 7). Многочисленнее становятся шлифованные орудия, особенно короткие тесла с широким, скошенным лезвием из зеленоватого хлорито-кремнистого сланца (рис. 17, ф. 5), встречаются великолепно сделанные шлифованные вогнутые долота (рис. 16, ф. 8).

Вообще техника обработки камня на гаринском этапе достигает наивысшего развития. Микролитическая техника мелких ножевидных пластин, достигшая своего расцвета в мезолите, в неолите падает, а здесь применяется очень редко или совсем не применяется.

Находки медных и бронзовых предметов здесь очень редки. В какой-то степени это объясняется тем, что на поселениях, на месте покинутых жилищ мы находим только мелкие части сломанных предметов, не пошедшие на пере-

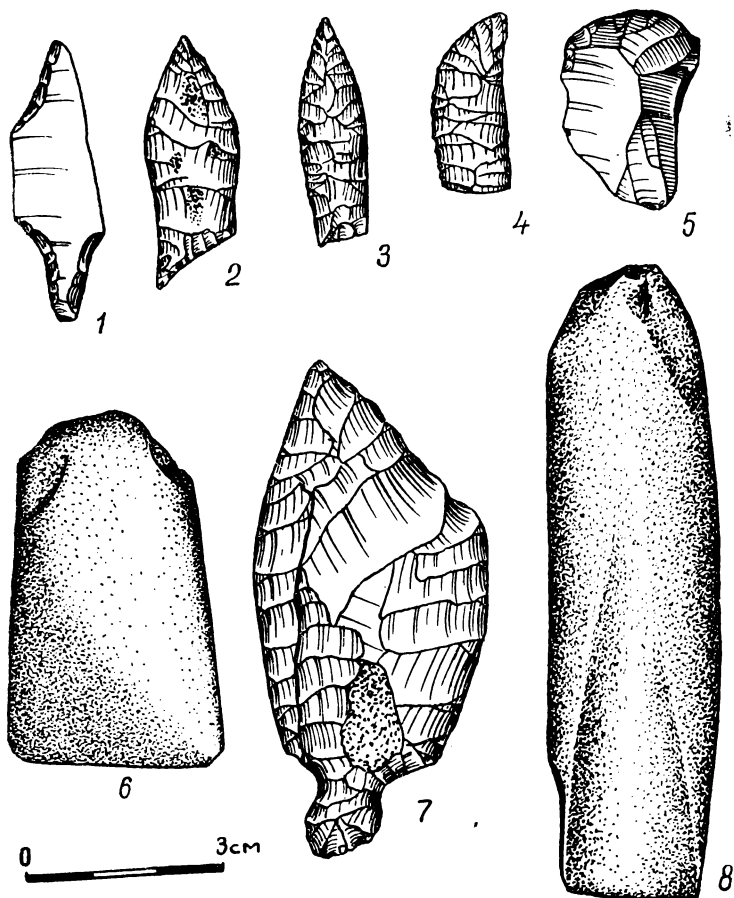

Рис. 16. Каменные орудия гаринских поселений турбинской культуры (с поселения Бор 1).

плавку, или потерянные металлические предметы: четырехгранные обоюдоострые шилья, двулезвийные ножи со слабо скошенным концом и широким черешком, своеобразные медные украшения (?) полулунной формы (рис. 17).

Нередки шлифованные каменные кольца, широкие и плоские, и сверленные подвески (рис. 17, ф. 3, 4), носив-

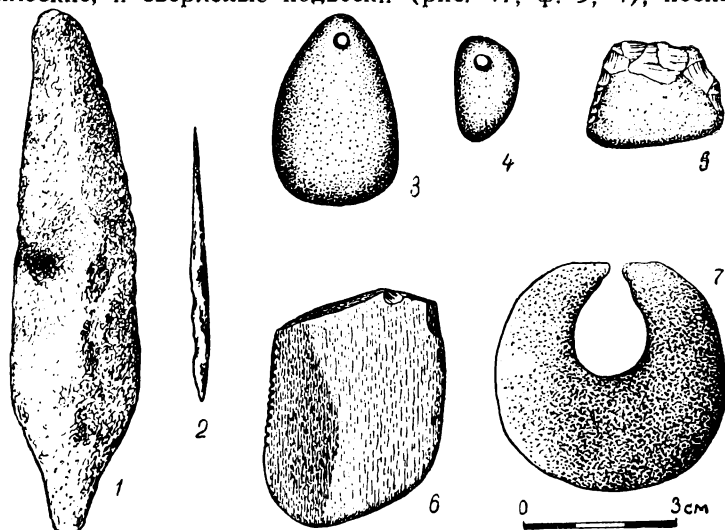

Рис. 17. Медные предметы (1, 2, 7), каменные украшения (3, 4), штамп для керамики (6) и шлифованное тесло (5) из гаринских поселений турбинской культуры.

1—6 — поселение Бор 1; 7 — поселение Выстелишна.

шиеся на одежде. Изредка встречаются маленькие глиняные скульптурки животных — предметы почитания (тотемы?) или игрушки.

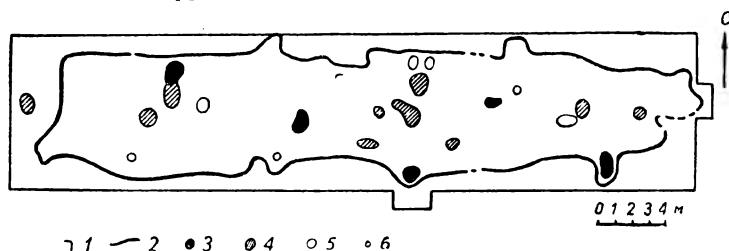

Рис. 18. План жилища борского типа на поселении Боровое озеро VI: 1 — границы раскопа; 2 — границы жилищной ямы; 3 — хорошо выраженные очаги; 4 — плохо выраженные очаги; 5 углистые пятна; 6 — разбитые сосуды.

На борском этапе, начало которого можно отнести примерно к XII веку до н. э., жилища снова, как в неолитическое время, становятся длинными, с очагами-костри-

щами вдоль средней линии; внутренних перегородок не отмечено, зато всегда имеются своеобразные ниши в стенах, иногда заполненные золой и угольками. Самое длинное жилище обнаружено на поселении Боровое озеро VI—36 м (рис. 18). Кое-где встречены жилища переходного типа: длинные, но с короткими, гаринскими пристройками (например, на Малом Боровом озере).

Глиняная посуда округло-конической, открытой сверху формы, с относительно тонкими венчиками и нередкой орнаментацией внутренней поверхности сосуда близ венчика. Такая форма появляется на гаринском этапе, но никогда не преобладает там. Все чаще встречаются небольшие сосуды котлообразных форм, уже похожие на посуду близкого железного века (рис. 19). Совершенно исчезает орнамент в виде остроугольного зубчатого зигзага и зауральская посуда с тальком и слюдой.

Каменный инвентарь уже обнаруживает некоторый упадок техники, что нельзя не поставить в связь со все большим развитием металлургии меди и бронзы. Но на находки металлических предметов на борских поселениях нам посчастливилось еще меньше, чем на гаринских.

Наконечники стрел с усеченным основанием постепенно исчезают; получает преобладание миндалевидная форма наконечников. Очень характерно для борского этапа турбинской культуры развитие техники крупных ножевидных пластин, служивших самостоятельно режущими орудиями или для приготовления ретушированных ножей, скребков, проколов. Чаще встречаются так называемые «фигурные кремни», т. е. сделанные из кремня фигурки животных. Шлифованные орудия сохраняют в основном те же формы, но количественное отношение их к прочему инвентарю падает.

Очень важным добавлением к источникам, по которым мы можем составить себе представление о древнем турбинском племени, являются могильники. Раскопками исследованы два из них: у деревень Турбино и Усть-Гайва на высоком правом берегу Камы, против устья Чусовой. Следы еще двух могильников по находкам медных вещей обнаружены по-соседству: в самой д. Турбино и на Подгремячинской горе — между Турбиной и Усть-Гайвой.

Лучше сохранившийся и более богатый Турбинский могильник, исследованный уже в советский период А. В. Шмидтом и затем Н. А. Прокошевым, состоял из погреб-

бений в неглубоких ямах, на дне каждой из которых лежал скелет в вытянутом на спине положении, ногами всегда к реке; такое положение погребенных по отношению к реке

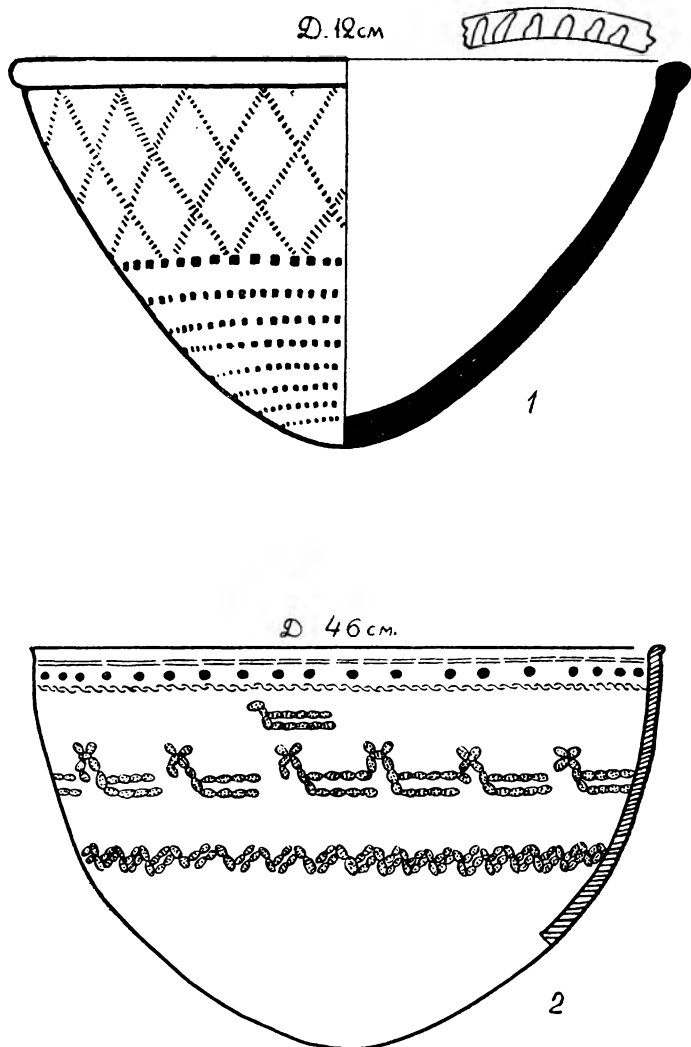

Рис. 19. Глиняная посуда турбинской культуры на Борском этапе:
1 — из поселения Бор V; 2 — из поселения Бор III.

свойственно многим погребениям той же эпохи в восточной Сибири и наиболее ранним погребениям железного века на Каме же. Умерших при погребении снабжали всеми вещами, которые якобы могли понадобиться им в воображаемой загробной жизни. При одном из погребений были найдены: медный вислообушный боевой топор, кинжал, тесло, стамесочка, несколько медных застежек, кремневый наконечник копья или дротика и около десятка кремневых наконечников стрел прекрасной работы. При другом погребении, вероятно, женском, лежало несколько серебряных браслетов, большое медное шило и полированное кольцо из нефрита или уральского серпентина.

В могильниках найдены также медно-бронзовые втульчатые топоры-кельты, втульчатые копья с ромбическим в сечении стержнем, плоские кинжалы или ножи, клиновидные топоры, великолепно выполненный однолезвийный изогнутый нож с рукояткой, украшенной фигурками трех баранов, а также некоторые металлические же украшения и даже медная чашечка округло-конической формы (рис. 20).

Перечисленные могильники датируются XIV—XI веками до н. э., а может быть, и шире, совпадая с общей датой всей турбинской культуры.

Связать их с описанными поселениями оказалось не так просто. Дело в том, что на поселениях, по указанным причинам, почти отсутствуют находки металлических вещей, тогда как при погребениях, куда их клали намеренно, этих предметов много; глиняная же посуда, в силу обычая, в могильники не клалась совершенно. Однако полное совпадение времени и узкой территории расположения поселений могильников, находка на поселениях медного ножа и шильев, а также шлифованных каменных колец, тождественных аналогичным вещам из могильников, и, наконец, наличие в могильниках подтреугольных наконечников стрел, ножей и скребков, тождественных по форме тем же вещам из поселений, так же как и округло-коническая форма медного сосуда из Усть-Гайвинского могильника, — все это дает основание и поселения, и могильники связывать с одним и тем же древним племенем. Могильники, расположенные на высоком берегу Камы против устья Чусовой, видны со всех перечисленных выше, даже самых дальних поселений турбинского племени и являлись его родовыми могильниками.

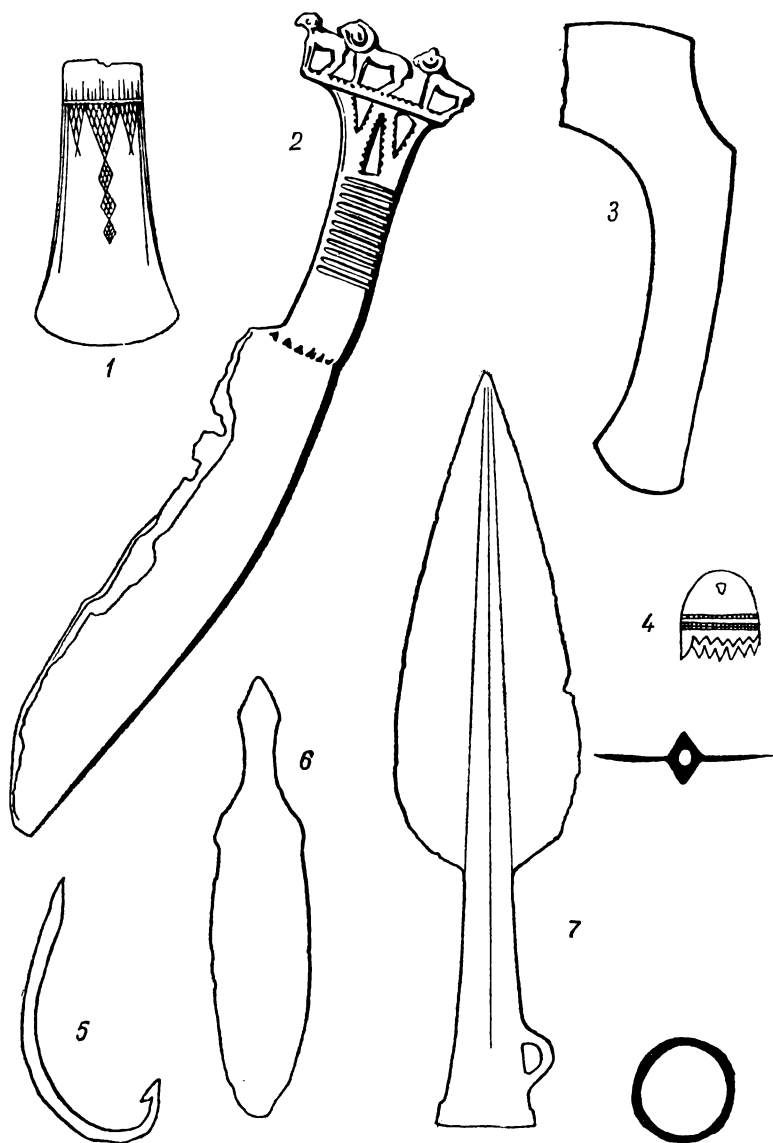

Рис. 20. Медно-бронзовые вещи из могильников турбинского племени:

Кельт (1) из Усть-Гайвенского могильника; нож (2); вислобушный топор (3); украшение (4); рыболовный крючок (5) и нож (6) из Турбинского могильника; копье (7) с Подгремячской горы.

20. Рыболовство и охота, скотоводство и земледелие, металлургия. Обмен }

Установить формы хозяйства турбинского племени оказалось далеко не просто. В эпоху раннего металла во многих областях степного и лесостепного юга возникло скотоводство и вместе с развивающимся мотыжным земледелием быстро превратилось в ведущую форму хозяйства. И в лесной полосе, в особенности в районах, где широкие речные поймы с заливными лугами создавали благоприятные условия, также начал совершаться, хотя и более постепенный, переход от рыболовно-охотничьего к скотоводо-земледельческому хозяйству. Естественно, что по мере продвижения на север в глубину лесной зоны мы вправе ожидать все большей задержки этого процесса. Это вполне применимо и к частям интересующего нас Прикамья — южного, среднего и северного. Но конкретное разрешение этого вопроса крайне затрудняется почти полным отсутствием на камских поселениях костных остатков, не сохранившихся в песчаных культурных слоях; в нашем распоряжении оказались почти исключительно мелкие пережженные косточки, большую часть которых трудно определить. Но и определения этого скудного материала, сделанные В. И. Громовым, В. И. Цалкиным и Э. А. Вангенгейм, уже привели к некоторым результатам.

Прежде всего оказалось, что на поселениях турбинского племени уже разводились некоторые домашние животные. Правда, их костные остатки малочисленны по сравнению с костями диких животных, среди которых преобладал лось. Отсюда вытекает вывод о преобладании охоты над скотоводством.

Рыболовно-охотничье хозяйство у турбинцев продолжает господствовать. Мы подчеркиваем — рыболовно-охотничье, — ибо имеются основания говорить об особенном развитии у них сетевого рыболовства, значительно большем, чем в неолите. На каждом поселении, в каждом жилище или около него мы находили простые, сделанные из галек с искусственным перехватом груза для оттягивания нижнего края рыболовной сети. Особенно много их на поселениях борского этапа, например, на поселении Бор II. Они лежат обычно группами, указывая на те места, куда были в свое время брошены сети; так, например, на поселении Боровое озеро VI сеть была оставлена у выхода из

жилища на берег озера, и на ее месте сохранилось 12 грузил. В единственной постройке борского времени на поселений Бор I и около нее найдено до 160 грузил от сетей; это жилище оказалось без очага внутри и служило, очевидно, только рыболовам. Замечательно, что точно такие же грузила до сих пор применяются рыбаками на Средней Каме.

Интересны некоторые кремневые ножи турбинцев — плоские и широкие, с выгнутым лезвием и великолепной двухсторонней ретушью; такие ножи особенно удобны для потрошения и чистки рыбы.

Основными орудиями охоты остаются лук и стрелы. Кремневые наконечники стрел на гаринском этапе очень многочисленны и гораздо более разнообразны по величине и формам, чем в неолитическое время. Этот факт является свидетельством очень развитой, дифференцированной охоты на разнообразных зверей и птиц. В борское время стрелы становятся уже не так многочисленны и разнообразны: охота как бы уступает место рыболовству и другим формам производства.

Объектами охоты служили лось, северный олень, благородный олень, рысь, кости которых определены, а также, без сомнения, и некоторые другие виды современной фауны. Охота была преимущественно мясной, но одновременно доставляла населению материал для одежды, жилища и пр. Орудия обработки продуктов охоты — разнообразные ножи, скребки, проколки — очень многочисленны; впрочем, они с равным успехом могли служить и для обработки основных продуктов скотоводства — мяса и шкур.

Факты, позволяющие судить о животноводстве, весьма ограничены; это единичные пережженные на очагах обломки костей коровы, свиньи и лошади. Впрочем, зуб лошади, найденный при раскопках жилища на поселении Бор I, сравнительно хорошо сохранился, и, может быть, является более поздним.

Казалось бы, на разведение овец могут указывать наверхшие бронзового ножа с фигурками баранчиков из Турбинского могильника и остатки белой шерстяной ткани, в которую был завернут один из найденных там топоров. Но оба эти предмета скорее всего привозные: нож по форме близок северокайтайским и другим восточным ножам той эпохи, а ткань приготовлена из шерсти тонкорунных овец.

разводившихся тогда племенами андроновской культуры в южной, степной Сибири.

Еще менее существенны факты для доказательства земледелия. Здесь мы имеем лишь каменные наконечники мотыг, не раз найденные на поселениях как гаринского, так и борского времени. Но мотыги, очевидно, были необходимы и для рытья углублений для полуземлянок. Остатков же зерна или других культурных растений не обнаружено. Нет на поселениях и несомненных находок зернотерок. Почти все найденные каменные плиты и их обломки со стертой, отшлифованной поверхностью сделаны из мягкого песчаника; они не годились для перетирания зерна и служили для шлифовки каменных орудий.

И все же мотыжное земледелие у турбинцев предполагать можно. Зачатки его появляются в этих широтах очень рано, еще в неолите. Орудия обработки земли тогда могли быть главным образом деревянными, как это доказывается находками того же времени в торфяниках Зауралья и многочисленными этнографическими примерами.

Говоря об экономике турбинского времени, можно сделать некоторые выводы. У турбинцев налицо значительное развитие сетевого рыболовства и дифференцированной охоты; при этом соотношение между ними на протяжении эпохи меняется в пользу рыболовства. Что же касается скотоводства и земледелия, то несомненным является, во-первых, их наличие, без данных о масштабе и, во-вторых, постепенное возобладание их по мере приближения к началу железной эпохи, когда они уже явно преобладают в хозяйстве местного населения.

Рассмотрим вопрос о возникновении и развитии местной металлургии. Давно установилось мнение о Прикамье как об одном из древнейших центров металлургии меди и бронзы, изделия которого распространялись далеко по периферии. Но анализы химического состава многих металлических изделий турбинского племени заставляют смотреть иначе на историю возникновения и развития металлургии и обработки металлов на Каме.

Оказалось, что, во-первых, металлические изделия представлены единицами, почти все они изготовлены из чистой меди, и, во-вторых, изготовлены они не из камских медистых песчаников, а из сульфидных руд Горного Урала или его восточных склонов. В пользу зауральского происхождения бронзовых изделий говорит их орнамента-

ция, совпадающая с орнаментацией зауральской керамики того же времени.

В то же время на некоторых поселениях гаринского времени (например, Бор I) найдены следы местного литья в виде глиняного медеплавильного тигля и даже застывших медных капель.

Получается такая картина. Медный нож из позднеэнеолитической Левшинской стоянки, судя по химическому составу, не местного происхождения; его форма заставляет предполагать, что он попал в Прикамье с юга, возможно, с Северного Кавказа. Следовательно этот древнейший в Прикамье металлический предмет еще не знаменует начала местной металлургии. В турбинское время, т. е. в первой половине и в середине второго тысячелетия до н. э., Кама начинает снабжаться медными изделиями из-за Урала. Это доказывается не только химическим составом медных изделий, но и тем фактом, что все известные до сего времени находки литейных форм для отливки предметов турбинского типа происходят из-за Урала. Турбинцы восприняли искусство литья меди и практиковали его не только для переливки сломанных медно-бронзовых изделий, но и, вероятно, для первой отливки из меди — материал они получали от своих восточных соседей, для чего постоянно совершали к ним торговые экспедиции. Дополнительным доказательством тесных связей турбинцев с уральскими соседями являются частые находки зауральской тальковой керамики и крупных кристаллов дымчатого хрусталя в турбинских жилищах.

Так продолжалось на протяжении почти всего гаринского времени. Только в самом конце его на поселениях появляются медные изделия, выплавленные, судя по химическому составу, из местных медистых песчаников (поселение в урочище Выстелишна). Эта техника, по-видимому, пришла сюда с Нижней Камы или с Южного Урала.

С этого времени, т. е. с XIII—XII веков до н. э., здесь возникает всецело местная металлургия, базирующаяся на плавке медистых песчаников. Наличие собственного металлургического сырья привело к ослаблению частых сношений с Зауральем, отражением чего является исчезновение на турбинских поселениях борского времени зауральской тальковой керамики и других предметов зауральского происхождения. Начавшаяся, таким образом, в конце бронзовой эпохи эксплуатация медистых песчани-

ков своего высшего расцвета в условиях первобытно-общинного строя достигла уже в начале железной эпохи у населения ананьинской культуры.

Вполне понятно, что в это время больше чем когда-либо раньше существование первобытных камских племен нельзя представить без тесного общения с соседними племенами. В новых условиях только широкий межплеменной обмен мог обеспечить каждое племя всем необходимым, дать пищу развивающемуся домашнему ремеслу.

Материальная культура, которой пользовались турбинцы, сохранила следы очень широкого межплеменного обмена. Наиболее интенсивными представляются восточные и юго-восточные обменные связи — с Зауральем и юго-западной Сибирью, другими словами, — с племенами шигирской и андроновской культур того же времени. Отсюда шли в Прикамье металл и готовые металлические изделия. Издалека, из южносибирских степей, вероятно, через промежуточные звенья, которыми были те же шигирцы Зауралья, получали турбинцы готовые ткани из шерсти тонкорунных овец. теми же путями к берегам Камы доходили металлические изделия с далекого Алтая, быть может даже из Северного Китая.

Наиболее заметный след в турбинской культуре оставили непосредственные сношения с соседними шигирскими племенами Урала и Зауралья; свидетельством этого служат не только металл, но и красивые горные кристаллы, и в особенности многочисленные глиняные сосуды с примесью талька, тонкие и прочные, с блестящей и серебристой поверхностью и тонким, сложным орнаментом. Только на одном поселении Бор I найдены обломки 91 сосуда зауральского типа. Эквивалент, отдававшийся при обмене турбинцами, остается неясным.

Связи с западом и юго-западом также несомненны. Прежде всего турбинские и другие племена Средней Камы должны были играть роль посредников в снабжении металлом более западных родственных им племен вплоть до района Нижней Оки с его известным Сейминским могильником, чрезвычайно близким Турбинскому по его общему характеру и типу вещей. На гаринском поселении Боровое озеро II найдена сверленная буса из янтаря, указывающая на еще более далекие западные связи. Наконец, в Верхнем Прикамье имеются единичные находки каменных сверленных топоров-молотов, выделявавшихся в

ту эпоху балановскими племенами Средней Волги и фатьяновскими племенами Верхнего Поволжья. И в этом случае обмен мог быть не непосредственным, хотя из этнографии известны примеры очень далеких экспедиций для обмена, организуемых первобытными племенами.

21. Родоплеменной быт и элементы патриархата

Поселения и могильники усть-чусовского района, изученного с исключительной полнотой, дают материалы для исторической реконструкции обитавшего здесь во втором тысячелетии до н. э. Древнего племени, его культуры и быта.

Перед нами типичный случай первобытной племенной территории. Поселения, на каждом этапе в количестве не менее двенадцати, занимали один и тот же небольшой район, протянувшийся в долинах Чусовой и отчасти Камы не более чем на 20 км. Район этот четко очерчен; производившиеся нашей экспедицией несколько лет подряд упорные поиски новых стоянок вверх по Чусовой и Каме, а также по речке Гайве не дали успеха. Здесь вокруг района поселений племени находилась территория для охоты и рыбной ловли, а ближе к поселениям, в речных долинах — пастбища для домашних животных и участки для возделывания культурных растений. Дальше территории для охоты и рыбной ловли находилась нейтральная полоса, несомненно очень большая в стороны водоразделов; вверх же по Чусовой, вверх и вниз по Каме она достигала ширины до ста и более километров. Так, вверх по Каме ближайшая временная стоянка иного племени найдена лишь в устье Иньвы, а вниз по Каме — постоянные жилища у Оханска.

Можно попытаться установить приблизительную численность турбинского племени. Данные для этого получаем из определения числа жителей каждого жилища. Так, в 65 исследованных домах гаринского этапа могло жить около 1240 человек. Эта цифра кажется довольно реальной; с одной стороны, приходится допустить, что не все изученные гаринские жилища, принятые в расчет, существовали одновременно, но, с другой стороны, несколько сильно разрушенных поселений, оставленных без раскопок, должны бы увеличить эту цифру. Таким образом, численность турбинского племени на горинском этапе мо-

жет быть определена цифрой не менее 1250 человек. Для борского этапа, когда часть жилищ делается наземной и не поддается изучению, численность населения определить нельзя.

Четыре уже выявленные могильника турбинцев указывают, что турбинское племя разделялось не менее чем на четыре рода. Наши поиски других могильников, в особенности в районе д. Гари, сопровождавшиеся рекогносцировочными раскопками, не дали положительных результатов. Можно допустить связь каждого могильника с одной из четырех же, вероятно, родовых групп поселений гаринского времени, выделяемых по расположению и более или менее равных по населению. Первая из этих групп состоит из трех разрушенных поселений у Верхней Курьи, на правом берегу Камы. Вторая — из четырех очень близких друг другу поселений: у Гремячего ручья на правом берегу Камы, между Турбинским могильником на Шустовой горе и Подгремячинским могильником — с 12 жилищами, на озере Грязном у б. хутора Астраханцева — с 6 жилищами, на северном конце этого озера — с 5 жилищами, и у ст. Левшино, где также есть турбинский, именно гаринский слой. Третья родовая группа — поселение Бор I с 23 гаринскими жилищами и, возможно, еще два поселения на территории д. Гари. И, наконец, в четвертую группу входят поселения: Боровое озеро II с 12 жилищами, Боровое озеро III с 5 жилищами и самое дальнее по Чусовой поселение Выстелишна с 2 жилищами.

Каждый турбинский род, вероятно, жил на 3—4 смежных поселениях, которые имели до 19—23 жилищ, вмещавших 380—460 человек. Численность всего турбинского племени могла достигать 1250—1700 человек. Эта цифра соответствует численности северо-американских племен, указанной этнографом Л. Г. Морганом; она несколько меньше средней цифры Моргана.

На поселениях каждую группу небольших домов, соединенных крытыми переходами, необходимо рассматривать как один длинный дом, состоявший, подобно классическому родовому длинному дому ирокезов, из нескольких секций и, подобно ему же, увеличивавшемуся по мере разрастания коллектива. В каждом таком «длинном доме» обитала родовая группа ближайших родственников по женской линии, входившая в коммунистическое домохозяйство, сообща трудившаяся и потреблявшая продукты об-

щего труда. Некоторые отдельно стоявшие дома, как, например, на поселении Боровое озеро II, также группировались в коммунистические домохозяйства; индивидуальная

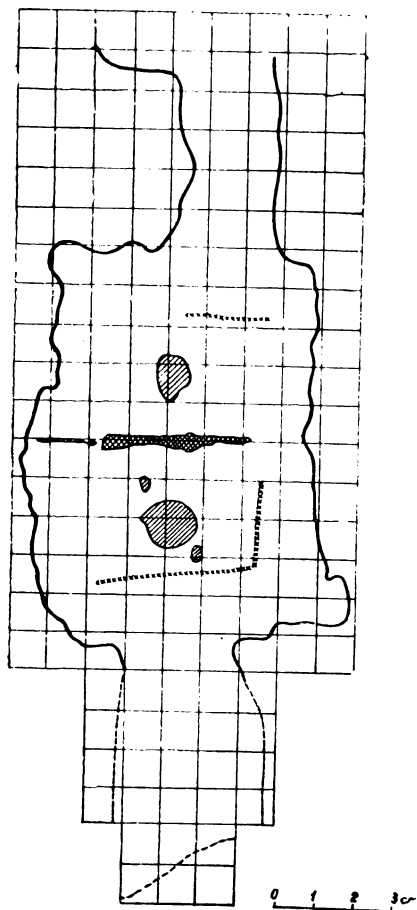

Рис. 21. План жилища № 2 на турбинском поселении Бор 1 с 2 очагами, остатками бревенчатых срубов, мужской (северной) и женской (южной) половинами.

семья на этой стадии еще не выделялась как самостоятельная хозяйственная единица.

В каждом отдельном доме гаринского типа обитало до 20 человек; они могли составлять 2—4 парных семьи.

В ряде случаев (например, на поселении Бор I) характер материала в каждом из двух помещений, на которые жилище разделялось перегородкой, указывает на существование в доме женской и мужской половин, с очагом в каждой (рис. 21).

Объединение соединенных переходами небольших домов в один большой, длинный дом подтверждается также наблюдающимися расширениями в переходах, образующими помещения 2×2 и 2×3 метров и более, а также частым наличием в них хорошо прокаленных очагов. Рассматривая соединенные жилища на разных поселениях, можно получить представление об общих размерах «длинного дома» турбинского племени, а следовательно, и о численности обитавшего в нем коллектива. Чаще всего наблюдается объединение 2—3 домов, в которых, по-видимому, проживало 40—60 человек, что соответствует численности «овачиры» у ирокезов. Но некоторые гаринские длинные дома состояли из 4 и 5 домов, вытянутых в один ряд. На Астраханцевском поселении 6 домов образовали почти четырехугольник; если выпрямить этот четырехугольник, то составитс дом, длиной около 88 метров. В астраханцевском длинном доме могло обитать около 100 и не более 120 человек, которые и составляли общинное домохозяйство. Из этнографии известно, что численность материнской семьи могли доходить до 200 и даже 300 человек.

Предполагать у турбинского племени патриархат еще нет оснований. Недостаточная развитость скотоводства, выдвинувшего мужчину на первое место в добывании средств, к существованию, продолжавшееся господство рыболовно-охотничьего хозяйства, весь жизненный уклад, не претерпевший еще коренной ломки со времени неолита, сохраняли у турбинцев равноправное положение женщин, а также и материнский счет родства. Но нельзя закрывать глаза и на новые черты в жизни турбинцев: на развивающиеся скотоводство и металлургию и развитой межплеменной обмен, что несомненно поднимало роль мужчины. Возникает известная имущественная дифференциация, накопление ценностей в руках отдельных семей и лиц, а на этой почве неизбежно учащаются военные столкновения; об этом убедительно говорят погребения турбинского могильника.

В турбинском племени, без сомнения, уже начался процесс разложения материнского рода. По мере прибли-

жения к эпохе железа он становился все более заметным. Отражением этого процесса можно считать мужской дом на окраине еще гаринского поселения Боровое озеро II на Чусовой, определяемый по характеру находок — мужскому инвентарю; как известно, возникновение мужских домов и мужских союзов относится как раз к периоду становления патриархата, ко времени борьбы мужчин за первенствующее положение и за право наследования по мужской линии.

О появляющихся элементах патриархата говорит, быть может, и изобилие на некоторых поселениях глиняной посуды зауральского типа. Например, в двух жилищах поселения Бор I зауральской посуды почти столько же, как и местной. Трудно считать ее только дорогой, привозной посудой. Возможно и такое объяснение: возникает патрилокальная форма брака, т. е. такой брак, когда уже не мужчина приходит в дом жены (матрилокальный брак), а жена переходит в дом мужа; при этом на первых порах счет родства продолжали вести по женской линии. В таком случае на поселении турбинского племени могло оказаться некоторое число женщин из соседних племен с Урала или из-за Урала, продолжавших и на новом месте выделывать такие же сосуды, какие они умели делать с детства (производством глиняной посуды всегда занимались женщины). Отсутствующий на турбинской племенной территории тальк для примеси к глине мог доставляться вместе с металлом и другими вещами из-за Урала; кусочки талька были найдены на некоторых поселениях Верхнего Прикамья, хотя добывать его там негде.

На борском этапе элементы патриархата должны были проступать еще явственнее, но конкретно указать их пока нет возможности.

22. Сейменско-турбинская культурная область

Об антропологическом типе людей, составлявших турбинское племя, до сих пор нельзя сказать ничего определенного по причине очень плохой сохранности скелетов в могильниках. Но процесс скрещения между европеоидными и монголоидными элементами, начавшийся на территории Прикамья еще в позднем палеолите, продолжался, без сомнения, и в эпоху бронзы. Указанная выше интенсивность связей с населением Зауралья, также как отме-

ченные признаки заключения браков с членами зауральских племен позволяют думать о все большем усилении на Каме монголоидных элементов.

Из этого, однако, никак не следует, что турбинцы мало отличались от своих зауральских соседей. Наоборот, их культура существенно отличалась от зауральской и ближайшие аналогии имела не на востоке, а на западе, и не только на Верхней и Средней Каме, но даже на Нижней Каме, Средней и Верхней Волге и на Оке.

Судя по находкам глиняной посуды, которая является наиболее сложным из сохранившихся от глубокой древности элементов культуры и потому лучше воплощает особенности каждой культуры — родственные турбинскому племени одновременно обитали на Верхней и Средней Каме — вплоть до устья Белой, где соответствующая керамика имеется на поселении у д. Сауз, далее, на Луговском поселении близ Елабуги, на Вятке и близ устья Камы (Казанский музей), то есть, вероятно, на всей обрисованной выше территории расселения камских племен эпохи неолита.

Но культура, близкая турбинской, распространялась еще дальше на запад. Так, она известна на р. Ветлуге и даже в Верхнем Поволжье, в особенности же на Нижней Оке, где представлена на поселениях так называемой волосовской культуры. Последняя по времени совпадает с гаринским этапом турбинской культуры. Здесь мы видим знакомые нам четырехугольные полуземлянки гаринского типа, соединенные переходами, близкую глиняную посуду с растительными примесями к глине, с приплюснутыми сверху венчиками и орнаментом в виде остроугольного зубчатого зигзага. В период волосовской культуры на Оке появляется металл, делаются первые попытки приручения животных (свиней).

Не лишено также интереса, что добытые в Волосове (близ гор. Муром) черепа отличаются слабо выраженными монголоидными признаками, имеющими, без сомнения, восточное, уральское, а никак не западное происхождение. Имея глубокие приуральские корни, племена волосовской культуры не могли происходить от местных неолитических племен с ямочно-гребенчатой керамикой. Их появление на Оке можно объяснить сдвигом, переселением части камских и средне-волжских племен на запад,

происшедшим в самом начале второго тысячелетия до нашей эры.

В эпоху бронзы следы культуры, сходной с камской, заметны в Верхнем Поволжье и к северу от него дальше на запад, западнее Белого моря, вплоть до Прибалтики, а на севере — до Большеземельской тундры.

Но наиболее близким Турбинскому и соседним ему могильникам является, без сомнения, Сейменский могильник на левом берегу Оки, близ гор. Горького. Этот могильник близок Турбинскому и по общему характеру захоронений, и по отсутствию в погребениях глиняной посуды, и, главным образом, по полному сходству типов замечательного по богатству инвентарю медно-бронзовых предметов: топоров-кельтов, копий, ножей и др. Медно-бронзовые вещи из Сейменского могильника происходят, надо полагать, из того же металлургического центра, что и турбинские, что и часть аналогичных вещей из Галичского клада Костромской области; не местное происхождение металла на Оке еще более несомненно, чем в Турбине, т. к. в районе Сеймы совершенно нет своих медных месторождений.

Вопрос о связи Сейменского могильника с определенной группой поселений, так же как еще недавно аналогичный вопрос для Турбинского могильника, решается очень трудно из-за отсутствия в погребениях глиняной посуды. В свете же последних исследований на Каме, где этот вопрос уже разрешен, необходимо принять во внимание большое сходство между глиняной посудой гаринской и борской на Каме, с одной стороны, и волосовской на Оке и посудой из верхних слоев стоянок Балахнинской низины близ Горького, — с другой. Весьма правдоподобно, что по крайней мере позднейшие волосовские и поздние балахнинские поселения, между которыми расположен Сейменский могильник, связаны с ним и подобными ему могильниками.

Постепенно очерчивается огромная территория от Сеймы до Урала, заселенная во втором тысячелетии до н. э. близкими по культуре племенами, тесно связанными с Приуральем. В этой связи приобретает особый интерес единственный сносно сохранившийся череп из Сейменского могильника: он оказался слабо-монголоидным.

Соседями племен, населявших обширную сейменско-турбинскую культурную область, т. е. берега Камы, нижнего течения Чусовой, Вятки, Ветлуги, отчасти Средней и

Верхней Волги и Нижней Оки, были на юге в лесостепной полосе племена андроновской и срубной культур, на юго-западе — балановской культуры, на западе — фатьяновской культуры. Все эти племена отличались скотоводческо-земледельческим хозяйством и резко выраженным европейским антропологическим типом.

Судя по этнографическим данным, на этом этапе исторического развития возникают племенные конфедерации или союзы племен, являющиеся, по словам Энгельса, высшей формой общественной организации при первобытно-общинном строе. Вполне вероятно, что на протяжении второго тысячелетия камские и родственные им более западные волжские племена объединялись в такие союзы, которые еще увеличивали их взаимную близость.

Подобные обширные культурные области прошлого нашей Родины можно сравнить с некоторыми культурно-языковыми группами современности, еще недавно сохранявшими первобытно-общинный строй. Так, союз пяти ирокезских племен во времена их расцвета владел землями от реки Гудзона до озера Мичиган и от р. Оттава до рек Огайо и Потомак; диаметр этой огромной территории — свыше тысячи километров. Алгонкинские и атабаскские племена Северной Америки расселялись по еще большим территориям. Аналогичные картины дает и этнографическая карта таежной Сибири. Например, еще не так давно патриархально-родовые племена тунгусов Восточной Сибири, хантэ и манси Урала и Зауралья образовывали столь же обширные культурно-этнографические области.

Вряд ли приходится сомневаться, что племена сейменско-турбинской культурной общности, как и предшествующие им камские неолитические племена, в языковом отношении были финноугорскими.

ПРОЧИЕ КУЛЬТУРЫ ПРИКАМЬЯ

23. Пещерные погребения и стоянки на реках Катаве и Юрюзани

Иной, нежели на Каме, была в то время культура населения горных районов бассейна Белой, иных и в природном отношении и изолированных от основной части Прикамья. Эти районы еще мало изучены, но уже выявленные там памятники очень своеобразны и интересны.

На берегах горных речек Юрюзани и Катава, в пределах Челябинской области, в пещерах Бурановской, Ста-

ричный Гребень и Усть-Катавской II раскопками С. Н. Бибикова еще до Отечественной войны было изучено несколько погребений. Скелеты в этих погребениях лежали на небольшой глубине, в вытянутом на спине положении (рис. 22), рядом с ними находились украшения из зубов

Рис. 22. Погребение в пещере Старичный Гребень на р. Юрюзани.

байбака и в виде костяных трубчатых и сверленных из раковин подвесок, составлявших ожерелья или нашивавшихся на одежду (рис. 23). Череп скелета в Бурановской пещере был помещен в специально сделанной ямке, засыпанной красной охрой. На скалистой стене над погребением были сделаны два рисунка: животного (по-видимому, лося) и стрелы или гарпуна над ним (рис. 24).

С. Н. Бибиков указывает, что охра, которой сделаны рисунки, совершенно того же оттенка, что и охра под черепом; на этом основании он относит погребение и рисунки к одному времени, которое определяет как эпоху неолита на том основании, что погребение отличается древним, неолитическим ритуалом, инвентарь его исключительно каменный и костяной, выше погребения лежал культурный слой с якобы неолитической керамикой, а рисунки над ним очень грубы и статичны.

Но с неолитической датировкой описанных памятников согласиться нельзя — они относятся уже к эпохе раннего металла. Керамика из культурного слоя над Бурановским погребением, обладающая плоскими днищами, сильно отогнутыми шейками и сложным орнаментом, не похожа на уральскую неолитическую керамику; она более поздняя и никак не древнее эпохи бронзы; каменные сверленные подвески из погребений совершенно тождественны подвескам из камских поселений эпохи бронзы, в частности, из турбинских поселений на Чусовой; грубость и статичность рисунков над бурановским погребением являются признаком как раз более позднего искусства.

Из сказанного вытекает: во втором тысячелетии до нашей эры — точнее определить трудно — в горных районах бельского бассейна обитали какие-то особые племена;

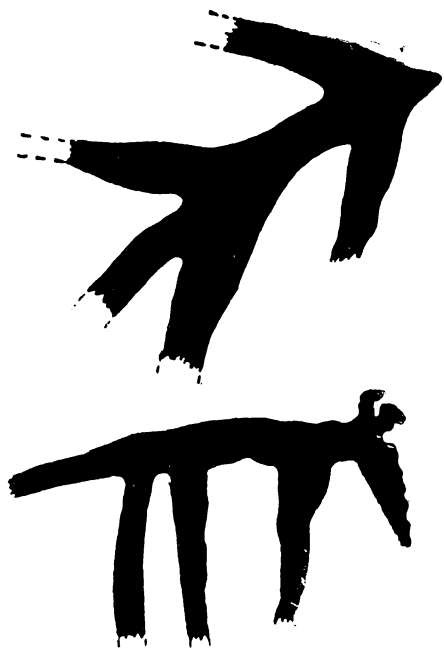

Рис. 24. Красные рисунки на скале над погребением в Бурановской пещере.

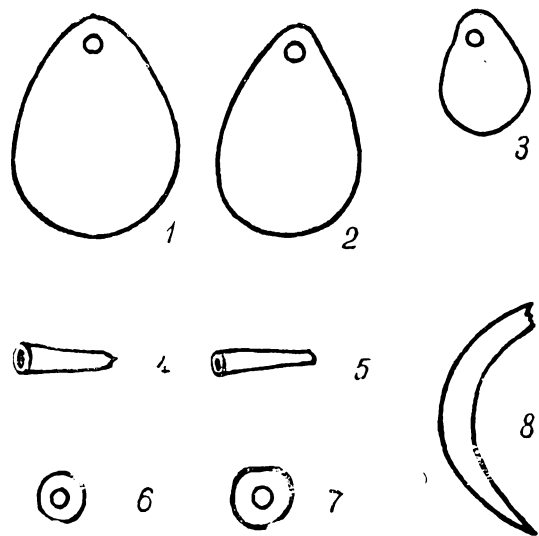

Рис. 23. Украшения из погребений в пещерах Бурановская (1), Старичный Гребень (2) и Усть-Катавская II (3—8).

1—3 — каменные просверленные подвески; 4, 5 — пронизки для ожерелья из птичьих костей; 6, 7 — бусы из раковин; 8 — подвеска из резца байбака.

их культура отличалась некоторыми архаичными, неолитическими чертами, вполне понятными в свете изолированности этих горно-уральских племен от их равнинных соседей, обитавших на больших реках и гораздо шире общавшихся как с ближайшими, так нередко и весьма удаленными областями.

24. Балановские племена

Образование стад и переход к пастушеской жизни произошли раньше всего не в лесах, а в наиболее подходящих для этого местах — травянистых равнинах Западной Азии и Восточной Европы, среди которых Ф. Энгельс отмечает равнины Средней Азии и Северного Причерноморья. Он полагает, что на границах таких пастбищ, должно быть, впервые имело место приручение животных¹. Выделение пастушеских племен из числа охотничьих и рыболовных знаменует первое великое общественное разделение труда. Переход к пастушеской жизни возвысил мужчину над женщиной и послужил основной причиной для перехода от матриархата к патриархату. Племена скотоводов и земледельцев были лучше обеспечены пищей и всем необходимым. Они быстрее развивали различные культурные навыки, металлургию и ткачество, общение и обмен с соседями, быстрее размножались. К ним подходят слова К. Маркса и Ф. Энгельса: «То были пастушеские племена, охотники и воины; их способ производства требовал обширного пространства земли для каждого отдельного индивидуума, как то имеет место еще поныне у индейских племен Северной Америки. Когда они увеличивались в числе, то сокращали друг другу площадь производства. Поэтому избыточное население было вынуждено пускаться в те великие сказочные странствия, которые положили начало образованию народов в древней и новой Европе»². Особенно интенсивны были передвижения населения близ пределов древних рабовладельческих государств, совершавших далекие походы с целью приобретения рабов и нередко сами подвергавшиеся грабительским набегам со сто-

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., Госполитиздат, 1953, стр. 24.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Революционная эмиграция в Лондоне. Эмиграция из Англии. Соч., т. IX, стр. 278—279.

роны первобытных племен. Эти передвижения достигали и далекой северной периферии, где скотоводческие племена соприкасались с охотничье-рыболовными лесными.

Одним из крупных исторических эпизодов этого рода было движение балановских племен с юга или юго-запада до Нижней Оки, Средней Волги, Камы и Вятки включительно. Основным памятником этой культуры является Балановский могильник в Чувашии. Более ста изученных там погребений обнаруживают и в бомбовидной по форме посуде, и в бронзовом инвентаре, и, в некоторых деталях погребального ритуала — связь с некоторыми памятниками бронзовой эпохи Среднего Днепра и Северного Кавказа; не меньшее сходство они имеют и с фатьяновской культурой в Верхнем Поволжье. Антропологический тип балановцев — европеоидный, но узколицый, средиземноморский; он заметно отличается от широколицего фатьяновского и имеет чрезвычайно близкие аналогии на Кавказе и в южной Прибалтике.

Целый ряд других памятников балановского типа, в том числе и двадцать поселений, открытых саратовским археологом П. Д. Степановым, очерчивают как основную территорию балановских племен правобережье Средней Волги, главным образом, в современных Чувашской и Мордовской АССР и вплоть до Оки на севере.

Одним из наиболее характерных признаков балановских племен в материальной культуре было повсеместное употребление каменных шлифованных боевых топоров — молотов с просверленным сквозным отверстием для скрепления с рукоятью. Отдельные находки сверленных боевых топоров часты не только на указанном средневолжском правобережье, но и по левому берегу Волги, в Татарской АССР, в бассейне Камы. Считать сверленные топоры на Каме и Вятке результатом обмена местных племен с балановскими нельзя, так как их для этого слишком много; к тому же встречаются и недоделанные экземпляры (рис. 25, ф. 2) — это уже свидетельство местного производства топоров. Вопрос прояснился после недавнего открытия к востоку от Сарапула, на юге Пермской области у с. Верх-Сава погребения с разбитым сверленным топором, бомбовидным глиняным сосудом и другими предметами, свойственными балановской культуре (рис. 25), а также после раскопок жилищ с балановской керамикой в среднем течении Вятки и в вятско-ветлужском междуречье.

Таким образом уже сейчас выясняется, что районы Нижнего Прикамья, вероятно, во второй четверти второго тысячелетия до н. э. были заняты балановскими пришельцами.

Балановцы были скотоводами и земледельцами, умели обрабатывать металлы и находились на начальном этапе

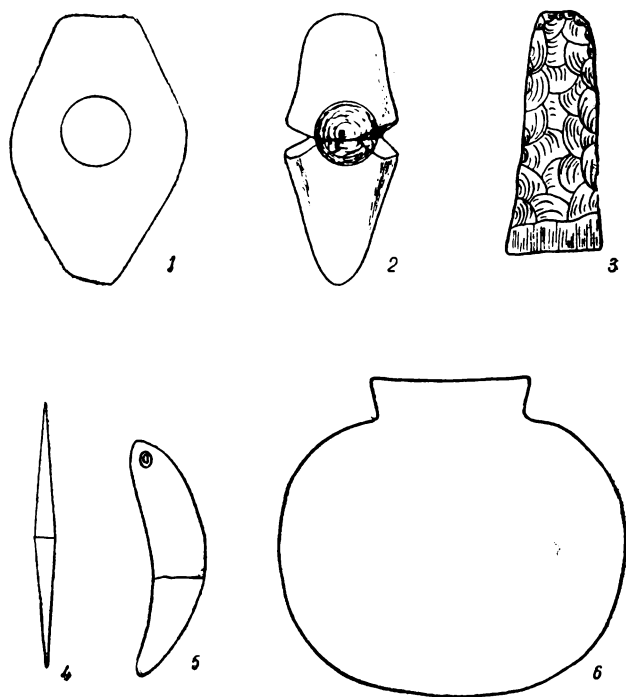

Рис. 25. Предметы балановской культуры из Прикамья:

1, 2 — из Уржумского музея; 3—6 — из Верх-Савинского погребения Пермской области.

патриархально-родового строя или на переходе к нему; во всяком случае пережитки матриархата, судя по погребениям Балановского могильника, оставались у них еще очень сильными.

Далеко не безынтересным дополнением к нашим сведениям о том времени являются палеоклиматические данные. Все еще продолжавшийся с эпохи неолита суббореальный — сухой и теплый — климатический период, основная

часть которого носит название ксеротермического периода, достиг в это время своего наибольшего развития, а ландшафтные зоны — своего наиболее северного в последний период положения.

В Прикамье, по исследованиям ботаника С. И. Коржинского, северная граница степей проходила тогда по линии Малмыж—Сарапул—Кунгур. Замечательно, что находки балановских сверленных боевых топоров в основном располагаются в этих пределах, а Верх-Савинское погребение близ Сарапула — лишь немного южнее их.

Такое размещение скотоводческо-земледельческих племен, южных по происхождению, вполне понятно: скотоводческому хозяйству благоприятствовали открытые пространства, да и первобытному земледельцу они были удобнее хотя бы тем, что избавляли его от тяжелой борьбы с лесом. Южная кромка тогдашних лесов служила естественной преградой для продвижения воинственных скотоводческих племен на север.

Судя по небольшому количеству и незначительности памятников, балановское население было немногочисленным и оставалось в Прикамье недолго. Возможно, что основная часть местного населения на завоеванной балановцами территории продолжала оставаться на старых местах и жила с пришельцами «черезполосно», в перемежающихся районах. Несмотря на первоначально враждебные отношения, обе группы племен в дальнейшем могли жить в небесполезном для обеих сторон мирном сосуществовании. Этому должна была способствовать разница хозяйственных укладов: аборигенное население получало у пришельцев продукты земледелия и скотоводства в обмен на продукты рыболовно-охотничьего хозяйства. Смешение балановской керамики с местной в жилищах на р. Вятке подтверждает эту мысль.

Но непосредственное соседство с пришлыми племенами, вероятно, ускорило переход местного населения к земледелию и скотоводству как основным формам хозяйства, чему благоприятствовали и изменившиеся ландшафт и климат. Те же причины не могли не послужить последним, решающим толчком для разложения материнского рода. В балановское время, несомненно, усиливаются и европеоидные элементы в антропологическом составе населения южного Прикамья.

25. Срубные племена

Около середины второго тысячелетия до н. э. началось аналогичное, но гораздо более крупное движение на север и запад племен срубной культуры. Срубные племена (названные так по способу погребения умерших под насыпными курганами в могилах с деревянными срубами) обитали первоначально в степях Нижнего Поволжья, главным образом на левобережье, в непосредственном соседстве с культурно-близкими приуральскими андроновскими племенами. Они занимались скотоводством и земледелием.

Пока остается неясным, какие причины послужили толчком к движению срубных племен, но, несомненно, этому движению должны были благоприятствовать природные условия, создавшиеся во время засушливого ксеротермического периода. И без того сухие завожские степи с наступлением чрезвычайно сухого и теплого климата стали превращаться в полупустыни, они не могли больше прокормить многочисленных стад. Населению пришлось искать новые пастбища.

Срубные племена, как доказал В. А. Городцов, расширили свою территорию далеко на запад — от Волги вплоть до Днепра, — заняв все южно-русские степи к северу от Черного моря. Они продвинулись и на север, в освободившуюся от сплошных лесов полосу ксеротермических степей и лесостепей, включая Среднюю Волгу, Нижнюю Каму, среднее и нижнее течение Оки.

На Оке на базе пришлых племен во второй половине второго тысячелетия сформировалась своеобразная поздняя культура, в казанском Поволжье и Нижнем Прикамье — аналогичная приказанская культура. В обеих этих культурах, наиболее северных на территории продвинувшихся срубных племен, к типично-срубным культурным элементам примешивается глиняная посуда с отпечаткой грубой ткани на наружной поверхности.

Появившиеся в Прикамье срубные племена обладали культурой, резко отличавшейся от местной, а в значительной степени и от балановской. Жили они в длинных прямоугольных полуземлянках, обычно с одним главным очагом внутри, умерших хоронили в могилах со срубами, насыпая над ними круглые земляные курганы, как это свойственно большинству жителей открытых пространств; скелеты на

дне могил, как и у балановцев, лежат в скорченном на боку положении. Срубные племена разводили крупный рогатый скот, лошадей, овец, а затем и свиней, обрабатывали землю деревянными мотыгами, нередко с каменными наконечниками, сеяли злаки. Они обладали развитой металлургией меди и бронзы, боевым оружием; между срубными племенами существовал широкий обмен. У них началась имущественная дифференциация, установился патриархально-родовой строй, при котором главою семьи и рода

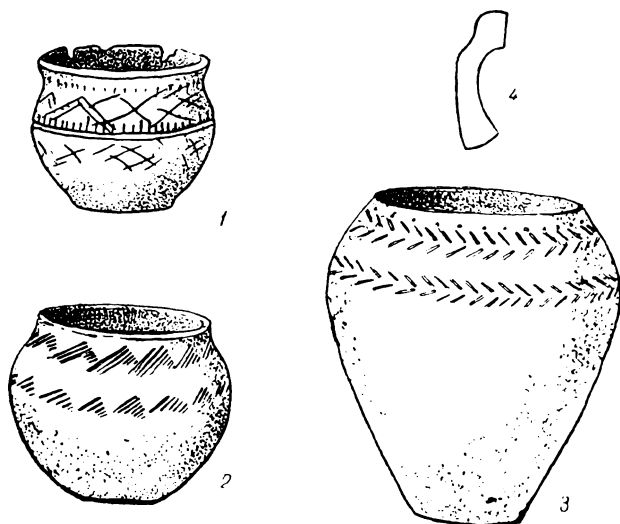

Рис. 26. Предметы срубной культуры из Прикамья:
1 — могильник Кашкара на р. Белой; 2, 3 — Луговское поселение на Калге;
4 — Гремячий Ключ близ Сарапула.

становится мужчина — обладатель основного богатства в виде домашних стад, передающихся в наследство уже по мужской линии; женщина попадает в зависимое положение, она теряет былое равноправие в семье и в роде. Срубные племена, как и племена приказанской культуры, еще широко пользовались каменными орудиями; но посуда их была уже плоскодонной, горшковидной (иногда остроресберной) и баночной формы, с примесью к глине песка, толченой дресвы и шамота (толченой посуды) со своеобразным геометрическим орнаментом в верхней части сосудов (рис. 26).

Срубные племена составляли гораздо более плотный массив, чем балановские. Они прочно утвердились в Нижнем Прикамье, очевидно в значительной мере вытеснив и ассимилировав местное население, одновременно впитав некоторые элементы местной культуры (например, форму четырехугольных жилищ с соединительными переходами. В своем расселении на север срубные племена продвинулись не так далеко, как балановские; насколько можно судить, они проникли немного выше устья Вятки. Они должны были потеснить балановские племена; скорее всего именно этим объясняется появление балановцев даже в районе Сарапула, на р. Буге.

Если район устья Белой и не входил в территорию пришельцев-срубников, то более южное ее течение, в особенности западная часть бассейна, безусловно, принадлежала этой территории. Там находилась и контактная зона между срубными и во многом близкими им, также европеоидными андроновскими племенами.

С этого времени, т. е. со второй половины второго тысячелетия до н. э., в Нижнем Прикамье уже безраздельно господствуют скотоводческо-земледельческое хозяйство и патриархально-родовой строй. На этой территории несомненно должен был не только значительно усилиться, но и преобладать европеоидный антропологический элемент, носителями которого были срубные племена. Это подтверждают европеоидные черепа из могильников того времени (например, у деревень Полянки и Маклашеевки).

Как срубные, так и балановские племена эпохи бронзы, история которых изобиловала военными столкновениями, надо полагать, не раз объединялись в межплеменные союзы.

26. Абашевские племена

В южном Прикамье имеются могильники и поселения еще одной своеобразной культуры бронзовой эпохи — абашевской. Они относятся к концу второго и к самому началу первого тысячелетия до н. э. Курганные могильники этой культуры выявлены большей частью на правобережье Средней Волги, в Чувашии, а так же в бассейне Вятки; скелеты в них лежат в скорченном на спине и вытянутом на спине положении. Эти памятники богаты погребаль-

ным инвентарем, особенно оригинальными медно-бронзовыми предметами. Установлено сходство абашевской культуры с более ранней на той же территории балановской культурой; оно выражается в наличии некоторых общих типов бронзовых вещей, элементов узора на глиняной посуде, частью еще сохранившей округлое дно, в сходстве каменных орудий и погребального ритуала. Это сходство может говорить о том, что абашевские племена произошли от балановских. Но вопрос о происхождении не может решаться так просто; в абашевском бронзовом инвентаре есть андроновские элементы, в керамике — срубные (например, плоскодонная и остросеребряная форма сосудов); европеоидный антропологический тип, судя по нескольким изученным черепам, также отличается от балановского и отчасти близок срубному. В это время срубники, всюду продвигаясь далеко на север, оттеснили, а частью, вероятно, ассимилировали балановские, а в Верхнем Поволжье — близкие последним фатьяновские племена; абашевский культурный тип раньше появился; по-видимому, именно в этой зоне смешения населения балановской и срубной культур и затем распространился на основные балановские, а частью и фатьяновские территории.

Несколько могильников абашевского типа известно не-вдалеке от устья Камы, но основными районами распространения известных в настоящее время абашевских памятников в Прикамье являются бассейны Вятки и Белой, в особенности район Стерлитамака, где К. В. Сальниковым изучены также поселения людей абашевской культуры.

Происхождение бельской, приуральской группы абашевских племен менее ясно, чем происхождение чувашской, средне-волжской их группы. Можно предположить, что при продвижении срубных племен часть камских балановских племен была оттеснена на север; другие балановцы, оттесненные на восток, поднялись вверх по Белой и укрылись в предгорьях Южного Урала, явившись предками позднейшего абашевского населения бельского бассейна.

Абашевское население Прикамья, принадлежа по основным своим чертам, без сомнения, к абашевской культуре, в то же время несколько отличалось в культурном отношении от своих далеких чувашских соседей. Эти раз-

личия сказывались, например, в орнаментации посуды (рис. 27) и становятся понятны, если учесть крайнюю растянутость абашевской культурной области с востока на запад.

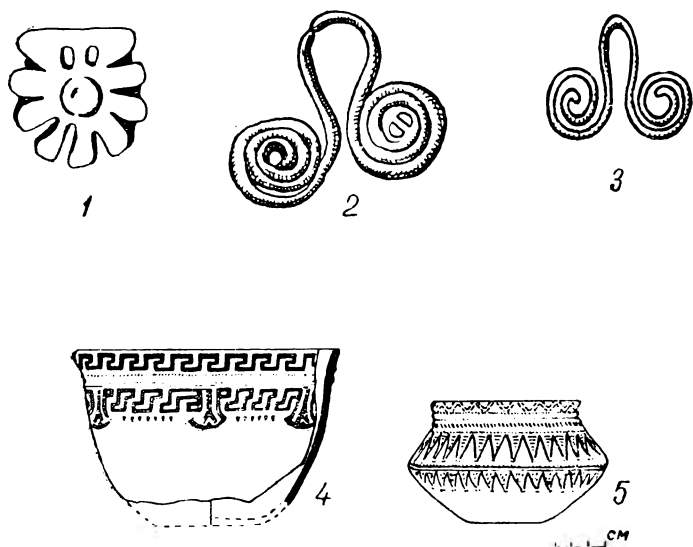

Рис. 27. Предметы абашевской культуры из Прикамья:

1 — жертвенное место Писанный Камень на р. Вишере; 2 — поселение Базов Бор в устье р. Иньвы; 3 — поселение „Старушка“ на Каме; 4, 5 — селище „Баланбаш“ на р. Белой.

Абашевцы Прикамья занимались скотоводством и мотыжным земледелием. Приуральские абашевские поселения, помимо следов больших прямоугольных домов, дали многочисленные следы плавки медной руды и отливки медно-бронзовых предметов. На селище Баланбаш найден железный шлак, относящийся ко времени около X века до нашей эры.

Развитая металлургия меди была особенностью приуральской, бельской, а также нижнекамской групп абашевских племен. Выделывая в большом количестве разнообразные металлические вещи — от оружия до украшений — они снабжали ими путем обмена родственные племена более северного Прикамья и Поволжья. Абашевские медные изделия находили сбыт и у чуждых племен сейменско-турбинской культурной области, в особенности на Средней Каме, более удаленной от зауральских металлур-

гических центров, и, наоборот, близкой Нижней Каме и бассейну Белой. Базой абашевской металлургии меди служили медистые песчаники, широко распространенные в Южном Приуралье и Нижнем Прикамье.

В нижнем течении Белой в начале первого тысячелетия до н. э. на абашевской основе возникает особая культура Курман-тау, еще мало изученная.

27. Памятники Верхнего Прикамья

В лесной полосе к северу от границы древних, ксеро-термических степей до самого конца бронзовой эпохи обитали племена сейменско-турбинской культуры.

В Верхнем Прикамье, к северу от территории турбинского племени с конца прошлого века известны в литературе следы стоянок с каменным инвентарем и отдельные находки каменных орудий у д. Шадриной на р. Иньве, у деревень Новоселы, Шляпина, Петухова на р. Велве, у с. Орел на Каме. Но поиски уже после Октябрьской революции в некоторых из этих пунктов не дали успеха: там не были обнаружены стоянки, годные для дальнейшего исследования. Камской Археологической экспедиции Пермского университета в послевоенные годы удалось обнаружить и исследовать несколько новых памятников.

Один из этих памятников — стоянка Базов Бор — расположен на склоне боровой террасы на правом берегу Камы и левом берегу Иньвы, в самом устье последней, в Чермозском районе Пермской области. На стоянке было построено всего одно четырехугольное жилище гаринского типа, с длинным коридорообразным выходом. Отсутствие очага и небольшое количество остатков материальной культуры приводят к выводу о временном характере стоянки.

Керамика и кремневый инвентарь типичны для гаринского этапа турбинской культуры. Не исключено, что на Базовом Бору была сезонная, промысловая стоянка турбинского племени. Но, учитывая удаленность стоянки от устья Чусовой и наличие следов нескольких стоянок еще дальше, в глуши иньвенского бассейна, а также некоторые особенности орнамента, следует предполагать в этой части Верхнего Прикамья существование особого племени, родственного турбинскому и, быть может, отпочковавшегося от него.

Большую редкость представляют рисунки и остатки материальной культуры эпохи бронзы на жертвенном месте у Писаного камня на р. Вишере. Рисунки нанесены на скалу более светлой краской, чем неолитические, и выполнены в более схематической манере, приближаясь в этом смысле к рисункам в Бурановской пещере (рис. 24). Под рисунками в земле найдены различные

Рис. 28. Вал Галкинского городища в устье Чусовой.

предметы эпохи бронзы, среди них обломки вполне типичной керамики. В крупных трещинах скалы, на которой находятся рисунки, обнаружены три наконечника стрелы с усеченным основанием (турбинского типа); рядом с одним из них найдена медная абашевская бляшка — розетка, рядом с другим — четырехугольная серебряная пластинка с наспех сделанным отверстием, чтобы можно было прикрепить ее к стреле. Обе эти для того времени драгоценности, несомненно, были посланы в жертву почитаемым духам с реки — с плота или лодки — с помощью стрел проезжавшими мимо людьми; острия стрел раздроблены от удара о скалу.

Возможно, что святилище под Писаным камнем почи-

талось и посещалось не только жителями Верхней Камы, но и более далеких районов, как впоследствии это имело место с Гляденовским костышем на р. Мулянке.

В параллель к медной абашевской розетке с камня Писаного следует отметить находку медной проволочной очкообразной подвески абашевского же типа на стоянке Базов Бор (рис. 27, ф. 1, 2). Этим подтверждается проникновение абашевских металлургических изделий по рекам камской системы вплоть до Северного Урала.

28. Сейменско-турбинские племена Средней Камы

Значительно лучше изучена Средняя Кама между Пермью и Сайгаткой — в связи с подготовкой к заполнению водохранилища строящейся Воткинской ГЭС, и далее, до устья Белой. Здесь, на совершенно до того не изученном отрезке Камы, экспедицией Пермского университета за последние годы открыты и частью раскопаны более пяти десятков стоянок и местонахождений эпохи бронзы, впервые освещающих первобытную историю этой обширной территории.

Открытые поселения по своему расположению подразделяются на несколько территориальных групп: оханскую, осинско-частинскую, еловскую, вероятно сайгатскую и, быть может, усть-бельскую. Каждая из них могла являться племенной группой поселений.

Все поселения бронзовой эпохи от Перми до Белой по материальной культуре очень близки поселениям турбинского племени и безусловно принадлежали к массиву племен сейменско-турбинской культурной области. Здесь следует ожидать в дальнейшем открытия могильников, аналогичных Турбинскому и Сейменскому. Но было бы ошибкой считать, что сейменско-турбинские племена Средней Камы в культурном отношении тождественны турбинским поселениям усть-чусовского района: они совпадают с ними лишь по основным чертам; при ближайшем же рассмотрении выявляются многие мелкие различия. Так, в керамике Средней Камы больше применялись растительные примеси, отчего она еще хуже сохраняется, чем на Чусовой; орнамент располагается на сосуде не так густо, реже встречается остроугольный зубчатый зигзаг — «шагающая гребенка». Бросается в глаза распространенность кремневых наконечников стрел ромбической формы

(в Осинско-Частинском районе) и отсутствие некоторых характерных для Верхнего Прикамья типов, например, ножей с «пуговкой» на черешке или четырехшипных, двухъярусных наконечников стрел.

Наибольшим сходством с турбинской культурой отличаются поселения, расположенные между Оханском и устьем Очера, где, между прочим, лучше всего на Средней Каме представлен и характерный орнамент в виде «шагающей гребенки». Но удаленность оханской группы поселений от устья Чусовой скорее говорит за принадлежность их другому, хотя и родственному племени.

В настоящее время яснее всего в качестве племенной выделяется осинско-частинская группа поселений, протянувшаяся на 35 километров и состоящая из 19 поселений и 3 местонахождений. Именно в этой, наиболее обширной и богатой памятниками племенной группе поселений, в сочетании с соседними группами, наметилась и периодизация, — этапы развития на протяжении бронзовой эпохи.

Более ранний этап, который можно назвать ольховским, соответствующий гаринскому этапу турбинской племенной культуры, характеризуется бедностью металлом, относительно толстостенной прямошейной глиняной посудой с округлоконическим дном и толстыми, приплюснутыми сверху венчиками, аналогичными гаринским и волосовским на Оке, с наличием в орнаменте «шагающей гребенки»; каменный инвентарь отличается еще высокой техникой. Сюда относятся поселения: Ольховское, Первомайское, Кама-Жулановское II и другие.

Более поздний этап (его можно назвать раздорненским) лучше представлен в соседней, еловской группе. Он соответствует борскому этапу турбинской культуры и отличается более тонкостенной керамикой, почти без орнамента в средней и нижней части сосуда, а также очень низкой, явно упадочной каменной техникой и богатством металла.

На 16 уже раскопанных Камской Археологической экспедицией поселениях Средней Камы изучено более 20 жилищ. На некоторых поселениях насчитывается по 12 и более жилищ. Все они аналогичны гаринским по форме и устройству, то есть четырехугольные, с очагами-кострищами в центре, иногда соединены друг с другом углубленными в землю переходами. Такие жилища свойственны здесь как раннему, так и позднему этапам. Длин-

ные жилища борского типа здесь пока единичны, и это также отличает местную культуру от собственно-турбинской. Следы обугленных нижних венцов сгоревшего сруба и столбовых ям внутри полуземлянки подтверждают сходство с турбинскими жилищами в архитектуре.

Экономика среднекамских племен аналогична экономике турбинского племени.

Наконечники стрел подразделяются на 9 типов, указывая на дифференцированную, развитую охоту; каменные грузила для сетей подтверждают занятие сетевым рыболовством. На стоянке Раздорная II найдена большая плоская каменная мотыга, тождественная мотыге с турбинского поселения Боровое озеро II и с Писаного Камня.

Здесь можно предполагать несколько большее развитие скотоводства; основанием для этого служит не только более широкая камская пойма с заливными лугами, но и близость древних степей — ландшафт в этой части Прикамья мог иметь одно время лесостепной характер.

Интересны данные о металлургии у среднекамских сейминско-турбинских племен. На ольховском этапе металлические изделия сравнительно редки, следы местной выплавки меди отсутствуют. Часты находки зауральских тальковых сосудов с орнаментом, который в существенной части совпадает с орнаментом на топорах-кельтах сейминского типа. Не подлежит сомнению, что источником, удовлетворявшим потребность в металлических изделиях, и здесь служили в это время горный Урал и Зауралье.

На раздорненском этапе металлические предметы встречаются несравненно чаще, в некоторых жилищах число их колеблется между одним и двумя десятками и более, как на Нижне-Раздорной стоянке или стоянке «Старушка». Имеются достоверные следы местной выплавки меди. Наряду с этим исчезает зауральская керамика. Как и в районе Чусовой, на позднем этапе начинается эксплуатация местных медистых песчаников.

Необходимо отметить, что и на Средней Каме имеются медные украшения абашевского типа, при том они хорошо связаны здесь с поздним этапом бронзы (рис. 27, ф. 3). Эти находки указывают путь, по которому проникли в Северное Прикамье навыки использования медистых песчаников для выплавки меди. Путь этот шел из абашевского центра древней металлургии, выросшего на эксплуатации медистых песчаников Южного Урала, по Белой на Каму, а может

быть, и с Нижней Камы, и первыми из сейменско-турбинских племен на этом пути были племена средней Камы. Они и переняли способы использования медистых песчанников. Абашевские медные изделия, попадавшие к ним в готовом виде, служили образцами и при самостоятельном изготовлении медных вещей.

Указанная смена культурных типов металлических изделий сейменско-турбинской группы наблюдается не только на Каме, но и на Верхней Волге: для более раннего Сейменского могильника не характерны вещи абашевских типов, происхождение его медно-бронзового инвентаря в основном среднеуральское; более поздний — Галичский клад в Костромской области уже содержит заметную примесь вещей абашевского типа.

На протяжении эпохи бронзы в истории населения Прикамья, как уже было показано, произошли многие существенные перемены.

В начале раннего этапа бронзы на всем течении Камы и смежном отрезке Волги, где раньше жили неолитические племена камской культурной области, продолжала развиваться местная культура, возникшая на местной неолитической основе. При переселении в Прикамье балановских, а затем срубных племен, область приуральских сейменско-турбинских племен сильно сократилась, и южным их пределом стал район Сарапула. Поздний этап бронзы приуральского типа представлен только к северу от Сарапула. На этом позднем этапе сайгатская и еловская группы поселений были самыми южными поселениями сейменско-турбинских племен на Каме. Они тянулись далее на запад, видимо, с большими перерывами через водоразделы на Вятку, обходили с севера Ветлугу и редкими пятнами шли еще дальше до Балахнинской низины близ слияния Оки и Волги, по левобережью Верхней Волги (Галич) и, вероятно, дальше на север и запад.

Некоторые поселения Средней Камы, как «Чернашка» и «Старушка» близ Частых и Камский Бор II у Оханска представляли собой крупные постоянные, длительно обитавшиеся поселения. Но большая часть исследованных среднекамских поселений этого времени обнаруживает признаки недолгого обитания. Так, стоянки на Раздорной воложке в Еловском районе насчитывают не больше одного жилища, да и те имеют слабо прокаленные очаги или совсем не имеют их; эти стоянки очень бедны материалом.

В осинско-частинской группе на поселении Басенький Борок, состоящем из четырех полуземлянок, в некоторых жилищах совсем отсутствовала керамика.

Можно высказать предположение, что описываемые районы во второй половине второго тысячелетия могли подвергаться частым набегам со стороны воинственных балановских и срубных племен, в связи с чем наиболее южные среднекамские племена перенесли часть своих постоянных поселений к северу, поэтому в описываемых районах преобладали сезонные, промысловые стоянки.

Очень большой интерес представляет своеобразная культура самого конца бронзовой и начала железной эпохи, выявленная раскопками О. Н. Бадера и, в особенности, В. П. Денисова в последние годы. Предварительно, по имени Ерзовского поселения, ее можно называть ерзовской культурой.

Характерной ее особенностью является глиняная посуда реповидной формы, с узкими плоскими днищами и невысокими шейками с небольшими утолщениями — «воротничками» снаружи. Эта посуда, как и более древняя местная, сделана из глины с растительными примесями и имеет еще больше общего с посудой более поздней ананьинской культуры. Такая керамика найдена уже в четырех пунктах между Пермью и Частыми, что рисует эту часть Прикамья как возможный район древнейшего формирования культурных черт, свойственных ананьинской культуре. Характерно, что описанная керамика почти всегда находится вместе с раннеананьинской.

На Ерзовском поселении близ Частых она находилась в больших четырехугольных домах почти наземного типа, с большими глинобитными очагами.

Намечаются связи ерзовской культуры с каменногорской или гамаюнской культурой в Среднем Зауралье и с упоминавшейся культурой Курман-Тау в районе Белой.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПЕРИОД

АНАНЬИНСКАЯ КУЛЬТУРА

(VII—III века до н. э.)

29. Сложение культурной общности ананьинских племен. Антропологический тип

Чем ближе мы подвигаемся к современности, тем лучшей сохранности, тем богаче оказываются памятники материальной культуры, тем многочисленнее они и тем больше они дают для восстановления истории давно забытых поколений. Появление письменных сведений о Прикамье, древнейшие из которых принадлежат греческому писателю Геродоту и относятся к V веку до н. э., несмотря на их еще малую достоверность, делают исторические источники еще более полными.

Изобретение плавки железной руды принадлежит к числу крупнейших достижений в истории человеческой культуры. Железо не встречается в природе, в противоположность меди, в чистом самородном виде, и способы его получения могли быть открыты только теми людьми, которые были знакомы с плавкой медной руды.

В Прикамье, так же как и в некоторых пунктах Среднего и Верхнего Поволжья, древнейшие следы костровой плавки железной руды относятся еще к X веку до н. э. Таковы находки железных шлаков в селище Баланбаш на р. Белой, принадлежавшем одному из племен абашевской культуры.

Если медь плавится при температуре 1084 градуса, то железу для этого нужно 1530 градусов. Древним людям трудно было добиться необходимой температуры для плавления

ления железной руды. Поэтому только после изобретения плавки в сыродутном горне, где для получения железа вполне достаточна была температура 900 градусов, новый металл повсеместно вошел в быт. На большей части территории Европы, так же как и в Прикамье, это произошло около VIII века до нашей эры.

Роль железа в экономике первобытного населения трудно преувеличить. Медно-бронзовые и каменные орудия по твердости и прочности не могли конкурировать с орудиями труда и оружием, сделанными из железа. Железо быстро вытеснило медь, бронзу и камень как основные материалы для изготовления орудий во всех областях, где появлялась собственная металлургия железа. Особенно быстро падает и забывается техника обработки камня. Лишь в некоторых районах, где металлургия меди достигла к этому времени особенно высокого развития, победное шествие железа было не столь быстрым. К числу таких районов может быть отнесено и Прикамье.

Начало железной эпохи совпадает здесь с распространением ананьинской культуры, названной по имени изучавшегося сто лет назад богатейшего могильника у с. Ананьина близ Елабуги. Ананьинская культура сменяет на всем пространстве Прикамья описанные выше культуры эпохи бронзы и является здесь наиболее изученной древней культурой. Но вопрос о ее происхождении до сих пор является темой непрекращающейся дискуссии.

А. В. Збруева, недавно опубликовавшая большую монографию об ананьинской культуре, считает, что последняя первоначально сложилась в Нижнем Прикамье при решающем участии срубно-хвалынских племен, А. П. Смирнов — при участии всех предшествующих культур; К. В. Сальников основную роль в этом процессе отводит абашевским племенам р. Белой и Средней Камы. Нам ананьинская культура представляется типично-уральским образованием, тяготеющим к Сибири, в основу которого легли местные, уральские, а никак не европейские элементы типа срубных или абашевских племен.

Подходя к решению этого вопроса, необходимо прежде всего учесть, что срубные и абашевские племена были в антропологическом отношении европеоидными. Ананьинские же могильники дают черепа частью смешанного европеоидно-монголоидного типа, частью же ярко выраженного, несмешанного, как бы свежего монголоидного

типа, находящего наиболее полные аналогии в Бурят-Монголии. Существенно важно, что монголоидный тип лучше всего представлен в одном из древнейших, Луговском могильнике близ Елабуги, относящемся к VII веку до н. э. Смешанный, метисированный антропологический тип кажется более древним, унаследованным еще от сейменско-турбинских племен бронзовой эпохи. Свежий монголоидный тип в Прикамье проник недавно и только с Урала или из Западной Сибири. Во всяком случае в Нижнем Прикамье и Среднем Поволжье он может рассцениваться только как пришлый, ибо известно, что в конце бронзы здесь господствовал европеоидный антропологический тип.

Как уже было сказано, на Оке, Средней Волге и на Нижней Каме в конце бронзовой эпохи на почве взаимодействия срубной и местных культур сложились своеобразные культуры типа поздняяковской и приказанской, которые отличались керамикой срубного типа в соединении с плоскодонной же керамикой с отпечатками ткани на ней. Во всех этих местах в начале железной эпохи формировались новые культуры патриархально-родовых племен, обитавших на укрепленных поселениях — городищах. Одной из отличительных черт этих новых культур была почти та же плоскодонная глиняная посуда с отпечатками ткани или плетенки в виде рогожи, находимая на городищах. Такая культура раннего железного века представлена и на Средней Волге, и в Нижнем Прикамье вплоть до устья Вятки, где она обнаружена на городище Грохань.

Ананьинская же культура и по керамике, и по другим элементам резко отличается и от этой культуры, а также и от приказанской, более древней. В то же время в позднебронзовой культуре северной части Прикамья, куда не заходили пришлые скотоводческие племена, имеются черты, которые скорее можно считать исходными для ананьинских. Это близкие ананьинским формы круглодонной посуды борского и ерзовского типов с растительными примесями к глине и обработкой внутренней поверхности зубчатым орудием, схожие медные втульчатые топоры-кельты и копья, одна и та же форма длинных жилищ.

Основные черты ананьинской культуры складывались в конце бронзовой эпохи в недрах северо-камских, приуральских племен, обитавших выше устья Вятки.

Изучение материала (к сожалению, еще плохо иссле-

дован ранний железный век Зауралья) приводит к гипотезе о каком-то толчке, полученном в VIII—VII веках до н. э. камскими племенами из-за Урала, принудившем их, отчасти вместе с пришельцами, сместиться на запад и занять территорию Нижней Камы, Средней Волги и даже Ветлуги. В этих районах заметна резкая смена местных культур ананьинской культурой, которая принесла с собой и свежий, резко выраженный монголоидный тип. С этого времени вся огромная территория Прикамья и некоторые смежные районы объединяются как область обитания единокультурных, родственных ананьинских племен. В их состав вошло и местное население, что отразилось в известном культурном своеобразии отдельных групп ананьинских памятников. Такова, например, их бельская группа, где в конце бронзы развилась на абашевской основе культура курман-тау, своеобразные черты которой нашли свое отражение в бельском, так называемом карабызовском варианте ананьинской культуры.

30. Городища, селища, могильники и их периодизация

В ананьинское время возникает новый тип поселений — укрепленные городища. Их появление служит отражением глубоких перемен, происходивших в обществе.

Одно время городища считали единственным типом ананьинских поселений. Но впоследствии были открыты и селища. В последние годы Камская Археологическая экспедиция Пермского университета открыла десятки неукрепленных ананьинских поселений на Чусовой и на Средней Каме. Оказывается, селищ у ананьинцев было гораздо больше, чем городищ, которые являлись в то время лишь основными долговременными поселениями.

Ананьинские городища, в отличие от более древних поселений, располагаются на высоких берегах рек, чаще всего между рекой и оврагом или двумя оврагами, на подтреугольных площадках, между крутыми, часто обрывистыми склонами, облегчавшими укрепление поселения; со стороны равного по уровню поля поселение защищалось ровом и высоким земляным валом (рис. 28), по гребню которого ставились деревянные укрепления. Все это облегчало оборону поселений. Площадь городищ была обычно очень небольшой — порядка двух-трех тысяч квадратных метров. Культурные слои на ананьинских городищах обыч-

но толсты и богаты остатками, что говорит о долговременном обитании. Но жилища ананьинских городищ почти не исследованны, возможно, они были наземными, или же их слабые углубления не улавливаются при раскопках в одноцветном, темном культурном слое. Было исследовано (А. В. Збруевой) лишь одно ананьинское жилище — на Концгорском селище на Чусовой: оно оказалось слабо углубленным в землю длинным домом размерами не менее чем $42 \times 4 - 6$ м, с 9 вытянутыми вдоль средней линии комнатами. В таком доме жило от 80 до 100 человек. На каждом городище могло помещаться по одному-два подобных жилища, иначе на его небольшой площадке не осталось бы места для хозяйственных нужд, в частности, для скота, который в случае опасности, без сомнения, загонялся на городище. Размеры городищ неодинаковы, но не велики, и вмещали, надо полагать, от 80 до 200 человек.

Некоторые селища, имеющие постоянные жилища и богатый культурный слой, также должны расцениваться как постоянные поселения. Их обитатели в случае опасности могли укрываться на соседних городищах.

Но большая часть селищ имела незначительные культурные слои и производит впечатление временных, промысловых стойбищ; многие из них даже располагаются по-прежнему на невысоких террасах речных долин, где удобно было заниматься и пастьбой скота, и рыбной ловлей, и охотой, на что указывал еще Н. А. Прокошев.

В культурных слоях ананьинских городищ и селищ сохраняется, в отличие от большинства более древних поселений, богатый материал в виде не только редких изделий из камня, но и из обожженной глины, железа, меди, бронзы, а также из кости и рога. На большинстве городищ обработанных и необработанных костей столько, что археологи называли эти городища костеносными, а мелкие предприниматели производили переработку костей в промышленных целях. К наиболее известным ананьинским городищам относятся: Галкинское на Верхней Каме, Нечкинское и Юшковское на Средней Каме, Тихогорское, Сорочьи горы и Грохань на Нижней Каме, Пижемское, Лебяжье, Ройское, Буйское и Аргыж на Вятке, Кара-Абыз на Белой, Одоевское на Ветлуге.

Могильники ананьинского типа очень богаты по количеству погребений и погребальному инвентарю. Так, на Зуевском могильнике близ устья Белой А. А. Спицыным

раскопано 218 погребений. К числу известнейших могильников принадлежат также Ананьинский и Луговской — на Нижней Каме, Морквашинский и Гулькинский — на Волге, Скородумский — на Верхней Каме.

Погребения чаще всего лежат в неглубоких могилах в вытянутом на спине положении, ногами к реке, как и в более раннем Турбинском могильнике и на многих могильниках Сибири. На Ананьинском могильнике над одним из погребений была выложена из каменных плит большая каменная лодка. Вероятно, по суеверию ананьинцев, двойники — души умерших должны были совершать по реке путь в загробный мир.

Изредка ананьинцы практиковали трупосожжение. Кроме одиночных, встречаются и коллективные погребения: мужчины с женщиной и взрослых с детьми.

Материальная культура ананьинского населения богата и своеобразна. Наиболее яркое выражение она находит в многочисленных медно-бронзовых изделиях, встречающихся, главным образом, в погребениях, а также и в культурных слоях поселений: втульчатых топорах-кельтах, наконечниках копий и стрел, боевых клевцах-чеканах, бляхах, подвесках и т. п. (рис. 30). Повсеместно распространены были железные ножи, изредка железные наконечники копий, стрел и короткие железные мечи (рис. 30). Широко использовались кость и рог, не говоря уже о дереве, во все времена служившем для удовлетворения разнообразных нужд человека. Из кости делались наконечники для стрел и для деревянных сельскохозяйственных мотыг, шилья, вязальные иглы, рукоятки, черенки и многие другие предметы.

Посуда была не особенно крупной, круглодонной, котлообразной, со шнуровым зубчатым и ямочным орнаментами в верхней части сосудов. Она лепилась от руки из глины с примесью толченой раковины и сланца.

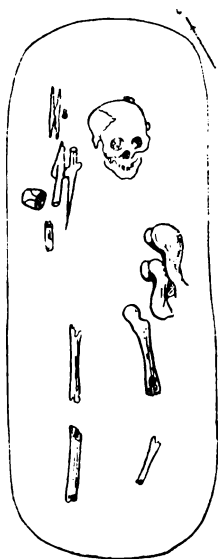

Рис. 29. Богатое мужское погребение из Луговского могильника.

Сохранились образцы изобразительного искусства ананьинцев: статуэтки людей из глины (рис. 30, ф. 7), бронзовое литье и графические рисунки, изображающие

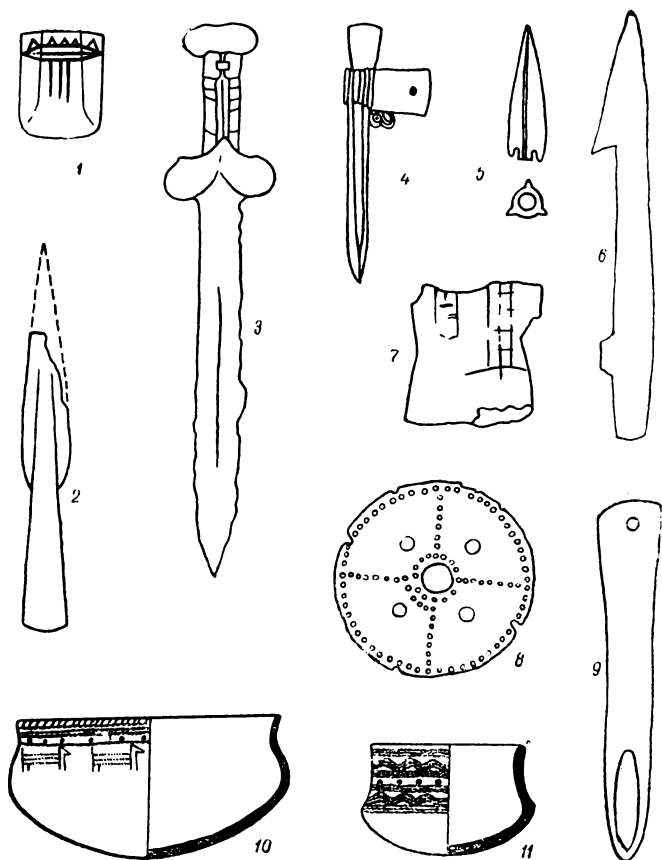
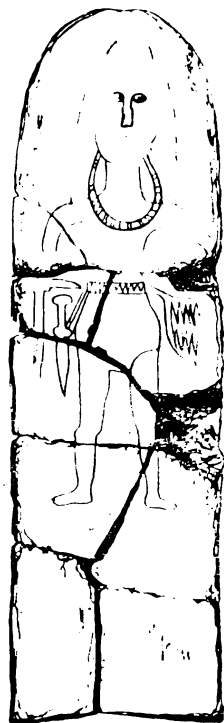

Рис. 30. Медно-бронзовые и железные вещи ананьинской культуры:
— Зуевский могильник; 2 — Скородумский могильник; 3, 9 — Луговской мо-
гильник; 4, 8, 10, 11 — Ананьинский могильник; 5 — Гилкинское городище; 6, 7 —
Конецгорское селище.

различных животных и выполненные в своеобразном, так называемом «зверином» стиле; контурные рисунки людей на надмогильных плитах с деталями костюма, оружием и украшениями (рис. 31); наскальные рисунки, выполненные

красной краской в очень схематической, стилизованной манере.

Есть основания говорить об этапах развития ананьинской культуры от раннего к более позднему времени. В Верхнем Прикамье устанавливаются три последовательных этапа в ее развитии: скородумский, галкинский и конецгорский. Первый из них охватывает VII и, может быть, VIII века до н. э. Он отличается глиняной посудой без примеси толченой раковины и архаичными медно-бронзовыми изделиями, наиболее близкими турбинским. Галкинский этап длился VI и V века до н. э. В это время еще бытует отмирающая техника выделки каменных орудий; глиняная круглодонная посуда почти всегда имеет своеобразные утолщения — «воротнички» вокруг шеек и примесь раковины к глине, орнамент на сосудах довольно сложен и богат. Конецгорский этап занимает IV и III века до н. э.; в это время исчезают кремневые орудия, орнаментация сосудов становится более простой, чаще встречаются сосуды без орнамента, появляются новые формы сосудов, глиняная скульптура и т. д.

31. Земледелие и скотоводство, пушная охота. Металлургия железа, меди и бронзы. Обмен

Уже наиболее ранние ананьинские памятники с достоверностью говорят о господстве скотоводческо-земледельческого хозяйства на всей территории Прикамья.

К началу или в начале описываемой эпохи снова несколько изменился климат Прикамья: наступил более влажный и холодный субатлантический период, степи снова отступили на юг, на их место с севера направились леса.

Рис. 31. Изображение воина-вождя на могильной плите Ананьинского могильника (по фотоснимку, хранящемуся в Пермск. обл. краеведческом музее).

В этих условиях, когда весь край снова сделался лесным, получает развитие подсечное, огневое земледелие. Как справедливо указывает А. В. Збруева, камская пойма, поздно освобождавшаяся от весенних паводков, была мало пригодна для развития полеводства. Это заставило перенести земледельческие поля с луговых речных пойм на высокие лесистые берега. Поля находились по соседству с новыми поселками — городищами и селищами, построенными также на высоких берегах, на опушках придвинувшихся к речным долинам лесов. Сюда были перенесены не только поселения, которые надо было укреплять, но и неукрепленные селища. Населению последних удобно было соседство посевов; если бы не это, селища не переносились бы с нижних террас речных долин, имевших очень большие удобства не только для ловли рыбы, но и для пастьбы скота.

Орудием подсека вместо каменного топора, который, возможно, использовался раньше для этой цели, стал медно-бронзовый топор-кельт. Этот же кельт с поперечным насадом на коленчатую рукоятку мог служить и в качестве мотыги для разрыхления земли. Но основными орудиями для этого были деревянные мотыги или длинные прямые палки с втульчатыми костяными (рис. 30, ф. 9) и даже железными наконечниками.

Тяжелая работа по расчистке поля из-под леса, а возможно, и по первому взрыхлению поля должна была производиться мужчинами. Указанное участие мужского труда в мотыжном земледелии в условиях лесной страны подтверждается многими этнографическими примерами. Но окончательная подготовка поля, посев, охрана поля, сбор урожая, его хранение и приготовление в пищу всегда входили в обязанности женщин.

Ананьинцы сеяли просо, судя по находке его еще в предананьинском Луговском поселении, а может быть, и другие злаки; сажали, надо думать, и корнеплоды.

Скотоводство ананьинцев представляется уже развитым, но соотношение его с земледелием установить трудно. Очевидно, в Южном Прикамье с более широкими участками заливных пойменных лугов и менее густыми, частью лиственными лесами это соотношение изменялось в пользу скотоводства, в северном Прикамье — в пользу земледелия.

Определение костного материала с ананьинских городищ и селищ показало преобладание лошади и крупного

рогатого скота, а иногда свиньи, и очень ограниченное число овец; изредка находятся и кости собаки. Лошадь была ездовым животным, что доказывается находками частей конской упряжи в некоторых погребениях, но употреблялась и в пищу. Среди костных остатков лошади и коровы преобладают кости жеребят и телят, что подтверждает употребление их в пищу. Коровы частью принадлежали к крупной породе, вероятно, появившейся на Каме с юга еще в эпоху бронзы.

Охота и рыболовство, наконец, отступают на второй план, но играют еще заметную роль в хозяйстве. Так, рыболовство, разнообразное по способам лова, было весьма продуктивным. На городищах во множестве найдены орудия лова: гарпуны, остроги, грузила от сетей, рыболовные крючки из кости, железа, бронзы. Из Скородумского селища на Верхней Каме, по материалам наших раскопок, А. И. Букиревым (Пермский университет) определены преимущественно крупные рыбы: осетр русский, севрюга, стерлядь, белорыбица, щука, сом, а также судак, окунь, сазан, лещ, плотва.

Продукты охоты использовались в пищу, для шитья одежды и изготовления многих предметов домашнего обихода; для выделки разнообразных предметов служили также кости и рога диких животных — в особенности лося.

В это время впервые четко выделяется в Прикамье особая отрасль охоты — пушной промысел. На многих ананьинских городищах среди костей диких животных преобладают кости пушных зверей: бобра, куницы или соболя, лисы, белки. Главной целью охоты на них был мех, а не мясо.

Пушнина была необходима ананьинцам не только для их собственных нужд, но и для развивавшегося обмена с южными соседями.

Существенной частью производительной деятельности ананьинцев была очень развитая по тому времени металлургия. Особенно высокого уровня достигала металлургия меди и бронзы, базировавшаяся на местном сырье — пермских медистых песчаниках, выходы которых встречаются спорадически почти во всем камском бассейне; в некоторых районах обнаружены и следы очень древних разработок медистых песчаников. Найдены глиняные плавильные тигли, льячки для выливания расплавленного металла в форму, литейные формы, неудачно отлитые вещи и масса

литых медных и бронзовых вещей — топоров-кельтов, клевцов, наконечников копий, трехгранных пирамидальных стрел скифского типа, кинжалов, крючков и, в особенности, украшений, в составе которых установлено наибольшее количество олова. Медно-бронзовые изделия ананьинских литейных мастеров распространялись далеко за пределы территории, занятой ананьинскими племенами.

В это время в Прикамье была освоена и металлургия железа. На ананьинских городищах нередко находки железных шлаков и криц. Но железных изделий выделявали меньше, чем медно-бронзовых. Из железа делали однолезвийные ножи, иногда кинжалы и клевцы-чеканы, еще реже наконечники стрел и копий и короткие мечи скифского типа.

Ананьинцы были хорошо знакомы и с ткачеством. В могильниках найдены куски тканей как шерстяных, так и из растительного волокна, а в городищах — многочисленные прядильные маховички для веретен — пряслица из глины и рога.

У населения ананьинской культуры были широкие обменные связи, в результате которых ананьинские медно-бронзовые изделия попадали на Кавказ, на территорию древней Скифии, в Зауралье и Западную Сибирь и на европейский Север до Финляндии включительно. Но основным продуктом, использовавшимся уже в это время на Каме для обмена, была пушнина; об этом красноречиво говорит большое количество костей пушных зверей на ананьинских поселениях. С Кавказа ананьинцы получали украшения, от скифов, тесные связи с которыми установились с конца VI — начала V веков до н. э., — боевое оружие (мечи, кинжалы, бронзовые наконечники стрел, наконечники копий) и украшения. Возможно, что из Причерноморья ввозились на Каму и ткани. Даже из далеких Ирана и Средней Азии поступали серебряные и бронзовые блюда. Наиболее тесными были торговые связи ананьинцев со скифо-сарматскими племенами Южного Приуралья и Поволжья. Особенно сближает их аналогичный так называемый «звериный» стиль в искусстве.

32. Становление патриархата. Идеология

Общественный строй населения Прикамья в ананьинскую эпоху устанавливается исходя из его экономического строя и характера поселений и погребений.

Значительное развитие скотоводства и металлургии, находившихся в руках мужчин, необходимое участие в подсечном земледелии, возросшая роль межплеменного обмена, развивавшийся в связи с ним пушной промысел ознаменовали большой сдвиг в развитии производительных сил общества и в то же время определили первенствующее положение мужчин в экономике семьи, отодвинув труд женщин на второй план. Возросшая производительность труда привела к возможности накопления богатства — скота, металлических изделий, пушнины, продуктов земледелия, — и основным собственником этого богатства стал мужчина.

Так совершилась одна из величайших, по словам Энгельса, бескровных революций в истории человечества, всемирно-историческое поражение женщины, приведшее ее к подчиненному положению в семье и поставившее ее в прямую зависимость от мужчины.

Накопление богатств во владении отдельных семей создало возможность и сравнительно легкого приобретения этих богатств путем их насильственного захвата, грабежа и сделало военные столкновения повседневным, бытовым явлением. На почве военного быта в Прикамье не только происходит дальнейшее развитие оружия — боевых топоров-кельтов, клевцов-чеканов, копий, боевых бронзовых стрел, кинжалов и мечей, — но возникает необходимость укрепления поселений, без чего сохранность имущества семьи не могла быть обеспеченной. Ценою огромной затраты труда поселения укрепляются земляными валами и рвами и дополнительными деревянными сооружениями, — возникают повсеместно городища, столь характерные для ананьинской и многих последующих эпох. Понятно, что эти условия еще увеличивали значение мужчины-воина, защитника семейной собственности и фактического главы семьи.

Подтверждение сказанному мы находим в ананьинских могильниках. Среди погребений особенно выделяются своим богатством погребения мужчин-воинов, родовых и племенных вождей. Они отличаются обилием боевого оружия (например, рис. 29) и богатством одежды и металлических, в том числе и серебряных украшений. На каменной могильной плите из ананьинского могильника имеется грубое изображение воина с коротким мечом и щитом (?), с металлическим обручем-гривной на шее, в остроконечном головном уборе (рис. 31).

Одновременно могильники иллюстрируют далеко зашедшее имущественное расслоение ананьинского общества: наряду с богатыми мужскими и женскими погребениями, сопровождающимися обильным и дорогим погребальным инвентарем, преобладают средние по богатству, но имеются и очень бедные, частью же совершенно лишенные вещей погребения. Это дает основание говорить даже о возникновении домашнего рабства. Рабочая сила рабов в развившемся производстве не только оправдывала себя, как это было раньше, но и давала дополнительный продукт, которым пользовались собственники рабов. Остается неясным, за счет чего пополнялся контингент рабов: за счет ли военнопленных в столкновениях с иноплеменниками или же и другими путями. Пролить свет на этот вопрос можно путем установления хотя бы некоторого антропологического несоответствия скелетов рабов основной массе погребений.

На каждом городище, насчитывавшем, как было показано, примерно 80—100 и не более 200 жителей, обитал, надо полагать, единый в хозяйственном отношении коллектив, составлявший видоизмененное первобытно-коммунистическое домохозяйство, совпадавшее с большой семьей, фактическим руководителем которой уже был мужчина. Ряд примеров из недавнего исторического прошлого показывает, что на ранних этапах развития патриархата большие патриархальные семьи отличаются значительными размерами, и численность их иногда достигает 200 человек.

Но традиции матриархата были еще очень сильны в ананьинском обществе. Так, большинство детских погребений в могильниках находится при женских погребениях, что может служить доводом в пользу еще бытовавшего материнского счета родства. Единственное исследованное ананьинское жилище (на Конецгорском селище) представляет собою типичный для матриархального рода длинный дом, в своих основных чертах совпадающий со ставшим в этом отношении классическим длинным домом ирокезов. В этом жилище, так же как на поздне-ананьинских среднекамских городищах — Усть-Нечкинском и Юшковском, — найдены глиняные статуэтки женщин, очевидно, женщин-прародительниц, олицетворение материнского счета родства. Почиталось женское божество — покровительница домашнего очага.

Экономической базой еще сохранявшейся существенной

роли женщины было, вероятнее всего, развитое мотыжное земледелие, остававшееся в основном женским производством.

Таким образом, длительный переходный период, разделяющий типичный матриархат и вполне сложившийся патриархат, на территории Прикамья начался еще в эпоху бронзы, когда на фоне существенных изменений в экономике, по-видимому, уже возникает такой значительный симптом перехода к патриархату, как патрилокальный брак¹. В ананьинское время происходят, как мы только что видели, решающие перемены в соотношении экономической и общественной роли мужчины и женщины. Возникают большие патриархальные семьи, обитающие на укрепленных городищах, но счет родства чаще ведется еще по женской линии. Окончательный переход к отцовскому счету родства и к наследованию имущества по мужской линии завершается на огромной территории Прикамья, должно быть, не в одно и то же время: в Южном Прикамье, где патриархат существовал еще у срубных племен и где природные условия больше благоприятствовали развитию скотоводства, — в следующую за ананьинской — пьяноборскую эпоху, то есть ко II—I векам до н. э.; в Северном Прикамье, где в пьяноборское время получили развитие племена гляденовской культуры, у которых основную роль в хозяйстве продолжало играть мотыжное земледелие, — только с началом ломоватовской культуры, то есть в III веке нашей эры.

Пережитки матриархата сохраняются у народов Прикамья очень долго, вплоть до современности; особенно хорошо они были прослежены в дореволюционное время у удмуртов.

Идеология ананьинского населения характеризуется дальнейшим развитием анимистических представлений — веры в невидимые души людей, животных и различных предметов, возникшей на почве неумения правильно объяснить себе многие явления природы.

Своеобразные формы принимает магия — вера в силу колдовских приемов. А. В. Збруева, на основании изучения памятников, пришла к выводу, что ананьинское население почитало древнее божество — владычицу зверей и

¹ Племена балановской и срубной — пришлых с юга — культур здесь не учитываются.

хранительницу домашнего очага. В то же время оно поклонялось небу и солнцу и почитало умерших. Существовал также культ медведя.

Сохранились многочисленные памятники, отражающие религиозные представления ананьинцев. Это глиняные статуэтки женщин, разнообразные фантастические изображения солнца, людей и животных — на костяных и металлических предметах.

На скале Писаного Камня на р. Вишере имеются нанесенные красной краской рисунки также и ананьинского времени; они представляют собою главным образом изображение богов в виде схематически нанесенных человеческих лиц.

33. Ананьинские племена и их связи

При взгляде на карту распространения ананьинских городищ можно заметить, что в некоторых районах они располагаются группами, поблизости друг от друга. Это группы городищ, на которых жили члены одного рода. Несколько родов, как и раньше, составляли племя, но племена были патриархально-родовыми, а каждая большая патриархальная семья была самостоятельнее экономически и связь ее с родом и племенем была менее крепкой. Это обстоятельство имеет известную связь с фактом более широкого, более равномерного распространения поселений на территории, чем это было в предшествующую, бронзовую эпоху.

Ананьинцы населяют не только берега крупных рек, но впервые начинают прочно экономически осваивать и глухие лесные районы, продвигаясь к водоразделам. Причиной этого является развитие сельского хозяйства, главным образом подсечного земледелия, нуждавшегося в частой смене полей. Процесс заселения водоразделов в последующие эпохи усиливается.

Вопрос об ананьинском племени, о его численности, величине его племенной территории и т. д. — еще не разрешался; причина этого — недостаток крупных, систематически изученных территорий с ананьинскими памятниками. Исключением можно считать все тот же усть-чусовский район, но среди многочисленных открытых там ананьинских памятников находится только три городища: Галкинское, Чумкосна и Усть-Сылвенское, — все остальные па-

мятники — неукрепленные селища, частью с постоянными жилищами, как, например, Конецгорское селище; но только одно селище изучено раскопками, характер же остальных еще неясен.

Изучение памятников ананьинской культуры создало возможность установить пять крупных территорий, на которых ананьинские памятники отличаются определенными особенностями. А. В. Збруевой выделены следующие локальные группы памятников: верхне-камская, вятская,

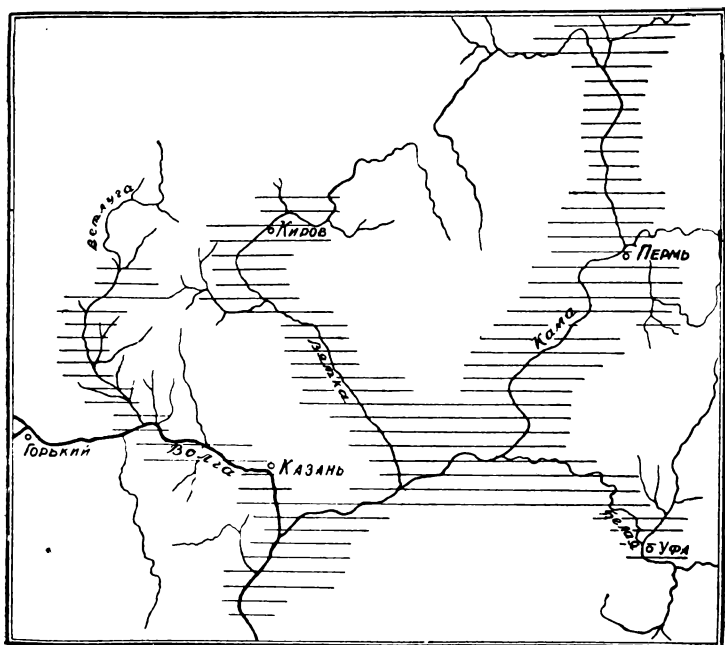

Рис. 32. Карта расселения ананьинских племен.

бельская (или караабызовская) и ниже-камская; О. Н. Бадером — ветлужская, включающая и смежный отрезок Волги. Целая серия вновь открытых ананьинских памятников на Средней Каме еще только исследуется; по-видимому, она образует особую культурную группу (рис. 32).

Перед нами следы каких-то крупных, исторически сложившихся делений ананьинского населения. Вряд ли эти пять групп памятников можно считать принадлежавшими только пяти отдельным племенам, хотя такая возможность

и не исключена, если принять во внимание пример ирокезов Северной Америки, пять племен которых в XVIII веке занимали примерно равную ананьинской территорию. Но если взять упомянутые локальные группы в отдельности, то территория каждой из них оказывается слишком вытянутой для территории одного племени. Например, вятская группа городищ протянулась вдоль Вятки примерно на 800 км, ветлужская (со смежным отрезком Волги) — до 700 км и т. п. Правдоподобнее считать, что на указанных пяти территориях, в свое время более узких, расселились пять первоначальных ананьинских племен; размножившись, последние отделили от себя новые племена и расширили территорию обитания, так что в итоге в каждой из названных областей обитали по два-три близко родственных племени.

Между едиными по происхождению племенами особенно легко, в случае необходимости, могли возникать племенные союзы. Следует предполагать существование военного союза и между пятью ананьинскими племенами в начальный период их истории.

Многочисленные скифские вещи в ананьинской культуре не позволяют сомневаться в том, что ананьинские племена были известны скифам, а через них — и грекам Причерноморья. Древнегреческий писатель Геродот, пользуясь этими сведениями, описывает племена, обитавшие к северо-востоку от скифов и вовлеченные в орбиту торговли скифов и греческих городов Причерноморья. К северу и востоку от собственно скифов Геродот помещал племена будинов, а еще дальше на северо-восток — тиссагетов. Пытаясь приурочить перечисленных Геродотом соседей скифов к определенным территориям современной средней полосы Европейской России, большинство ученых помещает будинов в Среднем Поволжье, а тиссагетов — на Каме. Следовательно, в тиссагетах Геродота следует видеть племена ананьинской культуры. Впрочем, сообщаемые Геродотом сведения о тиссагетах, полученные им из третьих рук, не отличаются достоверностью и не представляют существенного интереса.

Ананьинская культура — своеобразная и богатая — имеет большое значение при изучении происхождения народов не только Прикамья, но всего Приуралья, лесного Зауралья и европейского Севера. Дело в том, что древняя ананьинская культура имела очень широкие связи со своей периферией. Здесь имеются в виду не те торговые, обмен-

ные связи, как, например, связи со скифами, взаимно обогащавшие культуру обеих сторон, а более глубокие связи, нашедшие свое отражение во многих сторонах культуры и говорящие о более или менее тесной исторической близости, а в отдельных случаях, быть может, и об общности происхождения. Существуют два основных направления таких ананьинских связей: восточное и северо-западное.

Западно-сибирская культурная среда представляется как родственная ананьинской; в особенности это нужно сказать о племенах, обитавших на восточных склонах Среднего Урала.

Некоторые выявленные здесь памятники дают материальную культуру почти тождественную ананьинской и с несомненностью указывают на родственную близость племен, обитавших в лесах на обоих склонах Урала. Культурная близость ананьинским памятникам, постепенно ослабевая, прослеживается до области тагарских племен в верховьях Енисея.

Но особенно близки аналогии культуре ананьинских племен Прикамья, обнаруженные на территории европейского Севера, — от бассейна Печоры до Северной Двины и дальше до Карелии и Финляндии включительно. Прежде всего это многочисленные изделия ананьинского металлургического центра: кельты и прочие медно-бронзовые предметы; на некоторых городищах Нижней Оки и Верхней Волги обнаружены даже отдельные фрагменты ананьинской керамики. Эти находки могут говорить лишь об оживленных торговых сношениях ананьинских племен с указанными областями. Но если посмотреть на карту распространения находок, то нетрудно убедиться, что они занимают очень широкую полосу на востоке и сужаются на северо-западе, обходя среднюю полосу России, не говоря уже о юго-западе. Эта территория в основном совпадает с распространением смешанных антропологических типов, по большинству признаков европеоидных, но заключающих в себе и несомненно монголоидные, иногда и ярко-монголоидные черты. Нерусские племена — югру, печору, весь, чудь и другие племена, говорившие на своих особых языках, отмечает здесь и русская начальная летопись. Эти языки были финно-угорскими. На них, надо полагать, говорили и древние ананьинские племена, связанные узами родства с современными нерусскими, финно-угорскими по языку, народами Прикамья, как удмурты и коми-пермяки. Следовательно,

ананьинские и подражавшие им изделия распространялись преимущественно на северо-запад потому, что там была родственная ананьинцам этническая среда, и потому же они обходили чуждый им юго-запад.

Более того, в подтверждение сказанному, в некоторых пунктах Севера и Северо-Запада уже обнаружены поселения, характеризующиеся керамикой ананьинского типа, а черепа из могильника ананьинского времени на Большом Оленьем острове в Кольском заливе оказались резко монголоидными и ближайшую аналогию находят в ранне-ананьинском Луговском могильнике близ Елабуги. Получается, что движение из-за Урала, давшее свежемонголоидную примесь ананьинским племенам Прикамья, на севере достигло куда более западных долгот.

Ананьинская культура является первой, для которой устанавливаются конкретные и достаточно многочисленные связи с современными народами Прикамья, сохранившими в своей культуре эти еще ананьинские черты, перешедшие к ним через ряд промежуточных звеньев. Особенно ясно это прослеживается по некоторым элементам современных жилищ и старинной национальной одежды удмуртов и коми-пермяков. Преемственная связь культуры этих народов с культурой местного населения X—XIV веков хорошо заметна по материалам могильников и поселений. В свою очередь, население X—XIV веков связывается многочисленными родственными узами с ананьинскими племенами и даже еще более древним местным населением. О тех же связях красноречиво говорит и антропологическая близость между скелетами из ананьинских погребений и современными типами удмуртов, коми-пермяков и других родственников им соседних народов нашего северо-востока.

ГЛЯДЕНОВСКАЯ КУЛЬТУРА В ВЕРХНЕМ ПРИКАМЬЕ

(II век до н. э. — III век н. э.)

34. Памятники гляденовской культуры

В конце первого тысячелетия до нашей эры в Прикамье продолжали обитать племена, которые являлись потомками ананьинцев. Различия в материальной культуре, формах ведения хозяйства и направлении культурных связей между областями Верхнего и Нижнего Прикамья, кото-

рые прослеживались еще в ананьинской культуре, в последующее время усиливаются. Эти различия позволяют выделить две археологические культуры, выросшие на ананьинской основе, — гляденовскую для Верхнего Прикамья и пьяноборскую — для Нижнего Прикамья.

Свое название гляденовская культура получила по имени известного Гляденовского костыща, которое находится в 20 км южнее города Перми на р. Нижней Мулянке. «Костыща» — это археологические памятники, на которых были найдены в слое пепла большие скопления пережженных и сырых костей, составлявших основную часть культурного слоя, а также орудия труда, глиняная посуда, украшения и другие вещи. На Гляденовском костыще, например, обнаружено около 19 тысяч древних вещей.

Костыща, как правило, располагаются на открытом месте — на высоких берегах рек, иногда на мысах, откуда хорошо видны окрестности. Чаще всего скопления костей на них лежат в определенном порядке: в центре площадки — слой пережженных костей и пепла, в котором находится большая часть древних вещей, а по краям — слой сырых костей. Костыща использовались древним населением Прикамья в течение длительного времени. Исследованиями А. П. Смирнова доказано, что самые ранние вещи, найденные на Гляденовском костыще, относятся к ананьинской культуре, а самые поздние доходят до конца первого тысячелетия н. э. Однако основной, наиболее богатый комплекс вещей этого костыща относится к II веку до н. э. — III веку н. э., по которому и культура этого времени получила название гляденовской.

Известно 9 костыщ гляденовского времени, и еще о нескольких есть непроверенные сведения. Костыща являются характерными памятниками гляденовской культуры. Они распространяются только в Верхнем Прикамье на территории между средним течением р. Косью и районом г. Осы (рис. 33). В Нижнем Прикамье памятники такого типа не обнаружены.

Назначение костыщ до последнего времени казалось совершенно ясным — все исследователи считали их жертвенными местами. Ведь еще во второй половине XIX века жители Северного Урала — манси и ханты — использовали жертвенные места для совершения религиозных обрядов.

В центре жертвенных мест первобытные люди устанавливали деревянных идолов с грубо вырезанными или нари-

сованными человеческими лицами. Идолы олицетворяли собой огонь, ветер, воду и другие могучие силы природы,

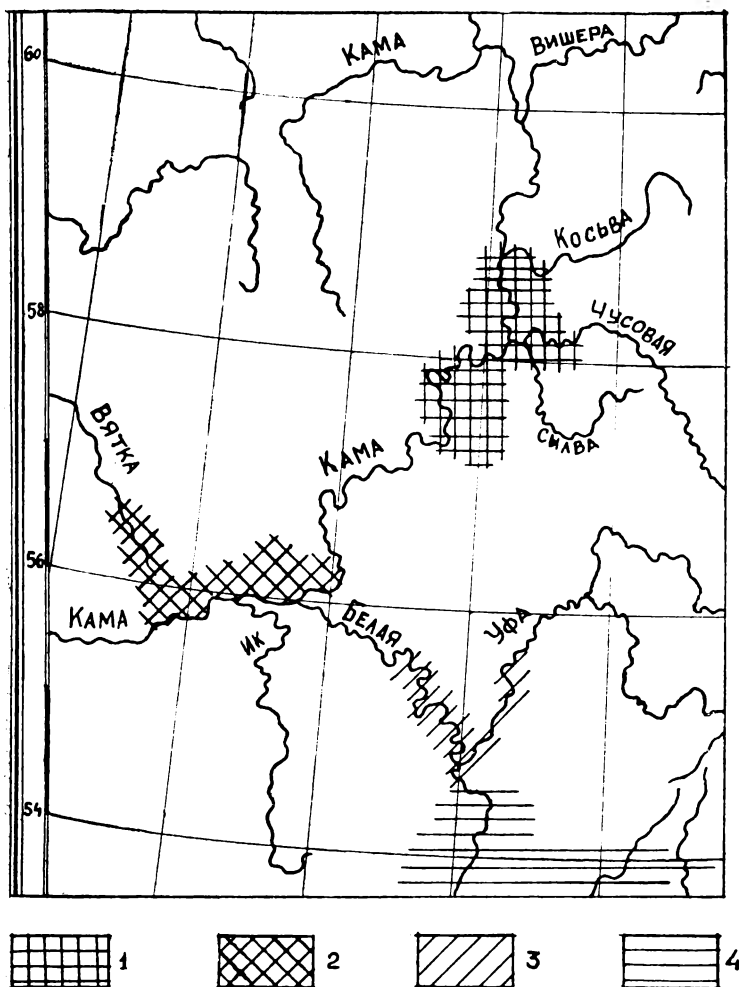

Рис. 33. Карта гляденовской и одновременных ей культур Прикамья:

1 — гляденовская культура; 2 — пьяноборская культура; 3 — бельский вариант пьяноборской культуры; 4 — культура сармато-алан.

перед которыми древний человек часто бывал беззащитен. Он приносил в жертву им животных, шкуры зверей, орудия

труда, ткани, украшения. Мясо принесенных в жертву животных поедалось, а кровью, собранной в глиняные сосуды, члены рода мазали губы деревянного идола, выпрашивая у него удачи в охоте или в набеge на соседнее племя. После этого кровь выпивалась всеми присутствующими. На месте жертвоприношений оставались кости и шкуры животных, глиняная и металлическая посуда и другие вещи.

Часть вещей, приносимых в жертву, люди использовали раньше в хозяйстве и быту. Некоторые же вещи специально изготавливались для приношения идолам — они получили название вотивных вещей (от латинского *votus* — обет). Древний человек стал заменять разорительные жертвы нужных в хозяйстве вещей их копиями. На Гляденовском костыще найдено много маленьких фигурок животных, изображений орудий труда, которые не могли использоваться в хозяйстве, а только приносились в жертву. Большинство вотивных вещей этого костыща имеет специальные ушки для подвешивания.

Но Гляденовское костыще было не только местом, где приносились жертвы идолам, но и кладбищем. Оно использовалось длительное время. Письменный источник XVII века «Житие Трифона Вятского» упоминает о том, что здесь было «жертвыще и кладбыще на нем остяцкое». Указание это очень важно. В Верхнем Прикамье не было обнаружено ни одного могильника гляденовского времени, несмотря на довольно хорошую изученность этого района. Для других же культур на этой территории могильники найдены. Оставалось предположить, что гляденовцы имели такой обряд захоронения, при котором не оставалось или почти не оставалось следов погребения. Таким обрядом могло быть трупосожжение.

Трупосожжение появляется еще в период ананьинской культуры, когда оно бытует наряду с захоронением трупа в землю. Встречается оно и в культурах, последующих за гляденовской. Н. Н. Новокрещенных, раскопавший Гляденовское костыще, заметил, что часть вещей на этом костыще уложена в слое пепла и пережженных костей в определенном порядке. А в некоторых глиняных сосудах, набитых пеплом и жжеными костями, он обнаружил обгорелые украшения из бронзы, сплавленные стеклянные бусы. Подобную же картину наблюдал и Ф. А. Теплоухов при раскопках Ильинского костыща на р. Обве.

Никаких следов очагов на кострищах не было обнаружено. Очевидно сжигание трупов совершалось где-то в другом месте, оттуда пережженные кости и пепел были перенесены на жертвенное место и уложены там в центре площадки. Медные украшения и бусы могли обгореть, находясь на одежде трупа, подвергавшегося сожжению.

В культурах лесной полосы, одновременных гляденовской, обряд трупосожжения также существовал. Он был преобладающим обрядом погребения у племен дьяковской культуры в Верхнем Поволжье, в таштыкской культуре Южной Сибири, у зауральских племен гляденовского времени.

В период таштыкской культуры трупы сжигали на стороне, а затем пережженные кости и остатки костюма переносились на могильник и укладывались кучками. Около последних складывались вещи и кости животных. У гляденовцев, очевидно, прах сожженного собирался в глиняный сосуд, служивший погребальной урной. Вокруг этой урны укладывались кости животных и вещи.

На жертвенном месте на Голом камне около гор. Нижнего Тагила также найдены пережженные кости. Среди них определены и кости человека.

После раскопок, проведенных Камской археологической экспедицией на Усть-Туйском кострище в Добрянском районе на р. М. Туй, при разборке найденных здесь пережженных костей определено 106 человеческих костей.

Теперь можно с уверенностью говорить о том, что кострища являлись не только жертвенными местами, но и коллективными могильниками с трупосожжением.

Поселения, одновременные кострищам, были неизвестны дореволюционным археологам, они обнаружены и изучены только в советское время. Часть этих поселений сохранилась на тех же местах, где жили предки гляденовцев в ананьинское время.

Позднеананьинский культурный слой, переходящий без перерыва в гляденовский, был обнаружен Н. А. Прокошевым на Усть-Сылвенском городище и О. Н. Бадером — на Скородумском селище.

В гляденовское время появились и новые поселения, к числу которых можно отнести Турбинское селище (на берегу р. Камы против устья р. Чусовой), Федотовское городище (недалеко от Гляденовского кострища), Осинское городище (в центре гор. Осы), Мало-Никольское I и Мало-

Никольское II городища и расположенное рядом с ними селище (в Осинском районе). Камская археологическая экспедиция изучила жилища гляденовского времени, которые по форме и устройству напоминали ананьинские, но были меньше по площади.

На Скородумском селище раскопано жилище прямоугольной формы, слабо углубленное в землю, длиной 16 м и шириной 6—7 м. В центре его находился очаг для приготовления пищи. Он был сложен из крупных и мелких камней. Вокруг него лежали кости теплокровных животных, рыб и рыба чешуя.

Перед входом в жилище был второй очаг. Около него найдены железные шлаки и небольшие крицы. Этот очаг служил для варки железа. Подобного типа очаг, сложенный из камней, был обнаружен в верхних горизонтах жилища ананьинского времени на Конецгорском селище.

Жилище на Скородумском селище является ранним гляденовским жилищем. По своей форме и устройству оно близко к позднему ананьинскому жилищу Конецгорского селища, однако площадь его вдвое меньше последнего, очаг только один и расположен в центре. В таком доме площадью около 100 кв. м жило несколько десятков человек, которые вели общее коллективное хозяйство, готовили пищу на одном очаге.

На Осинском городище изучены жилища, которые по площади меньше скородумских. Это наземные прямоугольные дома, площадью около 60 кв. м. От этих жилищ сохранились слабые углубления от канавок, в которые укладывался нижний венец деревянного сруба. В жилище находились два очага. Один — небольшой, расположенный у входа, — обогревал помещение, а второй находился в центре и служил для приготовления пищи. В правом углу жилищ обнаружены скопления обугленного зерна и пшеницы.

Самые поздние гляденовские жилища раскопаны на Федотовском городище (рис. 34). Они представляли собой наземные бревенчатые дома, нижние венцы сруба которых вкапывались в канавки. Жилища имели один или два очага, сложенных из галечника. Очаги заключались в прямоугольную деревянную раму и постоянно подмазывались глиной. Рама предохраняла очаг от расползания, а глиняная обмазка — от пожара.

Около входа в жилище находился небольшой тамбур, образовавшийся в результате того, что концы бревен боко-

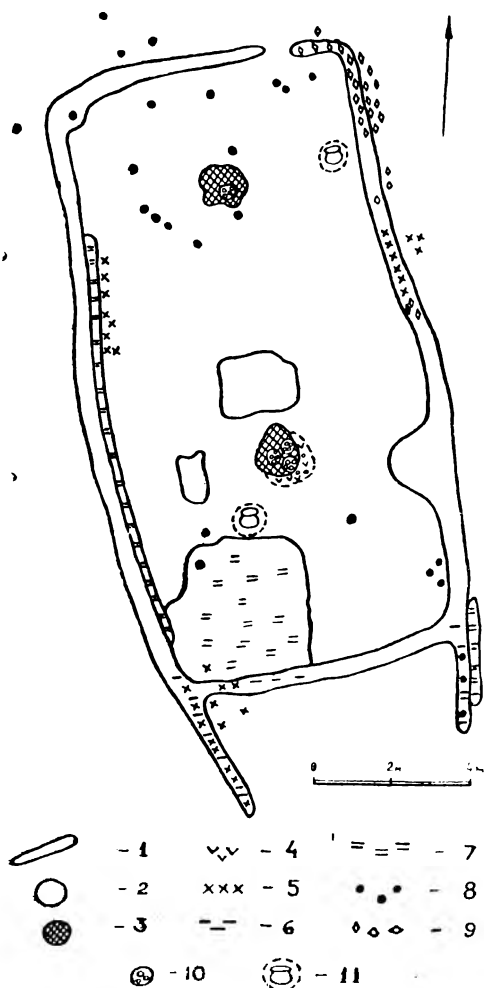

Рис. 34. План жилища Федотовского городища
(По В. Ф. Генингу):

1 — канавки, ограничивающие жилище; 2 — хозяйственные ямы-кладовки; 3 — глинобитные очаги-кострища; 4 — скопление пепла; 5 — скопление золы; 7 — скопление гл. н. н.; 8 — столбовые ямы; 9 — камни; 10 — скопление галечника; 11 — крупные раздавленные глиняные сосуды.

вых стен сруба выступали вперед на 1,5 м. Снаружи тамбур был загорожен тонкой стенкой из плетня. Жилище имело двухскатную крышу из жердей, которая опиралась нижними концами на верхний венец сруба, а верхними — на два продольные слеги, закрепленные на столбах. Крыша покрывалась берестой.

На Федотовском городище раскопано 4 таких жилища. Они занимали четвертую часть всей площади городища. Кроме этих, на городище могли быть и другие жилища, а также место для загона скота. У манси в жилищах подобного типа (площадью в 20 кв. м) обитало 10—15 человек. Исходя из этой цифры, в гляденовских домах, имевших площадь до 100 кв. м, могло жить около 50—60 человек, которые составляли большую патриархальную семью. В целом же население поселка Федотовского городища доходило до 400—500 человек, оно, очевидно, составляло патриархальный род.

Поселения гляденовской культуры имеют довольно богатый культурный слой, свидетельствующий о длительном обитании на них большого коллектива. В нем были обнаружены орудия труда, глиняная посуда и другие предметы быта. Глиняная посуда несколько отличается от ананьинской. Она не имеет «воротничка» — выступающего бортика — по внешней стороне края сосуда и представляет собой более открытую и низкую чашу, часто без хорошо выраженной шейки. Орнамент похож на ананьинский. На гляденовской посуде редко встречается веревочный орнамент и значительно чаще так называемый резной, нанесенный гладким острым штампом, может быть просто острой палочкой (рис. 36, ф. 15).

Большая часть жертвенной и погребальной посуды с костищ не имеет орнамента (рис. 36, ф. 16), если же он есть, то редок, в виде круглых ямок (рис. 36, ф. 14, 17).

На р. Сидяхе в Осинском районе рядом с гляденовскими городищами, расположенными на высоких мысах, обнаружены в широкой долине одновременные им селища. В культурных слоях городищ нет остатков жилищ, а найдены лишь временные хранилища — ямы; на селищах же культурный слой гораздо богаче. Очевидно, население здесь в основном жило на селищах, где занималось скотоводством и пойменным земледелием, а городища использовались как убежище в минуту опасности.

Большинство же городищ, расположенных севернее, служило местом постоянного обитания населения — об этом говорит богатый культурный слой этих городищ.

35. Широкое распространение орудий из железа и их влияние на развитие хозяйства. Хозяйство и быт гляденовцев

Все основные орудия труда и оружие гляденовцев изготавливались из железа, которое окончательно вытесняет не только каменные, но и медные и бронзовые орудия. Основным видом сырья для выплавки железа служили болотные железные руды, поддающиеся восстановлению при сравнительно небольшой температуре. Первоначально железо выплавлялось в обычных домашних очагах, сложенных из камней, — подобный очаг обнаружен на Скородумском селище. При таком примитивном способе, рассчитанном на естественное дутье, железа получалось мало, большая часть его уходила в шлак. Вываренные куски железа — крицы — были небольшими по размеру. И все-таки железо во многом было выгоднее меди и бронзы. Больше были запасы сырья для его получения. Варилось оно при более низкой температуре, чем медь. Железо обладало большей прочностью и твердостью. Все это обеспечило ему ведущее место среди других металлов.

Более 90 процентов металлических орудий труда, найденных на Гляденовском косте, сделано из железа. Это — наконечники стрел и копий, ножи, пешни, серпы, рыболовные крючки, иглы, ложкари.

Наиболее важным орудием из железа был топор. На памятниках гляденовской культуры уже не встречается медных и бронзовых втульчатых топоров-кельтов, характерных для ананьинской культуры. На смену им приходят железные кельты. Один такой кельт найден на Скородумском селище, их миниатюрные изображения есть на Гляденовском косте (рис. 35, ф. 3, 4). На Гляденовском косте обнаружены миниатюрные изображения 20 проушных железных топориков (рис. 35, ф. 1, 2). Они имеют плоскую вытянутую форму с закругленным обухом, лезвие их в 1,5—2 раза шире обуха. Широкое лезвие в сочетании с прочным насадом на рукоятку делали из этого топора незаменимое орудие для работы по дереву и очистки леса под земледельческие участки.

Появление железного топора, как втучатого, так и особенно проушного, имело громадное значение в развитии земледелия. Большую роль железных орудий в развитии

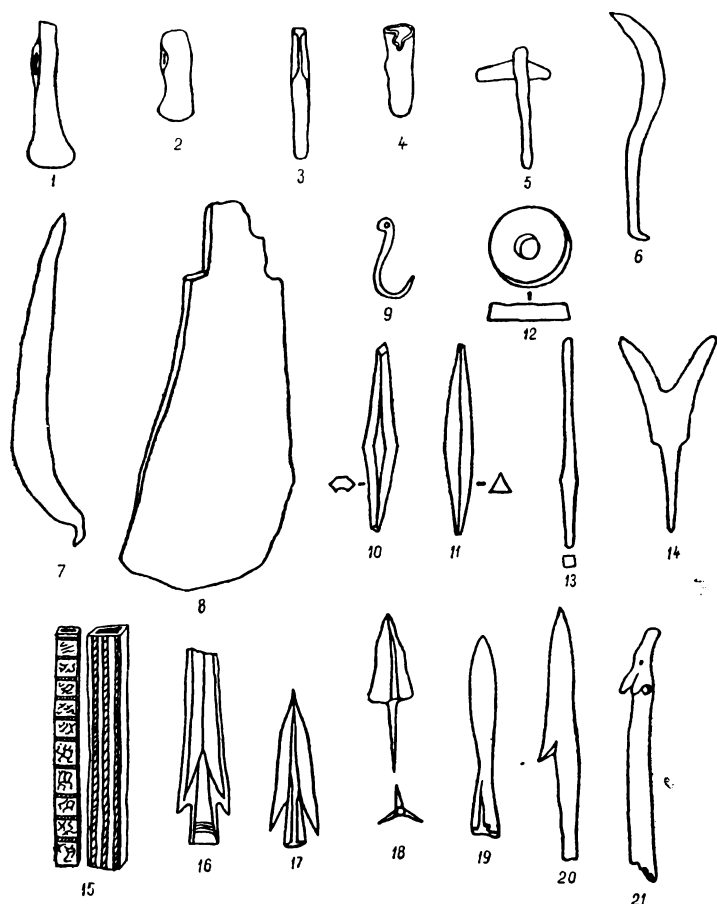

Рис. 35. Орудия труда, оружие и предметы быта и их миниатюрные копии из Гляденовского кистища.

производительных сил отмечал Ф. Энгельс. По его словам, «железо сделало возможным полеводство на крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты,

которым не мог противостоять ни один камень, ни один из известных тогда металлов»¹.

С помощью железных орудий можно было быстрее и лучше изготавливать орудия труда из других материалов. С помощью железных ножей изготавливалась масса костяных орудий, которые по количеству часто соперничали с железными. С помощью железных орудий было легче сверлить камень, обрабатывать дерево. Появление железного топора сказалось на развитии домостроительства — с этого времени основным типом жилища становится бревенчатый срубный дом.

Хозяйство гляденовских племен сохранило в основном те же формы, какие существовали в ананьинское время. Однако в связи с появлением железного топора усиливается роль земледелия, которое окончательно переходит к подсеке, как основной системе землепользования. Железная мотыга и железный серп (рис. 35, ф. 5, 6) также способствовали увеличению продуктивности этой отрасли хозяйства. С помощью железных орудий можно было быстрее и больше изготовить серпов и мотыг из кости (рис. 35, ф. 7, 8). На всех поселениях гляденовской культуры находится много каменных пестов-терочников и плит-зернотерок. На Осинском городище найдены скопления обугленного зерна мягкой пшеницы. В Верхнем Прикамье для развития земледелия имелись гораздо лучшие условия, чем для развития скотоводства. Здесь не было широких речных пойм и больших заливных лугов, как в Нижнем Прикамье. Территория в основном была занята лесом. Поселения (не только городища, но и селища) располагались на высоких местах, ближе к земледельческим участкам, освобожденным из-под леса. Местоположение поселений в это время определяло земледелие.

Скотоводство продолжало развиваться, но гораздо медленнее земледелия. Гляденовцы разводили все виды домашнего скота — коров, лошадей, овец, коз, свиней. Лошадь использовалась не только в пищу, но и как транспортное животное. Значительное место в хозяйстве занимала охота и рыбная ловля. Дальнейшее развитие получает пушная охота. В это время для охоты в лесу начинают применяться наконечники стрел с затупленным концом, которые не да-

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1948, стр. 183.

вали стреле втыкаться в ствол дерева. Применялись также наконечники стрел с развилкой — для охоты на водоплавающую дичь (рис. 35, ф. 14). Стрелы с такими наконечниками не втыкались в дно водоема и легко всплывали на поверхность. Но основную массу наконечников стрел составляли короткие наконечники из кости (рис. 35, ф. 10, 11, 13). На поселениях и кострищах встречаются кости медведя, лося, оленя, зайца, белки, бобра, куницы, росомахи, барсука. На Гляденовском кострище найдены votивные изображения этих животных (рис. 36, ф. 12, 13). Гляденовцы ловили рыбу железными крючками (рис. 35, ф. 9), достигавшими иногда больших размеров (до 11 см), сетями, били острогой (рис. 35, ф. 20). На Осинском городище найдено много костей рыб и рыбьей чешуи. По определению доцента А. И. Букирева, большая часть рыб относится к осетровым — стерлядь, севрюга, осетр.

В качестве подсобного промысла существовало бортничество, о чем говорят находки изображений пчел на Гляденовском кострище.

О развитии прядения и ткачества свидетельствуют частые находки глиняных пряслиц (рис. 35, ф. 12). Одежда изготовлялась из ткани и шкур животных, сшивалась она с помощью костяных и железных иголок.

По металлическим фигуркам человека, найденным на Гляденовском кострище, можно восстановить некоторые детали одежды. Мужчины носили на голове остроконечные меховые шапки, на теле — короткие куртки и штаны на выпуск. Женщины заплетали волосы в косы, спускавшиеся на грудь и плечи (рис. 36, ф. 3). Часть их носила длинную одежду, которая доходила до колен и даже до пят (рис. 36, ф. 2, 4, 5), некоторые женщины носили штаны, спускавшиеся ниже колен (рис. 36, ф. 1). В украшении костюма значительную роль играли бляхи — подвески, нашивавшиеся на одежду, — и бусы из стекла, бронзы или камня (яшма, сердолик). Часть украшений приобреталась путем обмена с южными племенами и народами. На Гляденовском кострище найдено более 10 тысяч бус.

Наряду с металлургией железа у гляденовцев продолжала развиваться металлургия меди и бронзы. Правда, орудия труда из меди и бронзы делаются очень редко. В основном медь и бронза идут на производство украшений и мелких бытовых вещей. Гляденовские металлурги широко применяли прием плоского одностороннего литья в глиня-

ной форме. В позднее гляденовское время развивается техника рельефного литья, штамповка, совершенствуется гравирование. Часть вещей гляденовцев изготовлена из белого

Рис. 36. Вотивные жертвенные фигурки и глиняная посуда Гляденовского костяща.

сплава с значительной примесью олова. Гляденовцы были мирными земледельческо-скотоводческими племенами, поэтому оружие у них встречается редко. Однако соседство

с воинственными племенами на юге и востоке вынуждало их принимать необходимые меры обороны. Гляденовцы насыпают валы около своих городищ, изготавливают боевые трехлопастные железные наконечники стрел (рис. 35, ф. 18), втульчатые наконечники копий (рис. 35, ф. 19). Путем обмена они приобретают железные мечи и кинжалы. Но основным их оружием оставались лук и стрелы. На Гляденовском костыше есть изображение пеших воинов и всадников, вооруженных луком и стрелами (рис. 36, ф. 9).

36. Общественный строй и идеология

Общественный строй племен гляденовской культуры развивается, сохраняя ананьинские традиции. Дальнейшее развитие подсечного земледелия, скотоводства и металлургии и пушной охоты увеличили роль мужского труда в общественном производстве. Это привело к упрочению господствующего положения мужчины в семье и в роде. Жилище гляденовских поселений по площади и устройству — типичный дом большой патриархальной семьи. Сами поселения большей частью представляли собой родовые поселения, на которых жил патриархальный род.

Однако переход от матриархата к патриархату совершался медленно. Подсечное земледелие с мотыжной обработкой земли сохранило значительную роль женского труда. Женщины продолжают занимать первое место в ведении домашнего хозяйства и воспитании детей. У удмуртов патриархальные семьи в отдельных случаях наблюдались в XVIII—XIX веках. Женщина в этой семье имела известную самостоятельность. Она не была безропотной рабой мужа, хотя главой семьи был мужчина. В руководстве хозяйством большой семьи рядом с мужчиной значительную роль играла его жена — старшая женщина (торе-баба), которая ведала всеми женскими работами. Она пользовалась властью не только над женщинами, но и над молодыми мужчинами. Иногда старшая женщина избиралась для руководства общеродовыми празднествами и церемониями. Живя в семье мужа, женщина имела свое небольшое имущество. После смерти мужа она могла вернуться в свой род, забрав свои вещи. Внутри жилища (кеноса) удмуртской женщине выделялось отдельное помещение, где она являлась полной хозяйкой. У многих народов и племен женщины в отдельных случаях (например, на время родов)

возвращались в свой род. У коми-пермяков до XIX века самым близким мужчиной-родственником женщины считался ее брат, а для ее детей — дядя по матери. В период раннего патриархата при патрилокальном браке сохранялся обычай, по которому дети уходили в род своей матери. В таких случаях патриархальная семья состояла из мужчин и их жен, а также из детей замужних сестер этих мужчин, то есть племянников и племянниц. Подобный характер, вероятно, имела патриархальная семья в гляденовское время.

Среди человеческих изображений, найденных на Гляденовском костыше, кроме изображений мужчины и женщины по отдельности, есть и парные изображения — мужчины и женщины вместе (рис. 36, ф. 8). Однако ни разу не встречается изображение пары с потомством. Такого рода изображения в виде трех фигурок: двух больших — мужчины и женщины, и одной маленькой — ребенка, появляются позднее — в эпоху ломоватовской культуры. Очевидно, полная победа патриархата относится ко времени, последовавшему за гляденовским.

Сравнительно низкий уровень развития производительных сил в гляденовское время требовал больших затрат коллективного труда. Это приводило к хозяйственному единству рода. Усилия родового коллектива в целом были необходимы во время очистки леса под посевы, при больших облавных охотах и других хозяйственных мероприятиях. Земли гляденовцев находились в общей родовой коллективной собственности. Земледельческие участки из-под леса очищались всем родом; для обработки же этих участков достаточно было сил одной большой патриархальной семьи. В коллективную собственность такой семьи чаще всего переходил и собранный с участков урожай.

У гляденовцев нет резкого имущественного неравенства отдельных патриархальных семей. Оно появляется позднее — в эпоху ломоватовской культуры. Низкий уровень производительных сил, особенно слабое развитие скотоводства, не давали возможности быстрого накопления богатств в руках отдельных семей.

Экономическое единство рода поддерживалось идеологическим единством. Сохранились общие верования, общие виды культовых церемоний, общее кладбище для погребения умерших. В связи с становлением патриархата в религиозных представлениях гляденовцев развивается культ предков — мужчин, изображения которых найдены на гля-

деновском и других костыщах. Наряду с культом предков сохраняется и тотемизм — поклонение покровителям рода — животным и явлениям природы. Этим можно объяснить многочисленные находки на Гляденовском костыще изображений различных животных — тотемов родов. Гляденовское костыще являлось, очевидно, жертвенным местом не одного рода, а целого племени или даже нескольких племен.

Территория, занимаемая памятниками гляденовской культуры, при ее сравнении с этнографическими территориями племен представляется как территория, занятая несколькими родственными племенами, входившими в один союз.

Обряд трупосожжения у гляденовцев может быть связан с их религиозными представлениями. Из этнографии хантов и манси известно: сожжение умерших они совершали с той целью, чтобы душа покойника быстрее освободилась от тела и попала в загробный мир. Огню, кроме того, придавалось значение очистительной силы. Трупосожжение обычно существовало только у оседлых племен, которые могли в любое время найти место, где хранился прах умершего. Охотничьи племена, ведущие полукочевой образ жизни, хоронили умерших в специальных «домиках мертвых», похожих на реальные жилища.

На Гляденовском костыще найдена медная фигурка, изображающая летящую птицу, на груди которой процарапаны два растения, напоминающие колоски (рис. 36, ф. 10). Возможно это имеет какую-то связь с земледельческим культом солнца. С культом солнца могли быть связаны и круглые плоские бляхи с блестящей поверхностью, которые особенно часто находятся на костыщах.

Сознание первобытного человека было опутано религиозными предрассудками. Несмотря на это, в процессе труда он сумел накопить массу положительных знаний. В гляденовское время, например, люди уже изготавливали многие орудия труда из железа, выводили хорошие сорта пшеницы и других культурных растений, применяли пепел и золу, получавшиеся при подсечной системе, в качестве удобрения посевов. Развивается изобразительное искусство в виде скульптурного и плоскостного изображения человека и животных из металла и кости (рис. 36, ф. 6, 7, 11). На костяных вещах, на глиняных пряслицах встречается сложный орнамент, имевший не только магическое, но и чисто украшательное назначение.

37. Роль гляденовской культуры в этногенезе народов Урала

Гляденовская культура выросла на основе ананьинской культуры и является ее непосредственным продолжением. Об этом говорят многие факты; обитание на тех поселениях, которые возникли в ананьинское время, сохранение и развитие таких памятников, как костыща, возникших в ананьинское время. В ранних гляденовских памятниках сохранились формы и орнамент ананьинской глиняной посуды и украшений (круглые и конусовидные бляхи), а также звериный стиль изображений животных (птица с распростертыми крыльями и человеческой личиной на груди). В гляденовской культуре сохраняются многие ананьинские формы орудий труда — костяных мотыг, наконечников стрел, топоров-кельтов. Все это позволяет считать гляденовцев потомками ананьинских племен.

Исследованиями А. В. Збруевой и других советских ученых доказано, что племена ананьинской культуры были далекими предками современных народов коми и удмуртов. Они говорили на языках пермской группы финно-угорской языковой системы. На ананьинской основе вырастают две культуры — гляденовская в Верхнем Прикамье и пьяноборская — в Нижнем Прикамье. В гляденовской культуре появляется ряд черт, которые связывают ее с последующими культурами Верхнего Прикамья — ломоватовской и родановской. Эта связь прослеживается в обряде погребения, в формах и орнаменте глиняной посуды, в некоторых типах украшений и культовых изображений. На них будет обращено внимание в дальнейшем изложении.

Родановская культура, как это убедительно доказано М. В. Талицким, принадлежит предкам коми-пермяцкого народа. Пьяноборская культура хорошо связывается с этногенезом удмуртов.

Есть основания считать, что племена гляденовской культуры послужили основным ядром, на базе которого позднее формировались народы коми. В силу слабой изученности памятников этой культуры в Северном Прикамье можно говорить об этом пока в виде научного предположения.

По данным лингвистов, в послеананьинское время начинается языковое расхождение между племенами пермской группы. В Верхнем Прикамье складываются диалекты, ко-

которые привели к образованию общего языка коми; образовавшиеся в Нижнем Прикамье диалекты привели к выделению из общепермского языка — основы удмуртского языка. Процесс образования новых языков продолжался около тысячи лет.

Племена гляденовской культуры поддерживали широкие культурные связи с соседними племенами. Наиболее тесными и устойчивыми были связи с племенами Зауралья и Западной Сибири. В Зауралье, одновременно с гляденовскими костями, существовали жертвенные места и могильники такого же типа.

На Гляденовском косте найдено несколько вещей, совершенно аналогичных вещам усть-полуйской культуры Нижнего Приобья. Это костяной игольник с орнаментом (рис. 35, ф. 15), бронзовый трехлопастной наконечник стрелы с выступающей втулкой (рис. 35, ф. 17) и литейная форма для отливки таких наконечников (рис. 35, ф. 16). Часто встречаются изображения головы медведя, положенной между передними лапами (рис. 36, ф. 12), очень близкие к усть-полуйским, но отличающиеся в технике изготовления. На Больше-Никольском I городище найдены два сосуда, аналогичные по своей форме и орнаменту сосудам второго периода усть-полуйской культуры. На Гляденовском косте обнаружен обломок сосуда с примесью талька, характерной для зауральской керамики.

Усть-полуйская культура, по исследованиям В. Н. Чернецова, образовалась в результате ассимиляции древнего населения Западной Сибири угорскими племенами, пришедшими из южных степей Зауралья и Северного Казахстана. Она послужила основой для сложения обских угров — одной из культур предков хантов и манси.

В начале первого тысячелетия нашей эры угорские племена усть-полуйской культуры, расселяются на север и запад. Расселение облегчалось, как доказано О. Н. Бадером, начавшимся в первых веках нашей эры резким потеплением климата и смещением ландшафтных зон к северу.

Находки на гляденовских памятниках вещей, типичных для усть-полуйской культуры, могут быть связаны не только с обменом, но и с частичным проникновением в первые века нашей эры угорского населения на западные склоны Урала. Существование обряда трупосожжения не дает возможности восстановить антропологический тип гляденовцев. Однако среди монголоидных широкоскулых.

лиц миниатюрных человеческих фигурок из Гляденовского костыща единично встречаются, как отмечено Т. А. Трофимовой, и европеоидные лица. Угорское население южных степей было европеоидным. Гляденовская культура явилась основным компонентом в этногенезе народов коми и частично, в области предгорий Урала, включала в себя представителей угорских племен — предков хантов и манси.

Гляденовские племена сохраняли культурные связи и со своими южными соседями — племенами пьяноборской культуры и сарматскими племенами, жившими на территории Башкирии. Путем обмена они получали с юга оружие, украшения и некоторые другие вещи. Через сармат, очевидно, попали к гляденовцам украшения (бусы) из античных городов Северного Причерноморья. Продолжали сохраняться и связи с Средней Азией, о чем говорят находки среднеазиатских бактрийских монет на гляденовском костыще. ¹

ПЬЯНОБОРСКАЯ КУЛЬТУРА В СРЕДНЕМ И НИЖНЕМ ПРИКАМЬЕ

38. Территория и памятники пьяноборской культуры. Периодизация

В Нижнем Прикамье и в Среднем Поволжье в III—II веках до н. э. область расселения ананьинских племен несколько сокращается. В Поветлужье и низовья Камы с правобережья Волги проникают племена городецкой культуры, которые вытесняют ананьинцев. По мнению большинства исследователей, эти племена являются далекими предками мордвы и марийцев. В северные и центральные районы Башкирии, которые ранее занимали племена ананьинской культуры (бельской или караабызовской группы), приходят из южных районов сарматские племена. В северных районах Башкирии появляются типичные сарматские погребения в курганах, с большим количеством железных вещей, особенно оружия. Бельские племена были поглощены сарматскими, хотя и долго еще они сохраняли связи с родственными им племенами нижней Камы.

В среднем и нижнем течении Камы на правом берегу ее между Сарапулом и устьем Вятки и в нижнем течении Вятки продолжали обитать потомки ананьинских племен, оставившие археологические памятники пьяноборской культуры

(рис. 33). Свое название эта культура получила по имени могильника, расположенного у с. Пьяный бор, позже — Красный бор в Елабужском районе Татарской АССР.

Наиболее распространенными и лучше изученными памятниками пьяноборской культуры являются могильники. Их известно до двух десятков. Лучше других изучены самые крупные могильники: собственно Пьяноборский; Нырғындынский — у д. Нырғында, на правом берегу р. Камы; Чегандинский — у д. Чеганда, недалеко от гор. Сарапула, а также могильник Атамановы кости у с. Мари-Малмыж на правом берегу Вятки.

Все эти могильники — грунтовые. Они не имеют на поверхности курганных насыпей. Скелеты лежат в ямах в вытянутом на спине положении. В мужских погребениях часты находки оружия. В женских преобладают украшения из меди и бронзы и бусы. Орудия труда в погребениях встречаются редко, они большей частью сделаны из железа.

А. П. Смирнов, изучавший материал пьяноборских могильников, разделяет их на три последовательных хронологических периода. К раннему периоду — III век до н. э. — I век н. э. — он относит Уфимский могильник, где встречаются вещи, очень близкие к ананьинским, а также вещи раннесарматского типа. Следующий период — I—III века н. э. — представлен такими могильниками, как Пьяноборский, Нырғындынский и Воробьевский. Это время расцвета пьяноборской культуры и вытеснения бронзовых орудий железными. В этих могильниках найдены наиболее типичные медные украшения пьяноборской культуры: большие эполетообразные застёжки (рис. 37, ф. 3), гладкие круглые проволоочные шейные гривны с крючками (рис. 37, ф. 6), изображения коньков (рис. 37, ф. 7), конусовидные проволоочные серьги (рис. 37, ф. 5), подвески в виде гусиных лапок (рис. 37, ф. 11) и другие вещи (рис. 37, ф. 4, 8, 10). К третьему периоду — IV—V векам — относятся такие могильники, как Вичмарский, Сюкеевский, Айшинский, Азелинский. В это время все характерные типы пьяноборских вещей приходят в упадок. Появляется много вещей южного, позднесарматского типа.

Поселения пьяноборской культуры изучены гораздо хуже могильников. В раннепьяноборское время люди часто используют старые ананьинские поселения. Одним из них, например, является Пижемское городище на р. Пижме,

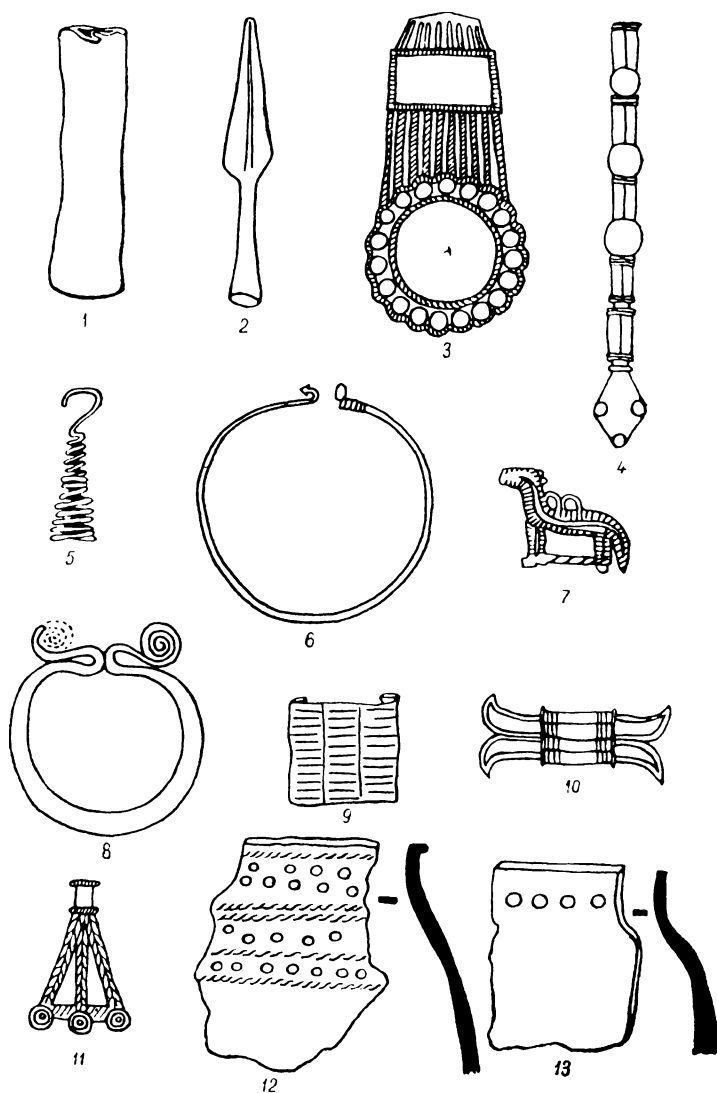

Рис. 37. Орудия труда и украшения из пьяноборских могильников:

1 — Айшинский могильник; 2, 4, 5, 6, 9, 10 — Пьяноборский могильник;
3, 7, 8, 11 — могильник Атамановы кости; 12, 13 — могильник Чачлы-кул.

притоке Вятки. Ананьинский культурный слой этого городища без перерыва переходит в пьяноборский.

На пьяноборских городищах люди жили сами и содержали принадлежащий им скот. Эти поселения невелики по площади. Остатки жилищ на Нырғындынском городище тянулись двумя рядами вдоль склонов; в центре площади обнаружено место для загона скота. На городище Чеганда сохранились вал высотой до 4 м и шириной до 20—25 м в основании и перед ним большой ров. Культурный слой пьяноборского времени на этом городище перекрыт культурным слоем, содержащим керамику и вещи восточно-бельского происхождения. В IV—V веках городище Чеганда захватили пришедшие с р. Белой племена, после упорной борьбы изгнавшие или уничтожившие местное население. В пьяноборской культуре селища встречаются очень редко. Большая часть поселений укреплена в целях обороны от воинственных соседей с юга и востока.

В раскопках В. Ф. Генинга на Чегандинском I городище обнаружены остатки наземных деревянных жилищ, каждое из которых имело площадь 60—70 кв. м. В таком жилище могла обитать большая патриархальная семья. На этом же городище раскопаны остатки двух горнов для варки железа. В культурном слое найдено много костей домашних животных, песты-терочники из крупных речных галек, глиняные пряслица, тигли для плавки меди, глиняные формы для отливки медных бус.

Глиняная посуда пьяноборских городищ отличается от гляденовской. Здесь дольше сохраняются типичные ананьинские формы сосудов — высокие круглодонные чаши, украшенные шнуровым и ямочным орнаментом (рис. 37, ф. 12, 13). Орнамент этот богаче гляденовского, он ближе к орнаменту нижнекамских ананьинских племен. Встречаются также плоскодонные небольшие сосуды без орнамента.

В могильниках глиняной посуды почти нет. Очевидно, с появлением железного лошкаря, посуда в основном изготовлялась из дерева, а может быть из бересты — поэтому она и не сохранилась.

На территории пьяноборской культуры нет кострищ, нет и такого обилия votивных вещей и украшений, как в Верхнем Прикамье. Вырастая на ананьинской основе, пьяноборская культура отличается по характеру памятников и материальной культуре от гляденовской. Особенно важны различия в орнаментации глиняной посуды и в типах

украшений, которые являются надежными этническими признаками. Различия между этими культурами проявляются и в хозяйственном укладе.

39. Скотоводческо-земледельческое хозяйство. Образование союза племен

Ведущую роль в хозяйстве пьяноборских племен занимало скотоводство. Этому способствовали благоприятные географические условия: более теплый климат и наличие широких речных пойм, представлявших хорошие естественные пастбища. На всех городищах и в могильниках встречается много костей домашних животных. Основными видами разводимых животных были лошадь и свинья. Наряду с ними разводился крупный и мелкий рогатый скот. Лошадь использовалась в пищу, о чем говорят находки разрубленных лошадиных костей на городищах, и как транспортное животное. В случае военных набегов соседей скот загонялся на городища. Это подчеркивает его значение как основного богатства пьяноборцев.

В позднепьяноборское время усиливается роль коневодства. В могильниках встречаются костяки захороненных вместе с людьми лошадей.

Земледелие сохранило подсобное значение в хозяйстве. Им, вероятно, занимались в той же пойме, где и пасли скот. На поселениях найдены железные топоры-кельты (рис. 37, ф. 1), но у пьяноборцев они больше играли роль боевого оружия — об этом говорят находки их в мужских погребениях рядом с другим оружием. Для растирания зерна служили каменные песты-терочники, но здесь их гораздо меньше, чем на гляденовских поселениях. Почва, как и в ананьинское время, обрабатывалась мотыгой с костяным наконечником. Из культурных растений пьяноборцы знали рожь, пшеницу и коноплю. Зерно мелкое, находки его очень редки. Земледелие пьяноборцев не сделало существенных сдвигов в своем развитии по сравнению с ананьинским временем.

О развитии охоты и рыбной ловли говорят находки наконечников стрел и рыболовных крючков. Однако роль пушной охоты здесь значительно меньше, чем у гляденовцев, живших в тайге.

В металлургии и металлообработке пьяноборские племена по сравнению с гляденовскими добились больших

успехов. Здесь чаще встречаются железные орудия — мечи, копья, топоры.

Особенно искусны были пьяноборские мастера в работе над медно-бронзовыми изделиями. Они хорошо владели искусством рельефного литья, выпуклой чеканки, спайки сложных украшений из нескольких деталей. Примером таких изделий являются пьяноборские эполетообразные застежки. Их производили не только на свою общину, но и частично на обмен. Украшения этого типа встречаются за пределами пьяноборской культуры: на западе — до Оки, на востоке — до Алтая.

Пьяноборцы в отличие от гляденовцев были воинственными племенами. В ранних пьяноборских могильниках встречаются наконечники стрел и копий из бронзы, железные кинжалы с бронзовыми рукоятками; в поздних — преобладают черешковые трехлопастные стрелы, железные втульчатые копья (рис. 37, ф. 2), железные сарматского типа мечи — сначала короткие, а затем длинные — без навершья. Большие мечи встречаются редко; они, очевидно, принадлежали не рядовым, а зажиточным воинам. Эти мечи представляли собой обоюдоострые или односторонние клинки, со стержнем для насаживания деревянной рукоятки, покрывавшейся медными накладками. Мечи носились в деревянных ножнах, обложенных медными орнаментированными пластинками. Ими можно было рубить не только в пешем строю, но и с лошади.

Кроме железных наконечников стрел, в бою использовались и костяные — втульчатые в виде трехгранной пирамидки. Защитными доспехами служили чешуйчатый панцирь из бронзовых пластинок, остатки которого найдены в Воробьевском могильнике, и железная кольчуга, найденная в могильнике Атамановы кости.

Раскопки могильников дают возможность восстановить одежду пьяноборцев. Костюм мужчин определяется труднее, так как в мужских погребениях меньше украшений из меди, окись которой пропитывает ткань и лучше сохраняет кости и одежду.

В мужских погребениях Нырғындинского могильника найдены остатки кожаных поясов, украшенных медными круглыми бляшками. Пояс имел железную пряжку, сбоку к нему привешивался железный нож. Женский костюм восстанавливается гораздо полнее. В раскопках В. Ф. Генинга на Чегандинском могильнике удалось реконструировать

женский костюм, который почти полностью совпадает с одеждой удмуртских женщин на юге Удмуртии.

На голове женщины носили платок, поверх которого надевали налобную повязку в виде полоски кожи с нашитыми на ней медными бляшками. Реже встречается подобная повязка в виде медного пластинчатого обруча — кокошника, обшитого сверху тканью. На висках к повязке прикреплялись нитки стеклянных бус с медными коническими подвесками на конце, сделанными из проволоки. Нижняя рубаша украшалась роскошным нагрудником из прямоугольного куска ткани, который обшивался вертикальными рядами желтых, синих и золоченых стеклянных бус. По краям нагрудника нашивались медные бляшки в виде полугорошин, а по углам — две крупные выпуклые бляхи. У шеи нагрудник покрывался повязкой, на которую нашивались бусы и медные плоские подвески. Такие нагрудники удмуртские женщины носили еще в XIX веке.

Верхняя женская одежда состояла из шерстяного камзола (от него сохранились куски шерстяной ткани мелкого плетения). Камзол имел спереди разрез и застегивался сверху большой круглой пластинчатой застежкой. На груди камзол украшался круглыми выпуклыми серебряными бляхами, с плеч до локтя нашивались круглые медные бляшки, а на локтях полукругом висели трапециевидные серебряные подвески. Женщины подпоясывались широкими ремнями, которые застегивались большими медными эполетообразными застежками, доходившими в длину до 30 сантиметров.

На ногах они носили кожаные лапти, завязанные ремешками. Ремешки украшались медными бляшками у пяток и пряжками-застежками спереди у взъема.

Однако не все погребения дают обилие вещей. Имущественное расслоение в пьяноборской культуре по сравнению с ананьинской зашло в отличие от гляденовской культуры гораздо дальше.

Здесь можно уже уверенно говорить о победе патриархата. Экономической базой этой победы послужил подъем производительных сил за счет развития скотоводства и металлургии, давших возможность быстрее накапливать богатство в руках патриархальных семей и больше производить на обмен. Мужской труд использовался при выпасе скота и при его охране от набегов воинственных соседей. Мужчина стал хозяином больших стад. Роль женщины в хозяйстве свелась к домашним делам и воспитанию детей,

что привело ее к подчиненному положению по отношению к главе семьи—мужчине. На Чегандинском могильнике богатые погребения зажиточных членов патриархального рода располагаются в центре, а погребения их бедных сородичей — с одной-двумя вещами в могиле — по краям. На самом краю могильника находятся погребения, в которых совсем нет вещей. Здесь люди похоронены по обряду, чуждому местным племенам. Часть из них лежит на боку в согнутом положении, как хоронили племена, жившие в среднем Поволжье, особенно в Мордовии. Другая часть похоронена по обряду трупосожжения: в могилу были ссыпаны сожженные кости. В этих могилах похоронены рабы, захваченные во время военных набегов на соседние племена. Развитие скотоводства требовало привлечения дополнительной рабочей силы и поэтому патриархальное рабство получило у пьяноборцев большое распространение.

Формой политического управления общества развитого патриархата была, по выражению Ф. Энгельса, военная демократия. Военной она была потому, что погоня за захват пастбищ и скота и другой добычи, появляющаяся у родовой аристократии, приводила к созданию военной организации, охватывающей всех мужчин рода, способных носить оружие. Но она была еще демократией, потому что военные вожди и главы рода выбирались собранием всех вооруженных мужчин рода. На этих собраниях решались и все основные вопросы жизни рода и племени. Между племенами часто возникали противоречия, разрешавшиеся военным путем. Захват рабов и привлечение их для работы в хозяйстве отдельных семей создавали дополнительные условия роста богатств зажиточной верхушки.

Для ведения крупных военных походов силы одного племени были недостаточны. Выдвигаются воинственные племена, которые покоряют другие племена и создают союзы, состоящие частично из родственных, а частью из покоренных племен, занимающих подчиненное положение. Племена пьяноборской культуры входили в состав большого союза племен, включавшего, кроме нижекамских, и волго-окские племена Западного Поволжья. В результате такого союза у этих племен выработалась некоторая общность в типах одежды, украшений, глиняной посуды, что отмечалось многими исследователями. Пьяноборские племена были тесно связаны культурными связями с племенами городецкой культуры, оставившими могильники типа

Кошибеевского могильника на Оке. Эти племена относились к западной группе племен, говоривших на языках финно-угорской системы и до некоторой степени были этнически близки пьяноборцам.

Напряженные отношения с юго-восточными — сарматскими и угорскими племенами заставили объединиться племена лесной полосы Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в крупный союз племен, который просуществовал до IV—V веков, пока не распался под ударами юго-восточных племен.

40. Роль пьяноборской культуры в этногенезе народов Прикамья

В памятниках пьяноборской культуры появляется целый ряд черт, которые с некоторыми изменениями сохраняются у удмуртов вплоть до XIX века. Особенно наглядно это заметно в женском костюме. В могильниках удмуртов вплоть до XX века сохраняется обычай захоронения с вещами в вытянутом на спине положении головой на восток и северо-восток, то есть так же, как в пьяноборских могильниках.

Формы глиняной посуды пьяноборской культуры доживают вплоть до чепецкой культуры X—XIV веков, принадлежность которой древним удмуртам не вызывает никакого сомнения. Украшения пьяноборского типа в виде эполетообразных застёжек сохраняются в бассейне Вятки еще долгое время, почти до начала II тысячелетия нашей эры. В памятниках чепецкой культуры сохраняются такие типичные пьяноборские украшения, как шейные круглопроволочные гривны. Подвески в виде птичьих лапок, характерные для пьяноборцев, сохраняются в измененном виде и входят в шумящие подвески чепецких и вятских могильников X—XII веков (могильники Чемшай, Поломский и другие).

Потомки племен пьяноборской культуры вошли в состав удмуртского народа.

Тесные культурные связи у племен пьяноборской культуры с средневожскими племенами — предками мордвы и марийцев, сохранились и в более позднее время, что нашло отражение в культурной близости удмуртов и мари, проявляющейся особенно в сходстве женского костюма.

Пьяноборские племена имели тесные связи с сарматами,

бывшими их соседями на юго-востоке. Эти связи носили характер обмена, путем которого пьяноборцы получали от сармат оружие (мечи) и некоторые типы украшений и бытовых вещей. Прямым путем или через сармат осуществлялись связи с античными городами Северного Причерноморья. Через сармат к пьяноборцам попадали римские провинциальные фибулы II—III веков. На Чегандинском могильнике были найдены глиняные фигурки львов и бусы из голубой пасты в виде жука-скарабея, попавшие в Прикамье из городов Боспорского царства. На городище Чеганда обнаружены также раковины моллюска каури, который водится в Индийском океане, что также является свидетельством далеких южных связей пьяноборцев.

Гораздо слабее были связи с Зауральем и Сибирью. О их существовании говорят только отдельные редкие находки эполетообразных застёжек и блях пьяноборского типа в Зауралье и Сибири.

ДВИЖЕНИЕ ЮЖНЫХ КОЧЕВЫХ ПЛЕМЕН НА СЕВЕР

(IV—VIII века)

41. Начало движения южных кочевых племен на север и их причины. Бахмутинская культура на р. Белой

В начале IV века в хозяйстве и материальной культуре прикамских племен происходят резкие изменения. Изменяется и этнографическая карта расселения племен. Пустеет густо населенный ранее район правобережья Камы против устья Белой, где жили пьяноборские племена. На территории северных районов Башкирии появляются археологические памятники новой культуры, имеющей черты сходства с памятниками Южного Зауралья и Сибири. Во всем Прикамье появляется необычный для этого времени обряд погребения в курганах, в которых часто встречаются вещи южного происхождения и кости животных, особенно лошади.

Эти изменения связаны с проникновением на север из южных районов степных скотоводческих племен. Какие же причины заставили эти степные племена двинуться на север? Кто по происхождению были эти пришельцы? На эти вопросы пока трудно ответить с исчерпывающей полнотой, так как археологические памятники этого времени изучены

очень слабо. Причем слабее всего они изучены на территории Нижнего Прикамья, где они появляются ранее, чем в Верхнем Прикамье.

Однако в тех памятниках, которые изучены, можно проследить больше черт сходства в обряде погребения и материальной культуре с памятниками Южного Зауралья и Западной Сибири, которые принадлежали, как считают исследователи, угорским племенам. Очень много общего имеют памятники Прикамья IV века с курганными могильниками, исследованными Н. Н. Бортвиным в Курганском округе, С. К. Кузнецовым около гор. Томска, М. П. Грязновым у д. Ближние Елбаны, В. Н. Чернецовым в Козловском и Перейминском могильниках и с археологическими памятниками IV—V веков в северной части Башкирии.

Письменные источники говорят нам о том, что на территории Башкирии остатки угорских племен жили до XIII века и сохраняли свой язык, родственный языку венгров. Угорские племена частично осели на территории Северной Башкирии, а часть их двинулась дальше на запад и север Прикамья. Некоторые советские археологи (А. В. Шмидт) и венгерские археологи (Э. Мольнар и др.) считают, что в северных районах Башкирии накапливались с IV века угорские племена, которые затем в начале IX века двинулись на запад и достигли пределов современной Венгрии, где и послужили ядром для сложения венгерского народа.

Кроме сходства венгерского языка с языком племен северных районов Башкирии, отмеченного Ибн-Руста в X веке и Плано Карпини, Рубруком и другими путешественниками позднего средневековья, об этом говорят и народные предания и сходство антропологического типа и сходство в материальной культуре венгерских могильников IX—X веков с одновременными могильниками Северной Башкирии. В числе восьми венгерских племен, перечисленных историком X века Константином Багрянородным имеется племя «курти-гермата». Это название почти полностью совпадает с названием башкирского племени «юрматы». В Кармаскалинском районе Башкирии есть село Бишаул-Унгарово, происхождение которого местные жители связывают с угро-мадьярами.

О пребывании предков венгров на территории Башкирии вплоть до VIII—IX веков говорят и заимствования (более 200) в венгерском языке из языка древних булгар,

которые, появившись в Прикамье в VII—VIII веках, были ближними соседями башкир.

Многие восточные писатели X века отождествляют слова «мадьяр» и «башкир». Ибн-Руста писал, что мадьяры жили между печенегами и булгарами и занимались скотоводством.

В Верхнем Прикамье в географических названиях сохранилось много слов, объяснение которых находится в языках хантов и манси — народов угорского происхождения, что было доказано еще А. Каннисто и А. Ф. Теплоуховым.

Все эти данные позволяют говорить о проникновении в IV веке в Прикамье угорских степных племен из Южного Зауралья, которые вошли в этногенез народов Прикамья (башкир, удмуртов, коми) и после их переселения на запад в IX веке — в этногенез венгерского народа. Эти племена по языку были родственны племенам лесного Зауралья, где уже начали складываться угорязычные предки хантов и манси.

Причины, заставившие южные степные племена двинуться на север, коренились в общественном строе и хозяйстве этих племен и исторической обстановке, сложившейся в южных степях в IV веке.

Изучение археологических памятников, связанных с пришельцами, показывает, что первобытно-общинный строй у них находился в стадии разложения. Резкое имущественное расслоение характерно для погребений в могильниках. Наиболее богатые погребения, в которых встречается много предметов роскоши (в том числе золотые и серебряные привозные украшения), принадлежат зажиточной знати, в среде которой возникает стремление к увеличению своих богатств путем захвата добычи при набегах на соседние племена. Многочисленные находки костей животных в погребениях говорят о том, что скотоводство было основной отраслью хозяйства этих племен.

Дальнейшее развитие скотоводства при примитивном способе его ведения было возможно только при расширении пастбищ и соответственном увеличении поголовья скота. Увеличить количество скота можно было за счет захвата его у соседних племен. Засушливый климат, который продолжал существовать в середине I тысячелетия, привел к сокращению степей на юге и превращению части их в полупустыни и продвижению зоны степей на север. Это заставляло степные племена осваивать новые участки степи,

появившиеся на севере. В IV веке в южных степях происходит крупное передвижение кочевых племен с востока на запад, которое ряд исследователей называют «великим переселением народов». Главную роль в этом движении играли кочевые племена гуннов. Гуннские племена, продвигаясь на запад, увлекают за собой часть соседних с ними скотоводческих племен, а большую часть их отбрасывают на север, занимая их земли, пастбища. В изобразительном искусстве уральских угров и в форме и орнаменте их посуды чувствуется некоторое гуннское влияние. В это время ненадолго появляются остросеребряные формы сосудов и орнаментация последних по краю вертикальными насечками, что было характерно для гуннов. Гуннское нашествие дало толчок и послужило поводом для переселения степных угорских племен на север. Угорские племена заняли районы, в которых под влиянием засушливого климата распространяются степные пространства. Степи и лесостепи в это время шли вдоль Урала от их современных пределов до бассейна Белой, Сырты и до низовьев Чусовой и дальше на север. Об этом говорят остатки степной растительности в виде степных трав (ковыль, типчак) в Красноуфимском и Кунгурском районах, между Кунгуром и Осой и дальше на север, в Карагайском районе и даже в центральных районах Коми-Пермяцкого округа. На этой территории обнаружены и археологические памятники, оставленные пришельцами.

В материальной культуре угорских племен, которая изучается по раскопкам, можно обнаружить общие черты с культурой сармат. Оружие, детали поясного набора, некоторые типы украшений почти аналогичны сарматским. С сарматами угры столкнулись на территории Башкирии. Возможно, что какая-то часть сарматских племен была увлечена уграми в их движении на север. Однако основной массой пришельцев были именно угры, а не сарматы, так как угры оставили следы в языке и географических названиях Верхнего Прикамья, в то время как заимствования из иранских языков в языках коми, по мнению всех лингвистов, относятся к более раннему времени — еще к эпохе бронзы.

В северной Башкирии, в среднем и нижнем течении р. Уфы и ее притоков в IV—VIII веках сложилась бахмутинская культура, получившая свое название по имени могильника у д. Бахмутино, расположенного к северо-востоку

от гор. Уфы, на правом берегу р. Уфы. Эта культура была выделена А. В. Шмидтом, который считал ее принадлежавшей угорским племенам. Однако более вероятно, что она является результатом ассимиляции уграми местного населения, так как в ней есть много черт, связывающих ее с предшествующими культурами на территории Башкирии. В могильниках и на поселениях этой культуры встречается круглодонная посуда с ямочным и гребенчатым орнаментом, иногда имеющая слабую примесь раковины. Захоронения в могильниках не имеют курганной насыпи. Это — типичные грунтовые захоронения, где костяки лежат на спине в прямоугольных ямах с закругленными углами вместе с вещами. Часть покойников захоронена в деревянном гробу.

В могильниках найдено много вещей южного происхождения — золотые украшения в виде подвесок, сережек, блях, украшенные зернью и сканью пряжки так называемого «готско-сарматского стиля», мелко рубленные красные пастовые бусы, оружие в виде мечей и кинжалов, части кольчуги. В одном разрушенном погребении около гор. Уфы найдены костяные накладки колчана, по своей форме аналогичные накладкам колчана гуннского лука. В некоторых погребениях найдены серебряные сосуды хорезмийского происхождения.

Погребения в могильниках располагаются отдельными группами, в которых хоронили членов больших патриархальных семей. Имущественное расслоение здесь очень велико. В богатых мужских погребениях находится оружие, остатки кольчуг, золотые и серебряные украшения. В женских богатых погребениях преобладают золотые украшения, являющиеся шедевром ювелирного искусства. В то же время есть погребения с небольшим количеством вещей или совсем без вещей.

Около Бахмутинского могильника у хутора В. Чандар были исследованы селище и городище. Они при раскопках дали те же вещи, что и могильник, и одновременны ему.

Население занималось земледелием и скотоводством. У них была сильно развита металлургия, начинавшая выделяться в ремесло. Большое количество привозных вещей свидетельствует о развитом обмене и торговле.

В VI—VIII веках по своей материальной культуре бахмутинцы имеют много общего с племенами ломоватовской культуры Верхнего Прикамья, хотя и отличаются от них орнаментом на глиняной посуде и некоторыми типами укра-

шений. Характерными для племен бахмутинской культуры были медные подвески в виде колесика со спицами, круглопластинчатые бляхи с небольшим отверстием в центре. Так же, как у племен ломоватовской культуры, здесь получают широкое распространение подвески, изображающие коней.

В поздних погребениях бахмутинской культуры усиливается влияние сарматских элементов. В Левашовском могильнике VIII—IX веков около гор. Стерлитамака это влияние чувствуется еще сильнее. Все вещи из этого могильника аналогичны позднеаланским погребениям, с появлением которых часть исследователей связывает приход булгарских племен.

Формирование башкирского народа шло в процессе взаимодействия различных по происхождению племен, которые в процессе длительного исторического развития сближались в хозяйственном, бытовом и культурном отношениях. Различия в антропологическом типе, типах хозяйства и быта, в диалектах долго еще чувствовались у башкирских племен, даже когда они уже сложились в народность. В результате взаимодействия местного коренного населения с различными племенами, формировался и язык башкирского народа. В него рано проникли элементы языка тюркских народностей, живших в юго-восточных частях Башкирии. На укрепление и победу тюркоязычных элементов в языке башкир оказало большое влияние также близкое соседство тюркоязычного населения государства Волжских булгар, сложившегося в низовьях Камы в X веке.

42. Азелинская культура на р. Вятке (IV—VI века)

Как мы уже писали выше, в IV веке население, хоронившее в пьяноборских могильниках и жившее на одновременных им городищах, покидает район устья Белой и прилегающие районы правобережья Камы. На городище Чеганда I верхний культурный слой, содержащий керамику бахмутинского типа с ямочным орнаментом, перекрывает мощный слой пьяноборского времени. Часть потомков пьяноборских племен, вытесненная с правобережья Камы, продвинулись на север, в бассейн р. Чепцы, где в это время появляются первые памятники и отдельные находки, свидетельствующие о начавшемся заселении этого района. Другая часть пьяноборцев ушла в район среднего течения Вятки, где еще и ранее жили пьяноборские племена.

Под влиянием соседних племен городецкой культуры, у которых очень сильно было развито земледельческое хозяйство, пьяноборцы перешли на новую ступень экономического развития.

В. Ф. Генинг, проводивший исследования в этом районе, выделяет памятники IV—VI веков в среднем течении Вятки под именем особой азелинской культуры, получившей свое название по имени Азелинского могильника около гор. Малмыж.

Раскопки Азелинского и Суворовского могильников показывают, что население здесь продолжало сохранять некоторые типы украшений пьяноборского времени, например, эполетообразные застёжки. Однако в технике изготовления их чувствуется стандартизация. Вместо сложной техники чеканки и напайвания применяется простая отливка и вырезывание этих застёжек из целой медной пластины. Сохраняются и многие другие детали пьяноборского костюма. Все это доказывает преемственность пьяноборских и азелинских племен и их общую связь с предками удмуртского народа.

В то же время есть и некоторые различия. Необходимость отражения натиска воинственных южных племен вызвало еще большее совершенствование оружия и военных доспехов. В мужских погребениях встречаются в колчанах многочисленные находки железных наконечников стрел (до 20—30 в одной могиле), проушные боевые топоры, железные наконечники копий, мечи в деревянных ножнах, окрашенных в ярко-красный цвет, кинжалы в таких же ножнах.

В одном из погребений найден шлем, сделанный из железных пластин, скрепленных при помощи медных заклепок. Другой шлем был сделан из целого листа железа и обит снизу медной полоской. Найдены остатки кольчуги, весом до 13 кг, состоявшей из мелких железных колечек. Очень часты находки кожаных уздечек, украшенных медными бляшками. Азелинцы имели конное войско.

В мужских погребениях прослеживается имущественное расслоение. В богатых погребениях находятся мечи, кинжалы, топоры, копья, уздечки, в бедных — кинжалы, остатки лука и наконечники стрел.

Погребальный обряд азелинцев был тот же, что и у пьяноборцев, однако здесь чаще в могилу кладутся орудия труда, у азелинцев нарушается устойчивость ориентировки погребения — покойники их лежат чаще всего головой на север и юг, а иногда и в других направлениях. Нарушение

устойчивости ориентировки говорит об ослаблении родовых традиций.

Хозяйство азелинцев по сравнению с пьяноборцами поднимается на новую ступень. Оно в основном земледельческое. В среднем течении Вятки нет широких долин и заливных лугов, пригодных для преимущественного развития скотоводства.

Постоянная угроза военных набегов с юга делала невыгодным содержание больших стад скота. У соседних племен городецкой культуры в VI веке произошел переход к пашенной обработке земли, что давало возможность увеличить продуктивность земледелия. Появление проушного железного топора позволило освоить большие площади леса под земледельческие участки. В погребениях азелинской культуры появляются ральники — железные наконечники рала, которые по своей форме аналогичны ральникам городецкой культуры. В связи с увеличением производства зерна на смену зернотерке приходит ручная мельница — жернов.

Прогресс в земледелии дал возможность членам общин содержать специалистов-ремесленников, занимавшихся только изготовлением орудий труда и получавшим за них продукты сельского хозяйства. Происходит отделение ремесла от земледелия.

На Азелинском могильнике найдено погребение кузнеца, где вместе с погребенным лежали кузнечные клещи, молоток, напильник, ножичек для гравировки, скобель, точильный камень, а также железный ральник, копье и кольчуга.

В Суворовском могильнике найдено погребение женщины-ювелира. В изголовье могильной ямы лежали две берестяные коробочки. В одной из них находились железная наковаленка, молоточек, литейная формочка для отливки украшений, две медные палочки-заготовки, две палочки из свинца, маленький нож с костяной рукояткой, медная проволока и другие вещи. Во второй коробочке лежали готовые украшения, сделанные с помощью этих инструментов и заготовок.

У племен азелинской культуры создаются предпосылки перехода от родовых связей к территориальным. Связи между патриархальными семьями, ставшими экономически самостоятельными, ослабевали. На одном поселении селились патриархальные семьи не одного, а нескольких родов. Умерших они хоронили на одних могильниках. В состав

общины входили и семьи, вышедшие из состава соседних племен городецкой культуры. Об этом говорит и тот факт, что женский костюм, который восстанавливается по погребениям азелинской культуры, имеет одинаковые общие черты как у удмуртов, так и у мари.

Тесные культурные связи предков этих народов, заложенные еще в пьяноборское время, в это время укрепляются. Однако процесс разложения родового строя и становления сельской общины, начавшийся у азелинских племен в VI веке, затягивается еще надолго, вплоть до X века, когда под влиянием феодального государства Волжских булгар он ускоряется и начинают формироваться феодальные отношения.

ЛОМОВАТОВСКАЯ КУЛЬТУРА В ВЕРХНЕМ ПРИКАМЬЕ

43. Условия географической среды на рубеже III—IV веков в Прикамье. Харинский этап ломоватовской культуры.

Взаимоотношения пришлых племен с местными племенами.

Степные скотоводческие племена, пришедшие в IV веке из бассейна Уфы, продвинулись в среднее течение Камы. Здесь они оставили курганные могильники у Раздорных островов около с. Елова и около с. Усть-Качки. Часть их затем повернула на северо-восток, прошла через осинские степи в среднее течение Сылвы, где осела около Кунгура, оставив несколько курганных групп — Плехановские, Бартымские, Бродовские.

Племена, которые двигались по Каме, остановились в бассейне р. Нижней Мулянки, где после них осталось несколько городищ и селищ и Салтанаихинский курганный могильник. Затем они продвинулись на север, оставив в районе р. Гаревая и М. Туй более десятка поселений, среди которых известное Опутятское городище, Коновалютское селище и четыре курганных могильника, в том числе и Бурковские курганы.

Памятники такого же типа единично распространяются и дальше на север — в Кочевский и Гайнский районы, где известно около десяти курганных групп, среди них изученные раскопками Харинские и Митинские курганы (рис. 38).

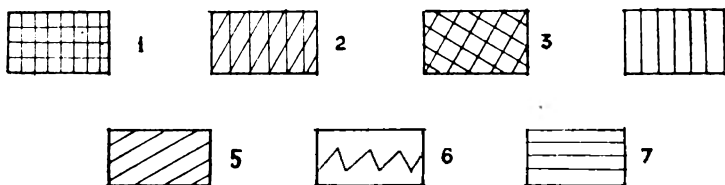
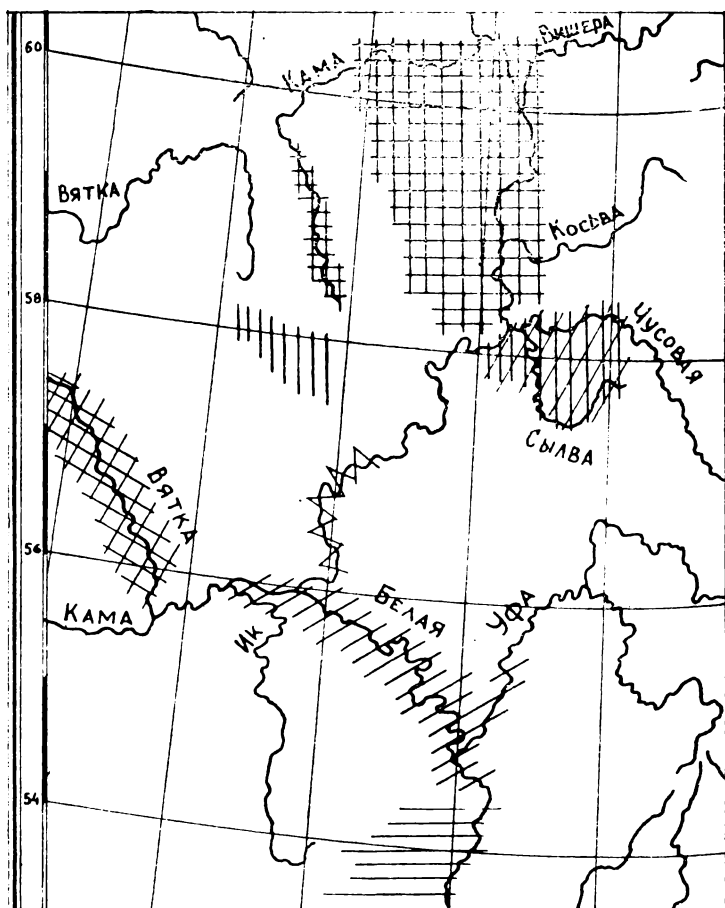

Рис. 38. Карта Ломоватовской и одновременных ей культур Прикамья:

1 — Ломоватовская культура; 2 — Сыловско-среднекамский вариант ломоватовской культуры; 3 — Азелинская культура; 4 — Поломская культура; 5 — Бахмутинская культура; 6 — Мазунинская культура; 7 — Позднеаланская культура.

Обряд захоронения в курганах впервые появляется в Среднем Прикамье в IV—V веках. Распространение памятников этого типа почти по всей территории Верхнего Прикамья говорит о том, что пришедшие с юга скотоводческие племена глубоко проникают в среду ранее обитавших здесь местных племен и смешиваются с ними. Однако это происходит не сразу. Первое время пришлые угорские племена живут несколько обособленно, сохраняя свой обряд погребения и ведущую роль скотоводства в хозяйстве. Процесс смешивания их с местным населением затягивается почти на пять столетий.

Археологические памятники IV—VIII веков в Верхнем Прикамье были выделены А. А. Спицыным под именем ломоватовской культуры, названной так по первым характерным находкам этого времени на речке Ломоватовке. Последующее изучение этих памятников позволило В. Ф. Генингу разделить их на два этапа. Ранний этап получил название Харинского, а поздний — Неволинского.

Харинский этап назван по имени курганного могильника около д. Харина Гайнского района Пермской области, где впервые были произведены в начале XX века крупные раскопки. Этот этап охватывает IV—V века, то есть тот период, когда происходит внедрение пришлых угорских племен в среду местных гляденовских племен и начинается процесс их слияния.

В это время часть старых гляденовских поселений забрасывается. Появляются новые поселения — городища и селища. Они имеют очень бедный культурный слой, по своей мощности не превышающий 15—20 см. Камской археологической экспедицией было почти полностью раскопано Опутятское городище в Добрянском районе. Это городище занимало громадную площадь — около 18 000 кв. м; его защищало 6 валов высотой до 2,5 м, которые со стороны площадки имели деревянные укрепления. На площадке городища около склонов обнаружены остатки сооружений для варки железа, ямы для изготовления глиняной посуды и ямы, где совершались жертвоприношения домашних животных. Культурный слой городища очень беден; значительная часть площадки совершенно свободна от построек, она, видимо, являлась загонem для скота.

Городище служило племенным центром для защиты людей и скота в минуту опасности. На нем сосредоточивались металлургические сооружения. Здесь совершали ре-

лигиозные церемонии. Здесь же находились и запасы пищи. В нескольких ямах на Опутятском городище обнаружены остатки обгорелого зерна. На городище не было найдено остатков жилых сооружений, что еще раз подчеркивает его значение, как оборонительного центра.

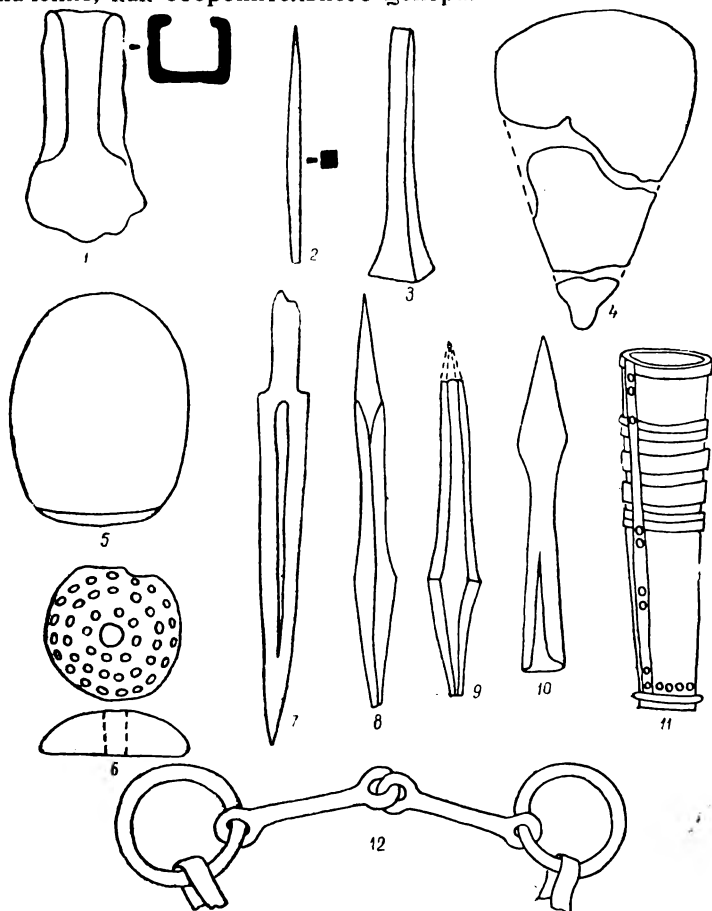

Рис. 39. Орудия труда и оружие Харинского этапа ломоватовской культуры:

1, 2, 5, 6 — Коноваловское селище; 4, 7—9 — Опутятское городище;
10—12 — Бурковский могильник.

В окрестностях Опутятского городища обнаружено несколько городищ, имеющих меньшую площадь и более слабые укрепления, и несколько селищ. Раскопки Конова-

лятского селища на р. М. Туй показали, что культурный слой на селище больше, чем на городище. Здесь найдены орудия земледельческого труда — железная мотыга (рис. 39, ф. 1) и песты-терочники (рис. 39, ф. 5), много глиняной посуды, глиняные конусовидные пряслица от веретен, украшенные ямочным орнаментом (рис. 39, ф. 6), железные шила (рис. 39, ф. 2) и другие вещи. Очевидно, население жило в мирное время на селищах и только в минуту опасности вместе со скотом укрывалось за валами городищ.

Основную массу находок на поселениях Харинского этапа представляет глиняная посуда. Она отличается по форме и составу глиняного теста от гляденовской. В ней почти исчезает примесь раковины. Появляется остроробая форма сосудов или сосудов с резко выступающими боками (рис. 40, ф. 14), которая характерна для посуды гуннов и сармат. Орнамент на сосудах очень беден. Чаще всего он ограничивается вертикальными насечками или защипами по венчику сосудов (рис. 40, ф. 15), что также характерно для орнаментации посуды южных степных племен. В то же время на Опутятском городище и Коновалытском селище часть глиняной посуды, особенно в верхней части культурного слоя, сохраняет старые гляденовские формы открытой круглодонной или остродонной чаши с примесью раковины в глиняном тесте (рис. 40, ф. 12, 13). Это, возможно, говорит уже о начавшемся смешении пришельцев с местными гляденовскими племенами.

Укрепления Опутятского городища могли использоваться как пришельцами, так и местными племенами, оставившими здесь посуду, сделанную старым традиционным способом. Под влиянием более многочисленных и лучше приспособленных к условиям жизни в Верхнем Прикамье местных племен — предков коми — пришлые угорские племена стали больше заниматься земледелием, более выгодным в условиях лесного края, чем скотоводство. Гляденовские племена в условиях засушливого климата и увеличения степных пространств, пригодных для пастбищ, под влиянием пришельцев, имевших развитое скотоводческое хозяйство, усилили роль скотоводства в своем хозяйстве. Таким образом происходило хозяйственное сближение этих двух групп племен, приведшее и к их этническому сближению. —

В III—IV веках гляденовские племена хоронили умерших и совершали жертвоприношения на костях. К этому

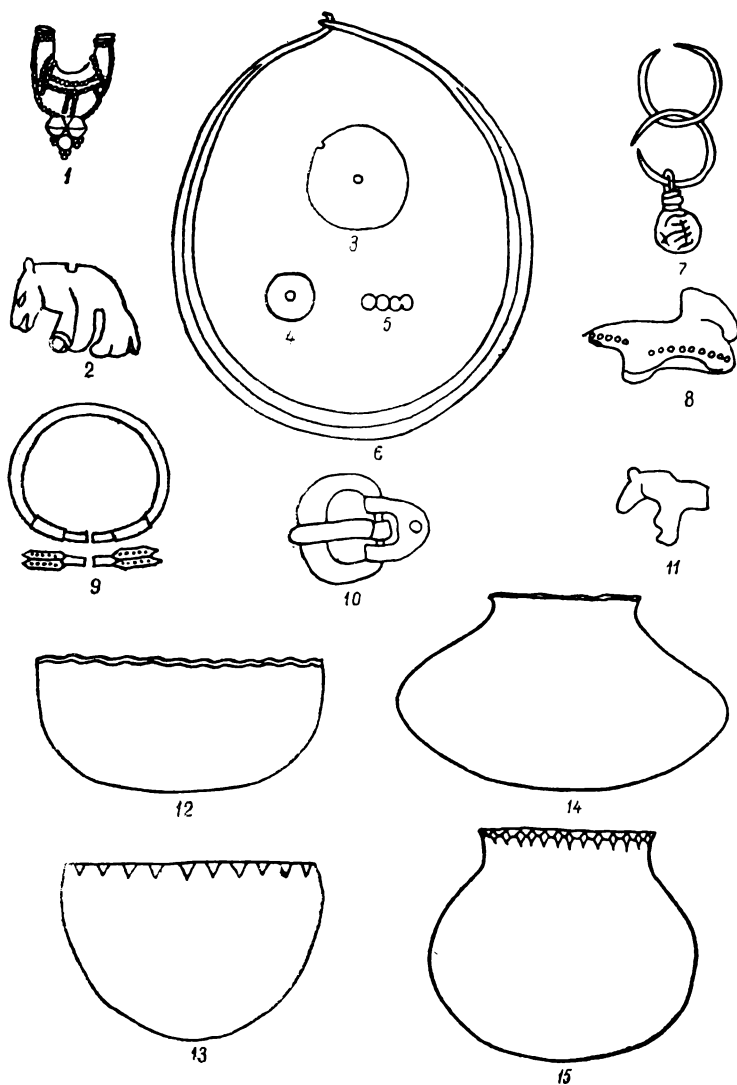

Рис. 40. Украшения и глиняная посуда Харинского этапа ломоватовской культуры:

1—10 — Бурковский могильник; 11—15 — Опутятское городище.

времени относится Усть-Туйское, Гаревское и Панкрашинское костища, расположенные неподалеку от Опутятского городища. Раскопки Усть-Туйского костища показали, что оно меньше по площади по сравнению с ранними гляденовскими костищами, но расположение костных остатков и характер веще-лвенного материала здесь сохраняет полностью гляденовские традиции. Находки жженных человеческих костей в слое пепла в центре площадок подтверждают использование костища как могильника с трупосожжением.

Таким образом в первое время пришлые и местные племена сохраняли свой обряд погребения.

Раскопки Бурковского курганного могильника на р. М. Туй показали, что основная масса умерших погребена в могильных ямах под невысокой курганной насыпью. На дне ямы находится массивный деревянный сруб в один венец, покрытый сверху толстыми плахами. Костяки лежат в вытянутом на спине положении, иногда на подстилке из бересты. Часть погребенных имеет деформированные черепа. Подобный обряд погребения в эпоху поздней бронзы был характерен для южноуральской группы андроновской культуры, а в эпоху железного века — для степных скотоводческих племен Зауралья и Южной Сибири, где формировались угорские племена. Близок он и обряду погребения некоторых северных и северо-восточных районов Башкирии. Курган был местом коллективного захоронения ближайших родственников. Под одной насыпью здесь располагалось от

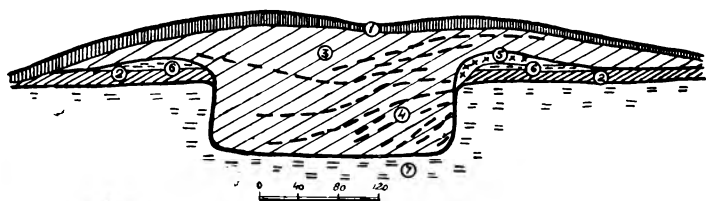

Рис. 41. Разрез кургана № 1 Бурковского могильника:

1 — дерн; 2 — погребенная почва; 3 — насыпь кургана; 4 — прослойки пережженных костей; 5 — углистый слой, перемешанный с костями; 6 — выброс из могильной ямы; 7 — красная материковая глина.

одного до двенадцати погребений, лежавших иногда не в яме, а на горизонте древней поверхности. Погребения лежат чаще всего головой на восток. Эта устойчивость ориентировки говорит о сохранении родовых традиций.

Однако в нескольких курганах на Бурковском могильнике в могильных ямах отсутствуют остатки сруба. На дно этих ям насыпаны кучки жженных человеческих костей (рис. 41). В некоторых могилах верхняя часть сруба и плахи обуглены, а на дне сохраняются остатки кострища. На этом же могильнике прослежено постепенное уменьшение курганной насыпи и превращение могильника в обычный грунтовый. Все эти факты говорят о том, что местное население жило с пришельцами на одних поселениях, вместе с ними хоронило умерших на одних могильниках, сохраняя первое время традиционный обряд трупосожжения. Пришельцы отказываются от привычной формы устройства курганных насыпей над могилой. Происходит постепенная нивелировка различий в обряде погребения и выработка общих форм погребения. Это, несомненно, говорит и о значительных сдвигах в идеологии населения.

В южных районах, где приток пришлого населения был наиболее значителен, местное население постепенно отказывается от погребения на костяках. Позже IV века в районе Гарево и Туя мы не находим ни одного костяка. Все население — местное и пришлое — с V—VI веков хоронит умерших на грунтовых могильниках, без курганных насыпей.

Костяки сохраняются до более позднего времени только в северных районах. Они постепенно теряют значение могильников, оставаясь лишь жертвенными местами. Таким костяком VII—VIII веков является жертвенное место около д. Подбобыка на р. Колве — притоке Вишеры. Обычай совершать погребения и жертвоприношения на костяках зародился в гляденовское время не только у племен Прикамья, но и, как мы отмечали выше, у племен Зауралья. Последние сохраняют костяки, как места жертвоприношений, вплоть до X—XVII веков. Об этом говорят остатки жертвенных мест типа костяк у манси на р. Чаньве и Чусовой и использование хантами Гляденовского костяка до XVII века.

К сожалению, до сих пор не определен антропологический состав населения, оставившего могильники харинского этапа. По предварительному определению среди него есть хорошо выраженный европеоидный элемент. В антропологическом типе иньвенских коми-пермяков до сих пор сохраняется большая примесь темноволосых европеоидов, которая стоит несколько особняком среди остальных коми,

имеющих смешанный монголоидно-европеоидный или уральский антропологический тип. Язык иньвенского населения также довольно резко выделяется среди других диалектов коми-пермяцкого языка. Иньвенские коми-пермяки до XIX века сохраняли и некоторые отличия в быту, в частности такой пережиток развитого скотоводческого быта, как изготовление на некоторые религиозные праздники фигурок домашних животных из хлеба. У них сохранились мягкие седла с невысокими луками, находящие аналогии в седлах степных народов. Еще А. Ф. Теплоухов отмечал, что значительная часть географических названий Верхнего Прикамья переводится из языков угорских народов (это привело его даже к неправильному выводу о том, что угры были древнейшим населением края). Наиболее часто угорские названия встречаются в бассейнах Иньвы, Обвы и Камы на отрезке между Иньвой и Обвой.

Если сопоставить все эти факты и анализ археологических раскопок памятников харинского этапа, то можно прийти к выводу о том, что в IV—V веках происходит приток скотоводческого угорского населения в Верхнее Прикамье. Местное население под влиянием пришельцев несколько изменяет традиционные формы ведения хозяйства и идеологии. Однако местные племена численно превосходили пришельцев. Они хорошо приспособились к условиям жизни в местном крае и высоко развили земледельческое хозяйство. Это особенно дало себя знать после того, как в V—VI веках ослабевают засушливость климата и продвинувшиеся на север степи вновь отходят на юг.

Происходит постепенная ассимиляция пришлых угорских племен местными племенами, говорившими на языках, легших в основу языка коми. Пришельцы постепенно изменяют свое хозяйство, переходят к оседлому скотоводству и земледелию, постепенно меняется обряд погребения и другие формы идеологии. Это нашло отражение и в металлических культовых изображениях. На харинском этапе наряду с обычными гляденовскими изображениями идолов в виде человеческих фигур появляются изображения только крупного человеческого лица, что было характерно для идолов угорских народов — хантэ и манси и в более позднее время (рис. 44, ф. 5). На металлических украшениях и культовых предметах очень часто причудливо сочетаются изображения сцен борьбы южных животных — львов, пантер, ящеров, орлов и других — с животными лесной по-

лосы — бобрами, лосями, медведями и другими (рис. 44, ф. 2, 6, 7). Угорские харинские племена вошли в этногенез народов коми, будучи ассимилированы ими, но оставили ощутимый след, что хорошо видно на своеобразии антропологического типа, диалекта, некоторых форм быта иньвенских коми-пермяков и на сохранении угорской топонимики.

Хозяйство населения, оставившего археологические памятники харинского этапа, было комплексным. Под влиянием изменившихся климатических условий и прихода скотоводческих племен, основную роль в хозяйстве стало играть скотоводство. Об этом говорит обилие костей домашних животных на поселениях и в могильниках. Среди домашних животных в это время явно преобладает лошадь. Кости лошади чаще всего находят при раскопках, ее изображение появляется на медных украшениях (рис. 40, ф. 11). В могильниках часты находки конской сбруи — железных удиц, стремян, блях и пряжек от уздечек. Кроме лошади, в стаде были представлены и другие домашние животные — корова, овца, коза, свинья. Наличие в стаде свиньи исключает возможность кочевания и говорит об оседлом скотоводческом хозяйстве. Об оседлости свидетельствует и обилие глиняной посуды, которая почти не встречается у кочевников.

Скотоводство дополнялось земледелием, что подтверждается находками зерна и земледельческих орудий на поселениях. Охота отходит на второй план, так как мясную пищу в избытке давало скотоводство. На поселениях найдены крупные костяные наконечники стрел удлиненной формы (рис. 39, ф. 8, 9), но их гораздо меньше, чем на гляденовских памятниках. Роль рыболовства невелика: на поселениях очень редки находки каменных грузил от сетей и почти полностью отсутствуют кости рыб. Слабое развитие рыболовства могло быть связано с пересыханием некоторых мелких водоемов в период засушливого климата.

Металлургия и металлообработка получают дальнейшее развитие. Увеличивается количество орудий, сделанных из железа. На Опутятском городище раскопано несколько ям для варки железа. На дне этих ям сохранились чашеобразные углубления для выпуска железной массы. Вокруг углубления в яме устанавливалась деревянная рама, стенки которой изнутри обмазывались толстым слоем глины. Яма была забита шлаком, древесным углем, ошлакованной рудой и обожженными кусочками глины.

Проковка крицы производилась тяжелыми каменными молотами наверху ~~около~~ ямы. Перед проковкой крица подогревалась в наземном очаге — кострище.

На Опутятском городище найдены большие конусовидные тигли (рис. 39, ф. 4) для плавки меди, небольшая палочка из белого тяжелого металла для сплава с медью, а также много медных шлаков. Основной техникой изготовления медных украшений была техника объемного литья, при помощи которой отливались многочисленные подвески с изображением медведя (рис. 40, ф. 2), птиц (рис. 40, ф. 8) и других животных. Применялось также плоское литье и вырезывание из медной пластины, распространенные еще в гляденовское время. На Опутятском городище найдены медные щипчики, которые могли использоваться для ювелирной работы (рис. 39, ф. 3).

Раскопки харинских могильников показывают наличие резкого имущественного расслоения населения. В наиболее богатых курганах, принадлежащих родовой знати, находятся золотые и серебряные украшения и другие предметы роскоши, часто полученные путем обмена с южными племенами.

В одном погребении Бурковского могильника найдена замечательная золотая серьга (рис. 40, ф. 1), украшенная шариками зерни и напаянными проволочками скани. В другом погребении обнаружена серебряная шейная гривна (рис. 40, ф. 6), богатый набор янтарных, красных пастовых и стеклянных золоченых бус (рис. 40, ф. 3, 4, 5), многочисленные украшения из меди в виде фигурок животных и характерные височные кольца из двух проволочных колец, на одном из которых нанизана сердоликовая бусина с белым рисунком на ней (рис. 40, ф. 7). В богатых мужских погребениях встречается много оружия — железные мечи, наконечники копий, характерные ножи и кинжалы с продольным желобком (рис. 39, ф. 7, 10) в медных (рис. 39, ф. 11) или деревянных ножнах, остатки конской сбруи — удила (рис. 39, ф. 12), стремена, бляшки, остатки поясного набора в виде железных и медных пряжек (рис. 40, ф. 10), поясных накладок, пронизок — трубочек, различных подвесок. В мужских и женских погребениях обнаружены медные браслеты с утолщенными орнаментированными концами (рис. 40, ф. 9).

Встречаются также погребения с очень малым количеством вещей или совершенно без вещей, которые принад-

лежат рядовым и обедневшим членам родовых общин. В каждом могильнике хоронили членов одного патриархального рода, а под одной курганной насыпью — членов одной большой патриархальной семьи.

В связи с развитием производительных сил усиливается экономическая самостоятельность отдельных больших патриархальных семей. Последние хотя и хоронят на общем родовом могильнике, но иногда уже образуют особое поселение. Очевидно, с этим процессом расселения больших патриархальных семей из родовых гнезд на особые поселения и связана бедность культурного слоя харинских селищ. На каждом таком поселении жил сравнительно небольшой коллектив. Отчасти бедность культурного слоя может быть связана и с сезонным перемещением населения вслед за скотом на пастбища. Очевидно, поэтому в пойме Камы довольно часто можно найти обломки глиняной посуды ломоватовского времени и гораздо реже — остатки хорошо выраженного культурного слоя.

44. Неволинский этап ломоватовской культуры.

Завершение процесса слияния пришлых угорских племен с местным населением

Поздний этап ломоватовской культуры, охватывающий VI—VIII века, выделяется В. Ф. Генингом под названием Неволинского, по имени могильника, расположенного на р. Ирени недалеко от гор. Кунгура. К этому времени, кроме Неволинского, относятся Бродовский и Горбунятский могильники в том же районе, а также Иргинский могильник в Суксунском районе, Деменковский могильник на р. Обве и ряд других.

Памятники Неволинского этапа занимают всю территорию Верхнего Прикамья. Но особенно густо сосредоточиваются в бассейне Сылвы (рис. 38). До последнего времени поселения Неволинского этапа, известные только по разведкам, были изучены очень плохо. Они представляли из себя небольшие городища площадью от 0,7 до 3,5 тысячи кв. м, укрепленные одним или двумя валами. Число таких городищ резко увеличивается по сравнению с Харинским этапом. Городища с большой площадью, подобные Опутятскому, в это время уже забрасываются. Маленькие городища с сравнительно бедным культурным слоем сосредоточиваются целыми группами по правобережному и левобе-

режным притокам Камы—на Иньве, Обве, Лысьве, Косьве, Чусовой, Сылве. По сравнению с памятниками харинского этапа они занимают большую территорию, распространяясь не только по мелким рекам, но даже и по их притокам.

Появление большого числа маленьких городищ характеризует процесс расселения больших патриархальных семей. Сохранение укреплений у этих поселений, очевидно, было связано с беспокойной обстановкой в южных районах Прикамья. В VII веке в Нижнее Прикамье проникают кочевые орды булгар. В IX веке из районов северной Башкирии и смежных с ними происходит передвижение на запад угорских племен.

Однако часть населения продолжает и в это время жить на неукрепленных поселениях — селищах. При раскопках Зародятского селища на р. Малый Туй у д. Гуштата, Добрянского района, были исследованы остатки небольшого поселка, состоящего из двух комплексов жилых и хозяйственных сооружений. Каждый комплекс состоял из жилого помещения типа наземного срубного дома с тамбуром, очень похожего на дом Федотовского городища, но несколько меньше по площади (около 80 кв. м), и одной-двух хозяйственных построек. Хозяйственные наземные постройки по размерам больше жилища; они не имеют очагов и ямы-кладовки в центре. Размеры и очертания построек определяются по канавкам, окружавшим их. Между постройками обнаружены кузницы — мастерские по переработке железа, по своему устройству похожие на кузницы Опутятского городища. Тут же находятся ямы для плавки меди; около них найдены обломки литейных форм и тигли на глиняной ножке, похожие на рюмку. Основное место в хозяйственных постройках занимал большой сарай (около 120 кв. м), в котором, очевидно, держали скот в зимнее время. Это одно из первых свидетельств стойлового содержания скота. Это же, как и многочисленные находки костей домашних животных, служит свидетельством сохранения значительной роли скотоводства в хозяйстве. Культурный слой Зародятского селища имел мощность в среднем 20 см, доходя до 70 см на склонах.

Все постройки, обнаруженные на селище, свидетельствуют о том, что это постоянное поселение. Об этом же говорят находки зернохранилищ с обнаруженным в них обугленным зерном. Однако земледелие и здесь остается мотыжным. Об этом свидетельствуют находки железных

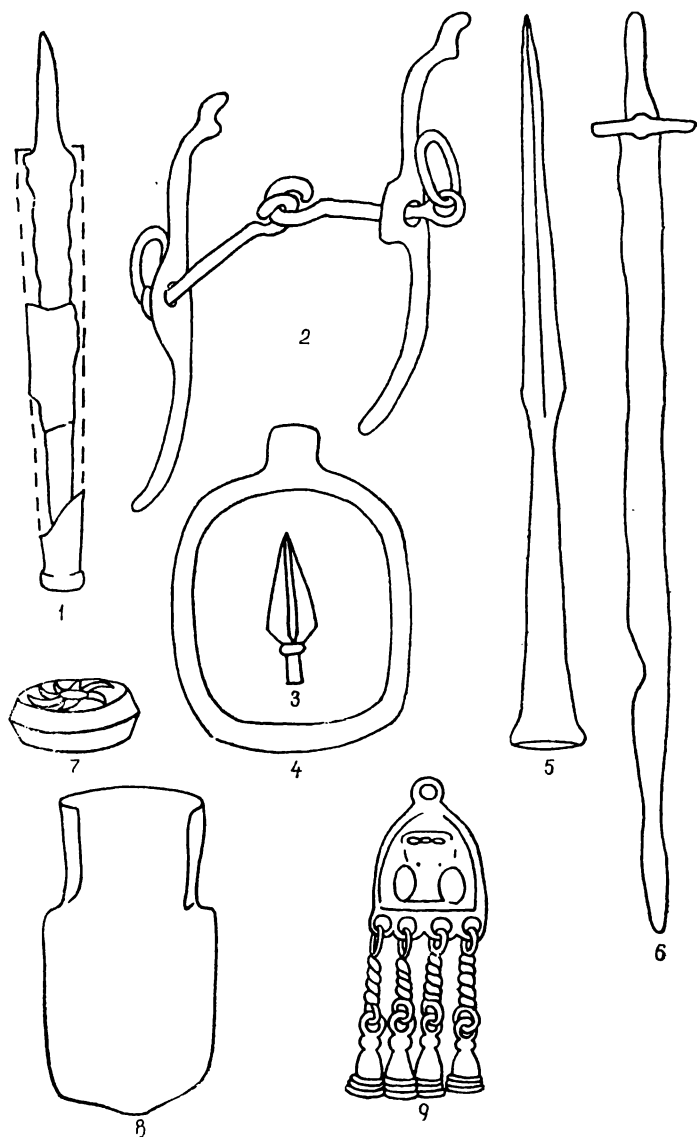

Рис. 42. Оружие и орудия труда Неволинского этапа
ломоватовской культуры:
1—7 — Неволинский могильник; 8—9 — Урьинский могильник.

мотыжек в могильниках (рис. 42, ф. 8), костяных мотыг на поселениях, а также находки плит-зернотерок. При подсечной системе земледелия основную роль продолжает играть втульчатый железный топор-кельт, который чаще встречается в могильниках и реже на поселениях.

На поселениях богаче других представлены находки обломков глиняной посуды. В могильниках довольно часто встречаются целые сосуды. Глиняная посуда на Невولينском этапе возвращается к той основной форме, которая была распространена еще в гляденовской культуре. Это — невысокая чаша с округлым или уплощенным дном, почти не имеющая орнамента, с насечками или зашипами по венчику (рис. 43, ф. 7, 8). Сосуды, орнаментированные нарезным орнаментом в виде зигзага или «елочки» — редки, чаще встречаются излюбленные гляденовские узоры, состоящие из сочетаний резного с шнуровым или гребенчатым орнаментом (рис. 43, ф. 9, 10). В глиняном тесте сосудов редко встречается примесь мелкотолченой раковины, что также означает возврат к гляденовской гончарной традиции.

Об увеличении роли земледелия в хозяйстве — тоже свидетельство возврата к гляденовской традиции — говорит материал могильников. Если в ранних погребениях Невولينского этапа часто встречаются находки остатков жертвоприношений в виде костей лошади и коровы, то в более поздних погребениях их почти нет. На смену им приходят жертвенные ямы, заполненные углем и золой — остатками кострищ, распространенных в связи с развитием культа огня — солнца. В Урьинском могильнике VIII—X веков, расположенном в Кочевском районе Коми-Пермяцкого округа на р. Онолве, ряд погребений свидетельствует об обряде трупосожжения, тогда как все жертвенные ямы имеют остатки кострищ. В ямах встречаются земледельческие орудия. Одна из них была заполнена обломками зернотерок и пестов-терочников, сильно закопченных, лежащих вперемешку с углем. Между камнями лежала куча обгорелых пшеничных зерен, а рядом с камнями — несколько раздавленных глиняных сосудов. Здесь хорошо прослеживается переход от жертвоприношений, связанных со скотоводческим хозяйством, к жертвоприношениям земледельцев.

На Невولينском этапе дальнейшее развитие получила также охота на пушного зверя. Об этом говорят находки

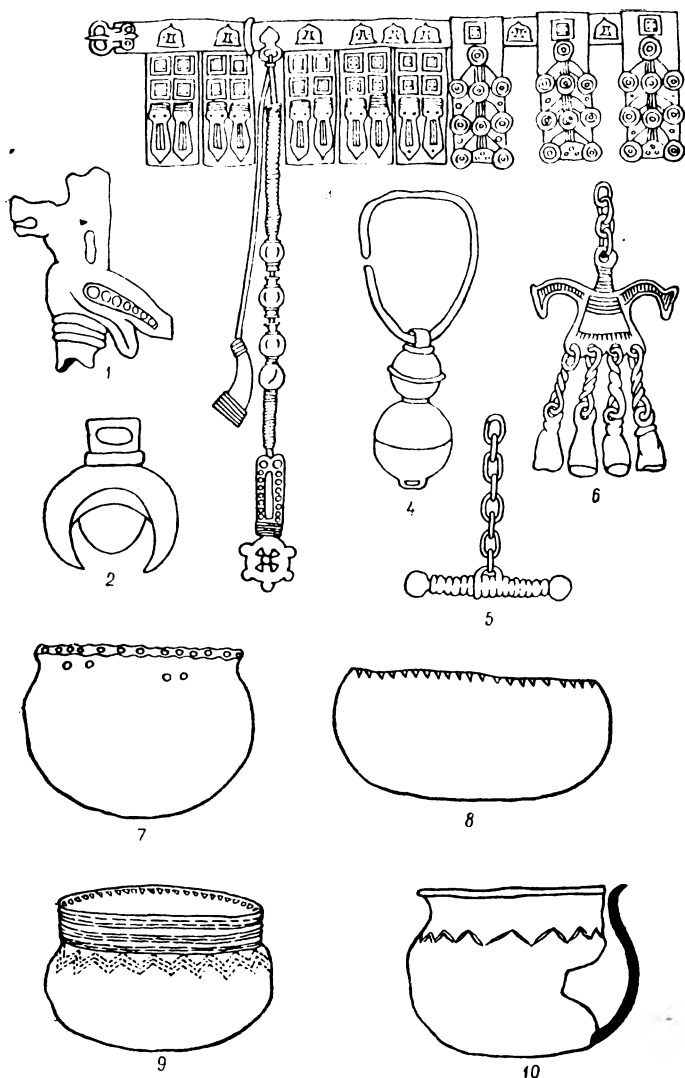

Рис. 43. Украшения и глиняная посуда Неволинского этапа ломоватовской культуры. Из Неволинского могильника.

меховых остатков одежды в могильниках и находки костяных наконечников стрел на поселениях. Пушнина, как об этом неоднократно пишут арабские источники X—XI веков

и русские летописи XII—XV веков, была эквивалентом обмена с южными племенами и народами.

Могильники Неволинского этапа представляют собой целые ряды грунтовых захоронений. Костяки лежат в неглубоких прямоугольных ямах, иногда в деревянных гробах или колодах. В каждом ряду лежит по 8—9 погребений, как на Урьинском могильнике. На Неволинском могильнике число погребений в одном ряду доходит до 20. В каждом ряду — члены одной патриархальной семьи. Сохраняется устойчивость ориентировки погребений, что также говорит о сохранении родовых традиций. В Урьинском и других северных могильниках устойчиво преобладает ориентировка покойных головой на север. Эта ориентировка сохраняется у коми-пермяков до XIX века. В одной из жертвенных ям Урьинского могильника сохранились обугленные остатки деревянных саней и куски бересты. Обычай отвозить покойника на могилу на саях, крытых берестой, сохранялся у коми-пермяков вплоть до XIX века.

Очень характерен набор украшений в женских погребениях Урьинского могильника. Здесь встречаются бляхи, подвески с изображением головы медведя, лежащей между двух лап, совершенно аналогичные гляденовским прототипам (рис. 42, ф. 9). Среди бус преобладают золоченые стеклянные бусы, излюбленные с гляденовского времени, а также мелкие бусы синего и белого цвета, наиболее часто встречающиеся на головных женских уборах коми-пермяков. В части глиняной посуды Урьинского могильника довольно сильна примесь раковин. На металлических идолах снова появляется человеческая фигура во весь рост, характерная для изображений гляденовского времени (рис. 44, ф. 4). Все эти факты говорят о том, что местный элемент выходит победителем и на Неволинском этапе.

В племенах ломоватовской культуры, живших в Верхнем Прикамье на р. Обве и выше, мы можем видеть далеких предков коми-пермяков, ассимилировавших здесь пришедшее угорское население.

Вторжение в IV веке в Прикамье угорских племен вызвало передвижение части местного населения на север. В это время на Печоре и Вычегде начинают появляться отдельные находки и памятники, имеющие полную аналогию с прикамскими. Особенно интенсивно движение населения проходит в VI—VII веках, как это можно видеть на примере Тохтинского поселения на р. Яренге (правый

приток Нижней Вычегды). Керамика Тохтинского поселения имеет близкие черты с керамикой ломоватовской куль-

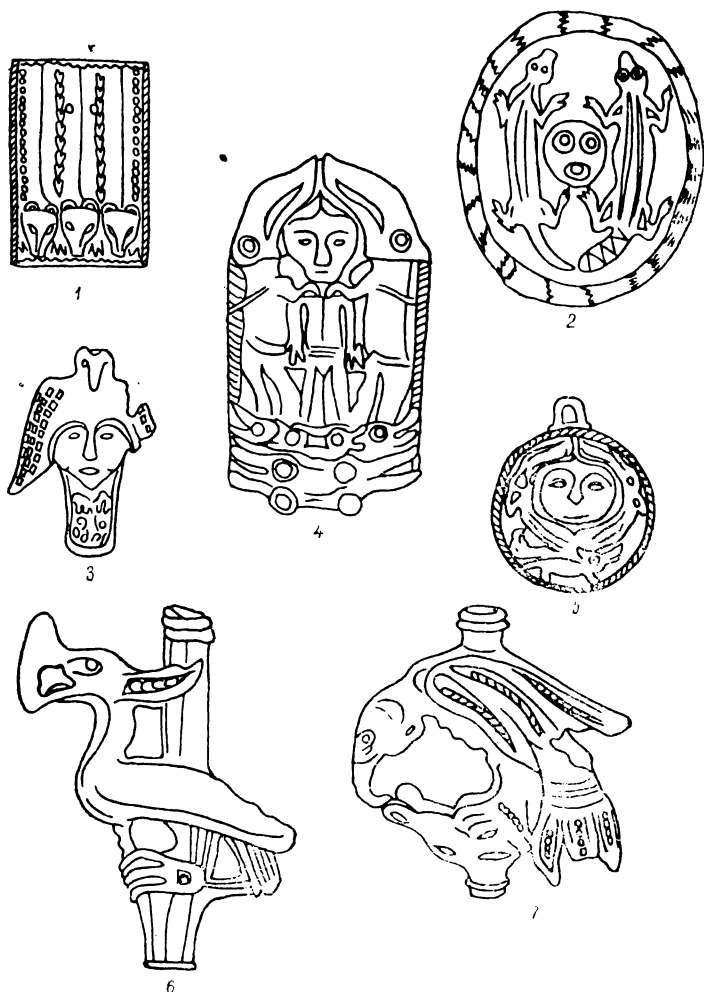

Рис. 44. Вещи «звериного стиля» ломоватовской культуры:
1 — д. Зародята; 2 — д. Купчик; 3 — д. Грудята; 4 — д. Омелина; 5 — с. Редикор; 6 — д. Пуксиб; 7 — д. Плес.

туры. Начинается процесс территориального разделения племен, говорящих на языках коми. На Вычегде постепенно складывается своя культура, имеющая очень близкие черты

с культурой Верхнего Прикамья. Она принадлежит предкам коми-зырян, которые очень близко стояли к коми-пермякам по языку и культуре и сохраняют эту близость до настоящего времени. Процесс переселения с Камы на Вычегду постепенно привел к ассимиляции предками коми редкого местного охотничье-рыболовческого населения, жившего по р. Вашке и Мезени и оставившего памятники типа ванвиздинской стоянки. Эти памятники можно связывать с вепсами. В процессе ассимиляции язык нижне-вычегодских и угорских коми впитал в себя некоторые элементы из вепского языка. Некоторое влияние этой древней культуры сохранилось и в материальной культуре вычегодских коми до X—XIV веков, особенно в способе изготовления глиняной посуды и некоторых орудиях труда, связанных с охотой.

В бассейне Чусовой и Сылвы, там, где степь частично сохранилась, и после того, как засушливый климат сменился климатом, близким современному, угорское население скопилось в гораздо большем количестве, чем в Верхнем Прикамье. Здесь реже было местное население; слабее развито земледелие, лучшие условия для расширения скотоводческого хозяйства пришельцев. В этих местах также на Неволинском этапе совершается переход от курганных погребений к грунтовым, но возврат к гляденовским традициям чувствуется гораздо слабее. Очевидно, угорский элемент здесь постепенно выходит победителем, и не случайно письменные источники и топонимика говорят о народах угорского происхождения, которые обитали в бассейне Чусовой и Сылвы. Позднее — в IX—XV веках — здесь появляются памятники сылвенской культуры. Она имеет генетическую связь с ломоватовскими памятниками Неволинского этапа, а по материальной культуре резко отличается от родановской культуры коми-пермяков.

Общественный строй ломоватовских племен на Неволинском этапе сохраняет черты развитого патриархата. На Неволинском этапе продолжается процесс расселения патриархальных семейных общин на особые поселения. Уменьшается количество общин, живущих на одном поселении. На Зародятском селище, например, жило всего две таких общины.

На погребениях можно проследить углубление имущественного расслоения. Одни погребения чрезвычайно богаты вещами, а другие крайне бедны. В богатых женских

погребениях встречаются десятки бус, среди которых много круглых сердоликовых и хрустальных, серебряные височные кольца с напускной бусиной (рис. 43, ф. 4), многочисленные подвески в виде головок коней (рис. 43, ф. 6) и лунниц (рис. 43, ф. 2), пронизки с изображением фантастических животных (рис. 43, ф. 1) и другие, очень богатые поясные наборы (рис. 43, ф. 3, 5). В бедных погребениях можно обнаружить всего две-три бусы, височное кольцо, нож, одну-две подвески, глиняные пряслица (рис. 42, ф. 7). В богатых мужских погребениях встречаются оружие, железные орудия труда. В погребениях воинов найдены длинные однолезвийные мечи (рис. 42, ф. 6), втульчатые наконечники копий (рис. 42, ф. 5), трехгранные наконечники стрел (рис. 42, ф. 3), железные удила (рис. 42, ф. 2), стрелы (рис. 42, ф. 4) и кинжалы в деревянных ножнах (рис. 42, ф. 1), скрепленных иногда массивными медными кольцами. Характерно, что часто такие богатые военным снаряжением погребения лежат в одном ряду могил, то есть происходят из одной семьи. В этом можно видеть выделение военной аристократии, являвшейся организатором военных набегов и обогащавшейся во время этих набегов.

Есть и очень бедные погребения, в которых лежат всего одна-две вещи, но расположены они тоже в одном из рядов могил. Это — члены бедных или обедневших семейных общин, принадлежащих к тому же роду, что и представители зажиточных семей. Погребения, не имеющие вещей, как правило, лежат не в общих рядах могил, а вне рядов, в беспорядке, это — погребения рабов. Патриархальное рабство, зародившееся еще в ананьинское время, в ломоватовской культуре получило дальнейшее развитие.

Экономическое обособление семейных общин, однако, не привело еще в это время к распаду родовой организации. Могильники здесь являются родовыми, где каждая семейная община имеет свой ряд погребений. Вблизи от могильника обычно располагается несколько городищ. Очень близко друг к другу (иногда на расстоянии не более полукилометра) находятся и сами городища. Родовая организация еще сохраняет свою силу, так как она остается необходимой для проведения крупных хозяйственных мероприятий и для организации военных набегов.

Имущественное расслоение северных племен ломоватовской культуры, где скотоводство было развито слабее, чем в бассейне Сылвы, не принимает таких резких форм,

как у южных племен. Очевидно, большая удаленность от проторенных дорог, по которым совершались военные набеги на соседей, и более суровые условия географической среды, требовавшие много усилий для освоения, не дали возможности быстрого обогащения отдельных семей. Поскольку земледелие там снова стало играть ведущую роль, то и усиление экономического положения отдельных семей могло идти главным образом за счет развития этой отрасли хозяйства. Однако состояние земледельческой техники не давало еще возможности получения излишков продукции, и наоборот, требовало дополнения в развитии других отраслей хозяйства.

45. Торговые связи племен ломоватовской культуры с южными племенами и государствами

Племена ломоватовской культуры поддерживали очень тесные торговые связи с южными племенами и государствами. Обогащавшаяся родовая знать нуждалась в предметах роскоши. Богатые украшения из золота и серебра, и драгоценных и полудрагоценных камней, красивые бусы из камня и пасты являются частыми находками в богатых погребениях ломоватовских могильников. Эти вещи обменивались на пушнину. Охота на пушного зверя становится важной отраслью хозяйства. В Прикамье в это время попадает масса украшений и монет из серебра и золота, которые ведут свое происхождение с Нижней Волги, Северного Кавказа, из далекого Хорезма, а путем посреднической торговли попадают вещи из Ирана, Византии и Малой Азии. В Прикамье попадают замечательные образцы серебряной и золотой посуды, в основном иранского происхождения. На территории Пермской области найдено больше половины всех известных в мире находок иранских серебряных изделий. Среди них имеются предметы, относящиеся к III и IV векам, но большинство их сделано в V—VII веках. Монеты иранских царей встречаются на ломоватовских поселениях и в могильниках. В непосредственной близости от поселений и могильников обнаруживаются находки драгоценной посуды.

В VII—VIII веках в странах Ближнего Востока водворяется мусульманская религия. Эта религия запрещает рисовать людей и животных. Поэтому старые изделия, в частности посуда, на которых были изображены сцены

охоты, боев и пиров иранских царей, а также отдельные животные (рис. 45, ф. 2), стали считаться греховными. Эти изделия охотно сбывались северным племенам в обмен на драгоценную пушнину.

Вместе с иранской посудой путем посреднической торговли на север попала и византийская посуда; правда, ее найдено гораздо меньше по сравнению с иранской. Основной торговый путь, по которому эти вещи проникали на север, лежал по Волге. На всем протяжении Волги от ее низовьев до устья Камы встречаются отдельные находки иранских монет. Этим же путем, но в меньших количествах, проникали на север в VIII и IX веках арабские изделия.

Кроме основного торгового пути по Волге, существовал и другой путь — сухопутный, который шел из Хорезма в среднеазиатские степи, затем через степи северного Казахстана на р. Урал и с него на р. Белую в Башкирию. С Белой он переходил на Уфу и дальше по р. Сарс на Ирень и Сылву, где особенно часты находки привозной серебряной посуды и украшений. Этим путем ехало в начале X века в Волжскую Булгарию посольство Ибн-Фадлана, привезшее на север учителей и проповедников ислама. На всем этом пути встречаются находки восточного серебра и монет.

Из Хорезма через Среднюю Азию в Прикамье попадала часть иранских, византийских, арабских изделий и, конечно, изделия хорезмийских мастеров — медные украшения с изображениями виноградных гроздьев, многочисленные пестрые бусы и серебряная посуда. Около д. Бартым Березовского района Пермской области найдены две серебряные чаши хорезмийского происхождения, с надписями на хорезмийском языке. На одной из них изображено женское божество, сидящее на шее льва (рис. 45, ф. 1). Подобные же находки есть и в других местах Пермской области.

Около д. Бартым в одном и том же месте, кроме двух хорезмийских чаш, найдены большое блюдо, чаша и кубок византийской работы, ладьевидная чаша иранского происхождения и несколько десятков византийских монет императора Гераклия (начало VII века). Рядом с местом находки этих сосудов и монет обнаружены памятники ломоватовской культуры — курганный и грунтовый могильники,

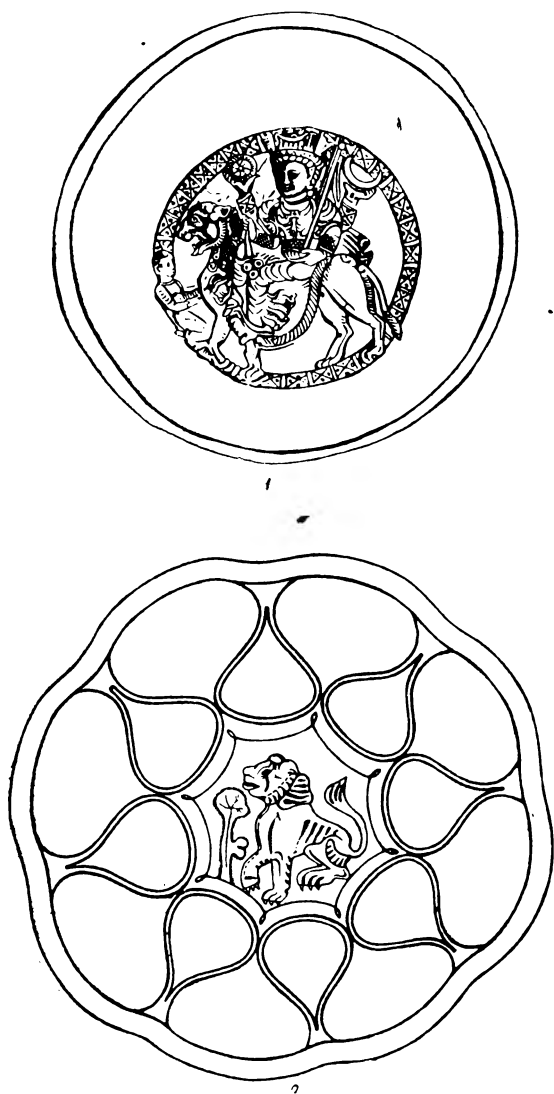

Рис. 45. Серебряные блюда восточного происхождения, найденные в Верхнем Прикамье:

1 — хорезмийское блюдо из д. Бартым Березовского района Пермской области; 2 — сасанидское блюдо из д. Шудьякар Зюздинского района Кировской области.

а неподалеку — у д. Верхняя Сая — большое Ломоватовское городище.

Многими исследователями установлено, что серебряная посуда народами Урала, особенно манси и хантами, вплоть до XIX века, использовалась на их жертвенных местах. Круглые серебряные блюда прибивались к деревьям — они изображали личину идола и в то же время являлись предметами, олицетворяющими солнечный диск или луну. Иногда перед идолами ставились отдельные сосуды и наполнялись монетами и другими вещами, приносимыми в жертву.

У некоторых племен хантов и манси, как показал В. Н. Чернецов, запрещалось есть жертвенное мясо из деревянной и глиняной посуды — для этого предназначалась только металлическая посуда. Серебряные блюда сохранялись у хантов и манси, как родовые или семейные святыни и передавались из рода в род.

Все находки серебряных сосудов около д. Бартым сделаны на пологом берегу р. Бартым, невысоко над рекой, что не характерно ни для поселения, ни для могильника. Здесь не обнаружено культурного слоя или остатков могильных ям. Все сосуды найдены в почвенном слое, а не под почвой, что характерно для захороненных кладов. Местонахождение серебряных сосудов у д. Бартым является, очевидно, остатком древнего святилища, устроенного в стороне от поселений, в лесу.

Основная часть серебряной посуды, полученной путем торговли с южными народами, очень широко использовалась населением Приуралья в культовых целях. Это и вызвало приток большого количества этой посуды.

ГОСУДАРСТВО ВОЛЖСКИХ БУЛГАР

(X—XIII века)

46. Территория, памятники, хозяйство и общественный строй волжских булгар

В VII веке в Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье из Приазовья проникают кочевые орды булгар. В Приазовье они стояли во главе союза племен сармато-алан, которые подверглись в период нашествия гуннов сильному влиянию тюркоязычных племен. В VI в. булгарский

союз в Приазовье был разбит аvaraми и хазарами. Одна группа болгарских племен откочевала на Дунай — там она была ассимилирована местным славянским населением. Другие болгарские племена переселились в среднее течение Волги и низовья Камы, где смешались с местным населением, говорившим на языках финно-угорской системы. По уровню своего общественного развития тюркоязычные болгары стояли на той же стадии разложения родового строя, что и местные племена. Однако более высокая военная организация позволила им подчинить себе местное оседлое население и сыграла огромную роль в процессе образования государства.

В X веке на территории Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья сложилось феодальное государство Волжских болгар. Границы его простирались на север до Елабуги на Каме, на востоке — до р. Белой, на юге — до Самарской луки, на юго-востоке — до р. Урала, на западе — по Волге до Чебоксар. В состав этого государства вошли территории местных племен — предков чувашского, марийского, башкирского, мордовского и удмуртского народов. Ассимилированное булгарами население в центре государства послужило основой для сложения народности казанских татар.

На территории Булгарского государства широко распространяются очень небольшие по площади городища. Они представляли собой феодальные замки, обнесенные несколькими высокими валами. Некоторые из замков имели мощные каменные укрепления. Строительство укреплений было не под силу немногочисленным обитателям городищ — они возводились руками зависимого населения.

Примером такого городища-замка является Чертово городище около гор. Елабуги. Оно представляет собой четырехугольную каменную постройку с четырьмя круглыми башнями по углам. Этот замок стоит на месте селища добулгарской эпохи. Булгарский феодал захватил поселение местной родовой общины, изгнал или покорил местное население, возвел на месте селища каменный замок, вокруг которого впоследствии вырос пригород, где жило ремесленное население и зависимые от феодала крестьяне.

Некоторые исследователи считают, что Елабужское Чертово городище является остатком булгарского города Брахимова, взятого и разоренного в 1164 году русским владими́ро-суздальским князем Андреем Боголюбским.

Работами Куйбышевской археологической экспедиции под руководством А. П. Смирнова хорошо исследованы археологические памятники волжских булгар, дающие очень полное представление о их хозяйстве, ремеслах, быте и общественном строе.

Главными центрами Булгарского государства были три больших города: Булгар (в 30 км ниже устья Камы на Волге), Сувар (южнее Булгара, в 40 км к востоку от Волги) и Биляр (южнее Суvara). В Булгаре и Суваре большие раскопки велись несколько лет.

Булгар возник на месте небольших поселков местного земледельческого населения. Здесь рано возникло торжище, о чем говорят находки римских монет. В X—XII веках здесь возникает небольшой город, сосредоточивший ремесленное и торговое население. На непродолжительное время в X—начале XI веков он становится столицей государства, а к XII в. столица переносится в Биляр. При раскопках Булгара в слоях X—XII веков обнаружены остатки сыродутных горнов для варки железа, остатки гончарного производства, костерезного ремесла, получен богатый материал, свидетельствующий о широких торговых связях. Сюда привозились товары из городов древней Руси, Византии, Ирана, Средней Азии, Китая. В 7 км от гор. Булгар на берегу Волги находилось урочище Ага-Базар или Главное торжище. Здесь обнаружен большой ремесленный пригород с домами ремесленников, с металлургическими и гончарными мастерскими и домами купцов.

В раскопках гор. Суvara обнаружены развалины кирпичного дворца, построенного в X веке. Стены его были облицованы зелеными и голубыми поливными кирпичами. В архитектуре этой постройки чувствуется влияние среднеазиатских мастеров. Дома простых горожан были плетневые глинобитные или бревенчатые со сводчатыми или цилиндрическими печами, очень похожими на среднеазиатские. В подпольях домов открыты зерновые ямы с остатками зерен пшеницы. Сувар был укреплен высоким валом, по которому шла деревянная стена из ряда срубов, заполненных землей, поставленных впритык друг к другу. Наверху стояли восьмигранные деревянные башни, между которыми шел бревенчатый тын. Перед валом находился ров, глубиной до 5 метров.

Булгары в X веке приняли от арабов мусульманскую

религию. Эта религия укрепляла власть феодалов — владельцев земли, которые за пользование землей заставляли крестьян работать на себя. Булгарские феодалы часто устраивали военные набеги на соседей — феодалов и на соседние государства. Это была борьба за землю и за крестьян. Такая борьба шла и между булгарскими и русскими феодалами.

В первое время булгары сохраняли следы кочевого быта — летом жили в войлочных юртах, занимались скотоводством, ели конину, были хорошими наездниками. У них было сильно развито кожевенное дело, продукция которого шла на вывоз.

Однако под влиянием местного населения у булгар очень сильно развилось земледелие, ставшее основой хозяйства. Исследования А. В. Кириянова показали, что булгарское земледелие стояло на очень высоком уровне. В их зерновых ямах хранилось много зерна. На булгарских поселениях часто встречаются железные лемеха тяжелых плугов, использовавшихся для вспашки целинных и залежных земель, и мелкие сошники-ральники от многозубых сох, применявшихся для обработки старопахотных земель. У булгар имелись железные серпы очень развитой формы, которые служили вместе с сохами-горбушами орудиями уборки урожая. Первое место среди зерновых у них занимали мягкая пшеница и просо. Возделывались овес, ячмень, рожь, а также чечевица, горох, конопля. В Волжской Булгарии широко использовались все культуры современного земледелия. Основной системой земледелия булгар стала прогрессивная по тому времени паровая зерновая система в форме трехполья.

Наряду с широким развитием земледелия и скотоводства булгары достигли очень высокого уровня развития ремесел в городах. Ремесло здесь отделилось от земледелия. Ремесленники здесь были узко специализированы, они имели совершенные по тому времени орудия труда. Кузнецы-оружейники изготавливали железные копья, стрелы, мечи, боевые топоры, кольчуги, шлемы. Другая часть кузнецов специализировалась на изготовлении сельскохозяйственных орудий. Булгары умели вырабатывать сталь путем науглероживания железа, а позднее, в XIV веке, овладели секретом получения чугуна. Очень высоко стояло у булгар ювелирное дело, производство изделий из меди, костерезное, кожевенное, строительное и другие ре-

месла. Плоскодонную глиняную посуду они делали из хорошо приготовленного отмученного глиняного теста на гончарном круге и обжигали в специальных печах.

В развитии ремесел в болгарских городах принимали активное участие ремесленники из местного населения, которые изготавливали вещи по тем традиционным образцам, которые давно уже сложились в Прикамье. При раскопках Суvara найдена круглодонная посуда с веревочным и гребенчатым орнаментом, сделанная ремесленником — выходцем из местного населения. В Булгаре и Биляре найдены литейные формы для отливки коньковых подвесок, являвшихся излюбленным украшением прикамского населения.

В начале XIII века государство Волжских болгар пало под ударами татаро-монгольских орд Батыя. Болгарские города были разграблены и сожжены. Население было частью уничтожено, частью попало в плен, а значительная часть его бежала на север в прикамские леса. Территория болгарского государства была включена в состав Золотой орды. В XIII—XIV веках руками местных жителей восстанавливается высокая культура части болгарских городов, в том числе и гор. Булгара. Татаро-монголы согнали сюда ремесленное население из захваченных ими русских и других областей Восточной Европы и из городов Средней Азии. В XV веке, после разгрома Булгарского царства войсками русских феодалов, на место разрушенного Булгара выдвигается новый город — Казань.

Высоко развитая культура Булгарского государства была унаследована потомками волжских болгар — казанскими татарами, а также другими народами Поволжья, входившими в состав этого государства — чувашами, мари, мордвой, удмуртами.

47. Влияние государства волжских болгар на развитие племен Прикамья

Государство Волжских болгар было первым феодальным государством, сложившимся в области Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья. Оно имело высоко развитую культуру. Это государство оказало большое влияние на разложение родового строя у местных племен Прикамья и на развитие их материальной и духовной культуры.

Наибольшему влиянию болгар подверглись племена, жившие в низовьях Камы. На территории этих племен

появляются замки болгарских феодалов, примером которых может служить упоминавшееся уже Чертово городище. Это городище являлось опорным пунктом господства болгар над удмуртскими племенами. Отсюда они совершали набеги на села, облагали их данью, забирали у населения все вплоть до женских украшений. Недаром удмуртские женщины пели в старину об этом: «Сама раковин не поносишь, а ему отдай».

Под влиянием болгар происходит феодализация и в среде местного населения. Народные предания удмуртов сохраняют от этого времени картины борьбы отдельных сильных военных вождей, стремящихся к захвату власти над своими соплеменниками. Одна из легенд связана с именем Донды, которое сохранилось в названии известного Дондыкарского городища на Чепце. По этой легенде Донды подчинил себе окрестные селения, и они платили ему дань натурой и отчасти работой на полях. Есть предание и о городище Узя-кар, где говорится о первом выступлении зависимых крестьян, расправившихся с обнаглевшим в своих поборах землевладельцем.

Эксплуатация болгарскими феодалами местного населения вызывала стремление местной знати последовать их примеру. Вожди и дружинники пытаются эксплуатировать своих сородичей. Происходит борьба между отдельными вождями за захват чужой территории и обложение данью покоренных. Эту борьбу отражает удмуртское предание о борьбе Можга-батыря с Бия-батыром из-за лугов на р. Вала и еще несколько подобных легенд. Однако рядовые общинники упорно сопротивлялись притязаниям знати. Борьба между членами общин и родовой знатью затягивается надолго, вплоть до XIV—XV веков, когда удмуртские земли были захвачены болгарскими и татарскими феодалами, а вскоре после этого вошли в состав Русского феодального государства.

Булгары оказали влияние и на развитие материальной культуры местного населения, причем сильнее это влияние чувствовалось в Нижнем Прикамье у удмуртских племен. На удмуртских землях возникают болгарские города. Помимо Чертова городища, обнаружены остатки еще одного города — Кременчука, расположенного на р. Кирмень в 11 км от Камы. Другой город — Жукотин — находился в 5—6 км от гор. Чистополя. Это были крупные города с торговым и ремесленным населением. Сюда приходили

иноземные купцы и обменивали свои товары на прикамскую пушнину. В руки местной знати попадали предметы роскоши, более совершенные орудия труда, что способствовало укреплению этой знати, усиливало процесс феодализации в целом.

На поселениях и в могильниках чепецкой культуры удмуртов довольно часто встречаются изделия болгарских мастеров. Болгарское ремесло серьезно повлияло на развитие ювелирного, кузнечного, литейного и других ремесел у местных племен. Но особенно большое влияние оказали болгары на развитие земледелия. С X—XI веков на поселениях чепецкой культуры появляются сошники-ральники, давшие возможность перейти к пашенному земледелию и повысить продуктивность этой отрасли хозяйства. Болгары оказали влияние не только на технику земледелия, но и на распространение на север таких культур, как просо.

Как мы уже писали выше, у племен азелинской культуры пашенное земледелие зарождается еще в VI веке — до прихода болгар. Там же начинается процесс замены родовых связей территориальными и появляется сельская община.

Чем же объяснить тот факт, что местные племена Нижнего Прикамья, стоявшие на грани образования классового общества, в то же время не перешли эту грань? Это могло быть связано с тем, что стремление болгарских феодалов покорить эти земли и превратить население в зависимых крестьян встречало упорное сопротивление рядовых членов общин. В борьбе с наступающим феодализмом родовые институты оказывались выгодными даже для местной знати, так как давали возможность организовывать общий отпор врагу. В период опасности порабощения со стороны иноязычных феодалов, очевидно, усиливается стремление сохранить старые родовые связи, или там, где они сложились, — территориальные связи сельской общины для сплочения в борьбе с врагами. Движение народных масс сдерживало стремление местной знати к захвату власти над общинами и вынуждало ее выступать вместе со всеми против болгарских феодалов. Это затормозило и процесс становления феодализма.

Болгары оставили след и в удмуртском языке, в котором осталось много заимствований из болгарского языка, в том числе такие слова, как «плуг» и «деньги».

Значительное влияние оказали болгары и на предков

башкирского народа. Западные башкиры входили в состав болгарского государства, платили дань болгарским феодалам мехами, воском, медом, лошадьми. Под влиянием болгар ускорился процесс феодализации местной знати, часть которой стала вассалом болгарских ханов. Булгары усилили тюркские элементы в башкирском языке, принесли башкирам мусульманскую религию.

Булгарское государство оказало влияние и на племена Верхнего Прикамья. В домонгольский период это влияние распространялось путем торговых связей болгар с северными племенами, о которых много пишут арабские и среднеазиатские авторы. В Верхнее Прикамье попадает болгарская гончарная посуда, серебряные украшения, металлическая посуда и другие вещи (рис. 46). Однако большая часть предметов болгарского происхождения встречается на поселениях и в могильниках родановской культуры, относящихся уже к XIII—XIV векам. В это время гораздо сильнее чувствуется непосредственное влияние болгарского ремесла на развивающиеся местные ремесла. Особенно хорошо это видно на глиняной посуде. Она еще сохраняет примесь раковин в глиняном тесте и основную форму открытой чаши, но уже часто имеет плоское дно, следы лощения на стенках сосуда, наклепные ручки и волнистый орнамент, чем копирует болгарскую красноглиняную посуду.

Влияние болгар чувствуется и на развитии местной металлургии и металлообработки. Появляются специальные кузнечные и плавильные горны, очень похожие на болгарские. Тигли, имевшие ранее конусовидную форму, приобретают форму цилиндра. Развивается филигранно-зерневая техника изготовления украшений, копирующая прямо или в видоизменении болгарские изделия. Увеличивается также число крупных сердоликовых и хрустальных бус, часть которых, очевидно, привозилась из русских земель, но часть, несомненно, попадала от болгар, имевших мастерские по производству этих бус. Встречены единичные находки проса, которого раньше не было в Верхнем Прикамье, — и оно несомненно появилось с булгарами.

Это усиление болгарского влияния на племена Верхнего Прикамья в XIII—XIV веках могло быть связано с притоком болгарского населения, бежавшего на север из земель, разоренных татаро-монголами. Часть болгар селилась самостоятельными поселками, о чем говорят назва-

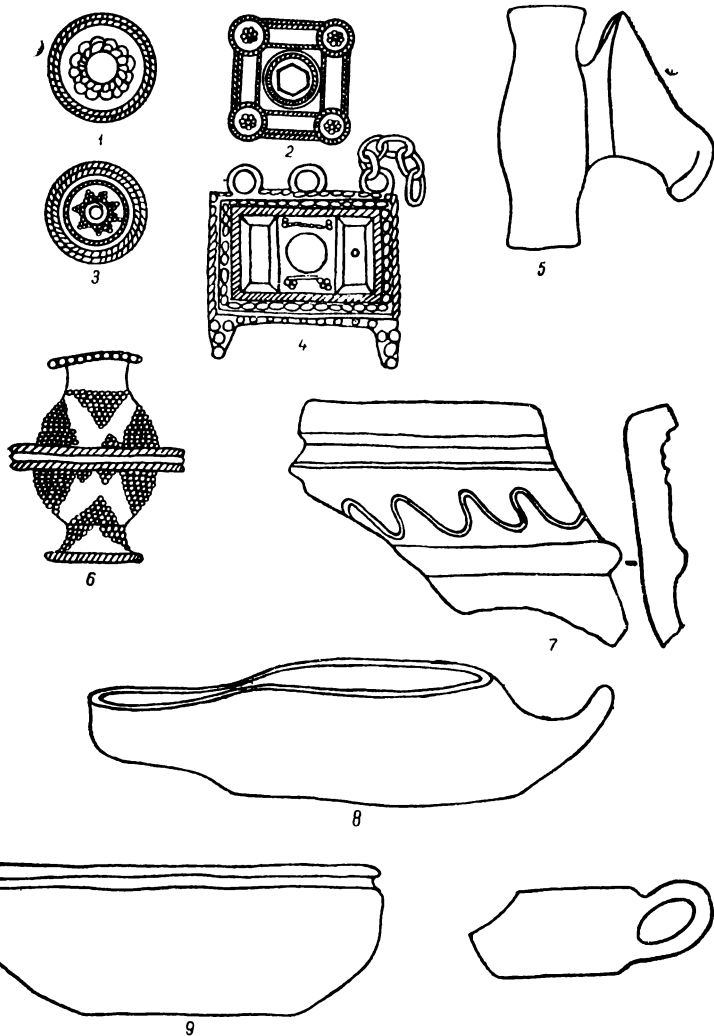

Рис. 46. Украшения и глиняная посуда болгарского происхождения, найденные на городище Анюшкар (Кыласово):

1—3— серебряные бляшки, украшенные зернью; 6, 4 — подвески; 5 — костяная рукоять нагайки; 7—8 — красноглиняная посуда; 9—10 — поливная посуда золотоордынского времени.

ния некоторых деревень и сел Пермской области, например д. Болгары в Верхне-Муллинском районе. Часть их селилась вместе с местным населением, входя в состав территориальной сельской общины. Интересно, что в д. Черти Очерского района половину жителей до сих пор зовут болгарами. В Коми-Пермяцком округе сохраняется изготовление глиняной посуды ручным способом или на гончарном круге, которая формой и лощением сильно напоминает болгарскую посуду.

Все это — свидетельство того, что болгары оказали влияние на развитие ремесла и других видов материальной культуры верхнекамских племен, а входя в состав местных сельских общин, способствовали ослаблению родовых связей у местного населения и ускорению процесса феодализации.

ЧЕПЕЦКАЯ КУЛЬТУРА

(IX—XV века)

48. Территория и памятники чепецкой культуры

Бассейн р. Чепцы начинает заселяться в ломоватовское время. Об этом говорят отдельные находки вещей на поселениях, клады серебряной посуды и ранние погребения Поломского могильника. Однако этот период еще совершенно не исследован, хотя изучение его особенно необходимо: в IX—XV веках на Чепце появляется большая группа археологических памятников, оставленная населением — предками удмуртского народа.

Выше мы уже писали о том, что одной из групп племен, вошедших в состав удмуртской народности, являются племена азелинской культуры на р. Вятке, которые были потомками племен пьяноборской культуры. Азелинская культура выявлена недавно, и ее поздняя дата — VI век — пока установлена ориентировочно. В то же время на р. Вятке есть несколько памятников VIII—XII веков, генетическая связь которых с азелинской культурой весьма вероятна. К числу таких памятников относятся Лопьяльский, Юмский и Кочергинский могильники и несколько городищ. Возможно, что на территории, занятой этими памятниками, формировались этнические общности, известные под именем удмуртских племен Калмез и Вятка, о которых говорят народные предания.

Племя Калмез можно локализовать на левом притоке Вятки — р. Кильмезь. Против устья этой реки на правом берегу Вятки находится могильник пьяноборской культуры — Тюм-Тюм, а в среднем течении Кильмези — Вичмарский могильник переходного времени от пьяноборской к азелинской культуре. На притоке Кильмези Вале А. П. Смирнов обнаружил несколько поселений IX—XIV веков, которые он считает принадлежащими предкам удмуртов.

Местоположение племени Вятка пока невозможно определить точно. Вероятнее всего, оно жило в среднем течении Вятки, где обнаружено несколько памятников X—XIV веков, которые можно связать с этногенезом удмуртов.

Основная территория, на которой находятся памятники IX—XIV веков в Удмуртии, — это бассейн Чепцы. Здесь их более 50. Они располагаются очень густо, создавая впечатление большого скопления населения в этом районе. Естественно здесь искать остатки былой жизни того племени, которое стало во главе союза племен, послужившего основой для сложения удмуртской народности, и дало название самой народности. Тем более, что и географические названия с корнем «уд», «ут» очень часто встречаются в бассейне Чепцы, например: дд. Лудошор, Шудегурт, Пудвай, Ташьялуд.

Поселения чепецкой культуры представлены городищами и селищами. Селища пока исследованы очень плохо. Раскопками А. П. Смирнова и С. Г. Матвеева изучены городища Донды-кар, Сабанчи-кар и Идна-кар.

Городище X—XII веков Сабанчи-кар расположено около д. Солдырь на правом берегу Чепцы. Оно имеет площадь около 5,5 тысячи кв. метров. Городище защищено невысоким валом. На поселении обнаружены остатки жилищ в виде очагов, сложенных из камня на деревянном подстиле, и ям-кладовок для хранения запасов пищи.

Культурный слой городища содержит большое количество остатков материальной культуры, среди которых особенно много костей животных и глиняной посуды. Глиняная посуда имеет характерную для Верхнего Прикамья форму круглодонной открытой чаши, с примесью раковины в глиняном тесте. Эта посуда орнаментирована отпечатками веревочки и сложными штампами в виде

прямоугольных, вытянутых или квадратных рамок, кружков, и особенно часто — в виде треугольников.

На городище найдены земледельческие орудия (песты) и зерна ячменя. 60 процентов найденных костей принадлежит домашним животным и около 40 процентов — диким животным.

Очень интересный материал дали раскопки городища X—XIV веков Донды-Кар, расположенного около д. Донды-кар в 10 км от р. Чепцы. Это городище было укреплено валом, который с внутренней стороны имел стену из больших горизонтально положенных бревен, закрепленных кольями. По гребню вала шел тын, состоявший из вертикально вкопанных бревен, диаметром до 30 см. Частокол из вертикально вкопанных бревен шел по всему краю городища, защищая его со всех сторон. На площадке городища обнаружены остатки 19 домов. Жилища представляли собой бревенчатые избы, площадью около 24 кв. м, с деревянным полом из досок. В южном углу домов на глиняной прослойке находился очаг, сложенный из обожженных камней. Дома эти имели дощатую двухскатную крышу, остатки которой обнаружены на полу одного из жилищ. Устройство домов городища Донды-кар аналогично устройству куалы — помещения, в котором удмурты вплоть до XIX века совершали свои богослужения.

Вокруг домов располагались хозяйственные постройки — сараи и кладовки. Ямы-кладовки имели прямоугольную форму, стенки их были укреплены деревянным срубом или досками и выстланы изнутри берестой или лубом. На городище раскопаны остатки колодца. Около вала городища располагались кузницы. Под навесом из столбов помещалась каменная наковальня, а рядом с ней — горн в виде неглубокой ямы, выложенной камнями. Около горна находилась угольная яма и яма для свалки шлаков и мусора. В очень богатом культурном слое городища найдены земледельческие орудия, среди них: железные ральники, мотыги, косы-горбуши и каменные массивные жернова. Глиняная посуда имеет ту же форму, что и на городище Сабанчи-кар. В ее орнаменте также преобладают узоры из сложных штампов и особенно из треугольного штампа (рис. 47, ф. 10, 11, 13, 14).

Могильники чепецкой культуры представляют собой ряды грунтовых погребений, лежащих в неглубоких прямоугольных ямах, ориентированных на восток и северо-

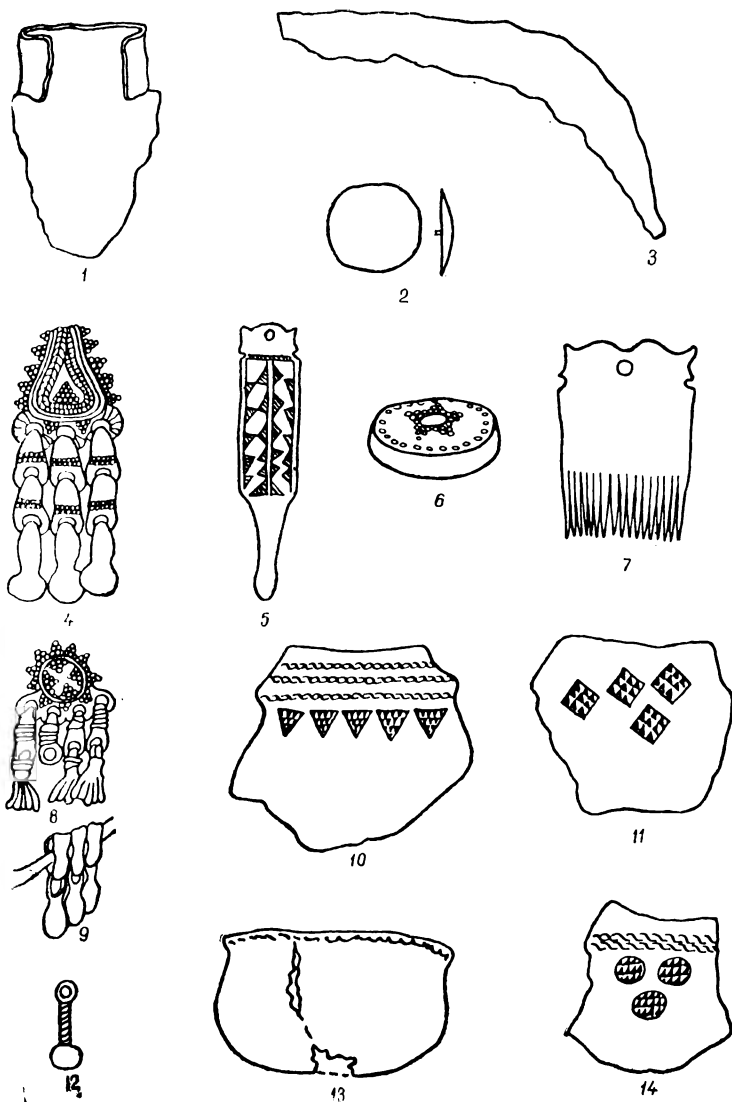

Рис. 47. Орудия труда, украшения и глиняная посуда
 чепецкой культуры: 1, 3, 5—7, 10, 11, 13, 14 — городище Донды-кар;
 2, 4, 8, 9, 12 — могильник Чем-шай.

восток. Некоторые погребения лежат в деревянных гробах или колодах. После закапывания могилы на ней устраивалась тризна-пиршество. Об этом говорят остатки в виде зольно-угольных прослоек и глиняных сосудов, приносимых с пищей.

Раскопки могильника Чем-шай, расположенного около городища Сабанчи-кар, дали возможность проследить значительное имущественное расслоение, проявляющееся в наличии богатых и бедных погребений. Раскопки этого могильника дали также возможность выявить характерные черты женского костюма того времени, который очень близок к костюму удмуртских женщин.

Женский костюм IX—X веков состоял из длинной рубахи с длинными рукавами, собранными у кисти и украшенными браслетами. По подолу рубаха была обшита бусами. Она подпоясывалась ремнем, богато украшенным бляшками и шумящими подвесками. Среди бляшек встречаются круглые плоские, аналогичные бляшкам, встречавшимся в пьяноборское время (рис. 47, ф. 2). Основными типами шумящих подвесок являются подвески с треугольной основой и тяжелыми круглыми бубенчиками (рис. 47, ф. 4), подвески с звездчатой основой, украшенной треугольниками зерни (рис. 47, ф. 8), и подвески в виде плоских кружков, очень похожие на пьяноборские подвески из могильника Тюм-Тюм (рис. 47, ф. 9, 12). На шее женщины носили круглопроволочные шейные гривны, также очень похожие на пьяноборские, и ожерелья стеклянных разноцветных бус. Кожаная обувь была сделана из одного куска кожи — у щиколотки она стягивалась тонким ремнем.

На голове женщины носили небольшую плоскую шапочку из ткани с меховой отделкой и шерстяным верхом. В центре ее находилась металлическая пуговица, от которой по бокам спускались на ремешках проволочные спиральки, заканчивающиеся на концах шумящими подвесками подтреугольной формы с двумя длинными цепочками с бубенчиками. В конце XIX века удмуртские женщины продолжали носить головные уборы, похожие на этот, только шумящие подвески были заменены серебряными монетами.

Обряд погребения, характерный для могильников чепецкой культуры, сохраняется и позднее. Он обнаруживается с некоторыми изменениями при раскопках удмуртских могильников XV—XVII веков.

49. Хозяйство, ремесла, общественный строй

Основой хозяйства племен чепецкой культуры было пашенное земледелие. На Дондыкарском городище найдено пять железных сошников (рис. 47, ф. 1), а на городище Идна-кар — четыре. Земледелие развивалось на основе подсечной системы. На поселениях этого времени очень часто встречаются лесорубные топоры. Население сеяло рожь, овес, ячмень, пшеницу, полбу. Для уборки урожая оно пользовалось железными серпами и косами-горбушами (рис. 47, ф. 3). Зерно молотило на ручных каменных жерновах. Об увеличении продуктивности земледелия говорят запасы зерна, найденные в ямах-кладовках.

На городищах и селищах найдены кости коров, овец, свиней и лошадей.

На городище Донды-кар обнаружен сарай для стойлового содержания скота, на полу которого сохранилась прослойка перегорелого навоза и соломы.

Большое значение в хозяйстве имела охота, особенно в IX—XII веках. Мы уже говорили о том, что 40 процентов всех костей животных, найденных на городище Сабанчи-кар, принадлежат диким животным. На городищах обнаружено большое количество наконечников стрел разнообразных типов, манки-дудочки для подманивания птицы, остатки сложного охотничьего лука. Рыболовство служило подсобным промыслом в занятиях населения.

У племен чепецкой культуры в XI—XII веках происходит на базе развитого пашенного земледелия отделение ремесла от земледелия. Появляются специальные поселки ремесленников вроде Кушманского городища, на котором жили кузнецы. Ремесленники-кузнецы получают специальные орудия труда: кузнечные зубила, молотки, клещи. Однако вся обработка металла сосредоточивается еще в в одних руках. Отделения литейщиков от кузнецов еще не происходит. Об этом говорят находки в кузницах предметов меднолитейного дела — тиглей, льячек, литейных форм. Начинает выделяться ювелирное дело, на развитие которого большое влияние оказывает болгарское ремесло.

К числу домашних производств, широко развившихся у племен чепецкой культуры, относится обработка дерева с помощью железных топоров, скобелей, долот и ложкарей. На городище Донды-кар найдены остатки деревянной посуды. Очень сильное развитие получает костре-

резное дело. Из кости с помощью железных ножей изготавливается масса бытовых вещей (рис. 47, ф. 5, 7), иногда заменяющих недостающие железные вещи.

Племена чепецкой культуры уже знали ткацкий станок с горизонтальной основой, остатки которого найдены на городище Донды-кар. В могильнике Чем-шай найдены сложные ткани с диагональным переплетением.

Производительные силы у племен чепецкой культуры достигли значительного развития. Это способствовало разложению родового строя, усилению экономической самостоятельности патриархальных семей, а затем и выделению из них малых семей. На таких городищах IX—XII веков, как Сабанчи-кар, жили одна или несколько родственных патриархальных семей. На городище Донды-кар мы видим уже около двух десятков домов, которые по своей площади достаточны только для обитания в них малых семей. Очевидно, в XIII—XIV веках малые семьи обособляются экономически и выделяются из больших патриархальных семей. Создаются предпосылки для распада родовых связей и сложения территориальной сельской общины. В XIII—XIV веках сохраняются только единично укрепленные поселения типа городищ. Основная масса населения живет на неукрепленных селищах, на которых часто встречаются находки сельскохозяйственных орудий труда.

В это же время появляются небольшие городища с очень сильными укреплениями в виде высоких валов. В них можно видеть остатки укрепленных усадеб феодализирующей знати, которая противопоставляет себя общине и пытается захватить власть и эксплуатировать своих родичей. Этой знати принадлежат погребения мужчин с богатым оружием и женские погребения с большим количеством привозных украшений.

На процесс разложения родового строя и становление феодализма большое влияние оказывают булгарские феодалы, о чем мы уже говорили выше. Однако процесс сложения феодальных отношений на территории Удмуртии затягивается до XV века, то есть до того времени, когда эти земли вошли в состав Русского феодального государства. Русское население Вятской земли, укрепившееся здесь еще в XIII—XIV веках, оказывало сильное влияние на разложение родового строя местных племен.

У русских поселенцев на Вятке, большую часть которых составляли крестьяне, бежавшие от татаро-монголь-

ского разорения, земля являлась собственностью сельских общин, против которых боролись феодалы. В условиях сельской общины легче было сохранить экономическую самостоятельность малых семей, имелось больше возможностей для перехода из одной общины в другую общину и освоения новых земель под пашню, для более тесного экономического общения между членами разных общин, а не только в рамках замкнутых родовых коллективов. Близкое соседство с русскими сельскими общинами ускорило процесс становления сельских общин у местных племен. В условиях появления территориальных общин создаются предпосылки экономического и идеологического сближения отдельных племен для образования более крупной этнической общности — народности.

50. Чепецкая культура — культура предков удмуртского народа

Памятники чепецкой культуры располагаются на той территории, которая в настоящее время является основной территорией обитания удмуртского народа. В материальной культуре этих памятников прослеживается очень много черт, связывающих их непосредственно с памятниками удмуртов. Особенно четко это проявляется на могильниках. Обряд погребения, существовавших у удмуртов в XV—XVIII веках, полностью повторяет обряд погребения у племен чепецкой культуры. Антропологический тип населения, оставившего чепецкие могильники, как это видно на исследованных Г. Ф. Дебецом черепах из Поломского могильника, аналогичен антропологическому типу удмуртов и ведет свое происхождение еще с ананьинского времени. Женский костюм, восстанавливаемый по раскопкам чепецких могильников, очень похож на костюм удмуртских женщин XVIII—XIX веков. Это подтверждается этнографическими исследованиями удмуртской народной одежды, проведенными В. Н. Белицер. Жилища, раскопанные на Донды-карском городище, также очень близки древним удмуртским постройкам типа «куала», а само название дома (по-удмуртски «корка») означает бревенчатую постройку.

Многое для определения этнических общностей дают украшения, особенно украшения женского костюма: Шумящие подвески с треугольной и звездчатой основой и под-

вески с круглыми бляшками являются характерными для племен Чепецкой культуры. Они не встречаются или очень редко встречаются, попадая путем обмена, на памятниках других культур.

Не менее важен для установления этнического своеобразия орнамент и узор. На глиняных пряслицах (рис. 47, ф. 6), костяных кочедыках, рукоятках ножей и шилев, копоушках (рис. 47, ф. 5), гребнях и других вещах чепецкой культуры излюбленным является орнамент в виде треугольников. Этот же тип орнамента преобладает на глиняной посуде. Треугольники зерни украшают основы шумящих подвесок. На глиняной посуде чепецких поселений и могильников распространен также орнамент в виде сложных рамочных штампов.

Треугольный орнамент и орнамент в виде квадратов, ромбов, прямоугольников широко распространен на удмуртской народной одежде. Треугольник преобладает и в начертании родовых знаков — тамг у удмуртов вплоть до XIX века.

Все эти факты позволяют говорить о том, что чепецкая культура, ведущая свое происхождение от древних ананьинско-пьяноборских племен, является культурой предков удмуртского народа, в период сложения его в народность. Перечисленные выше аналогии чепецких памятников относятся не к отдельным частям удмуртского народа, а являются общими на всей территории Удмуртии. Очевидно, племена или племя чепецкой культуры послужило тем ядром, вокруг которого объединились все жившие по соседству племена, говорившие на родственных языках, и выработали при этом объединении ту общность материальной и духовной культуры, которая характерна для образовавшейся народности.

РОДАНОВСКАЯ КУЛЬТУРА ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ

(IX—XV века)

51. Территория и памятники родановской культуры. Периодизация

В IX веке заканчивается процесс ассимиляции местными коми-пермяцкими племенами пришлого угорского населения. Люди переходят к прочной оседлости на базе

развитого подсечного земледелия, снова ставшего основой хозяйства, получившего преобладание над скотоводством. Происходит дальнейшее освоение внутренней территории Верхнего Прикамья. Часть старых ломоватовских поселений и могильников сохраняется, но появляются новые поселения и новые могильники, несколько отличающиеся от ломоватовских. В материальной культуре еще сильнее чувствуется возврат к старой гляденовской традиции. Все это позволило М. В. Талицкому выделить памятники X—XIV веков в Верхнем Прикамье под именем родановской культуры. Впоследствии дата культуры была уточнена нами как IX—XV века.

Родановская культура получила свое название по Роданову городищу, расположенному в 50 км ниже гор. Березников на правом берегу р. Камы. Памятники этой культуры распространяются на той же территории, что и памятники северного варианта ломоватовской культуры и генетически связаны с последними. Границы распространения родановских племен, являвшихся потомками северных племен ломоватовской культуры, менялись. В IX—XII веках северная граница их проходила по Колве в районе Чердыни, западная — по левому берегу Камы в Зюздинском и Кайском районах Кировской области, южная — в бассейне Обвы, восточная — по левому берегу Камы, занимая нижнее течение ее левых притоков — Косьвы, Чаньвы и других (рис. 48).

Уже в это время четко выделяются три основных района, в которых группируются памятники родановской культуры. Первый из них находится в Зюздинском районе, второй — в Чердынском и Гайнском районах и третий — в бассейнах Иньвы и Обвы. Эти районы соответствуют в основном районам распространения диалектов коми-пермяцкого языка и являлись, очевидно, территориями отдельных племен или групп, близко родственных племен.

Непосредственными соседями родановцев на востоке были племена манси, оставившие археологические памятники в среднем течении левых притоков Камы (например, Чаньвенская пещера). В XIII—XIV веках эти племена вытесняют родановцев с левобережья Камы, где с этого времени не встречается памятников родановской культуры, и граница между коми-пермяками и манси проходит по Каме. В этот же период родановские племена продвигаются на северо-восток — в бассейн Язьвы и среднего тече-

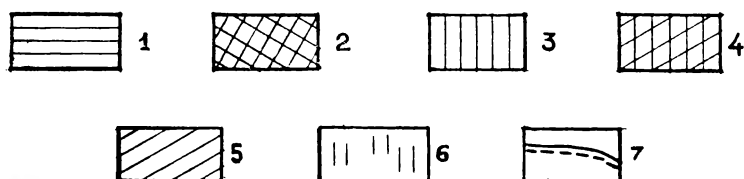
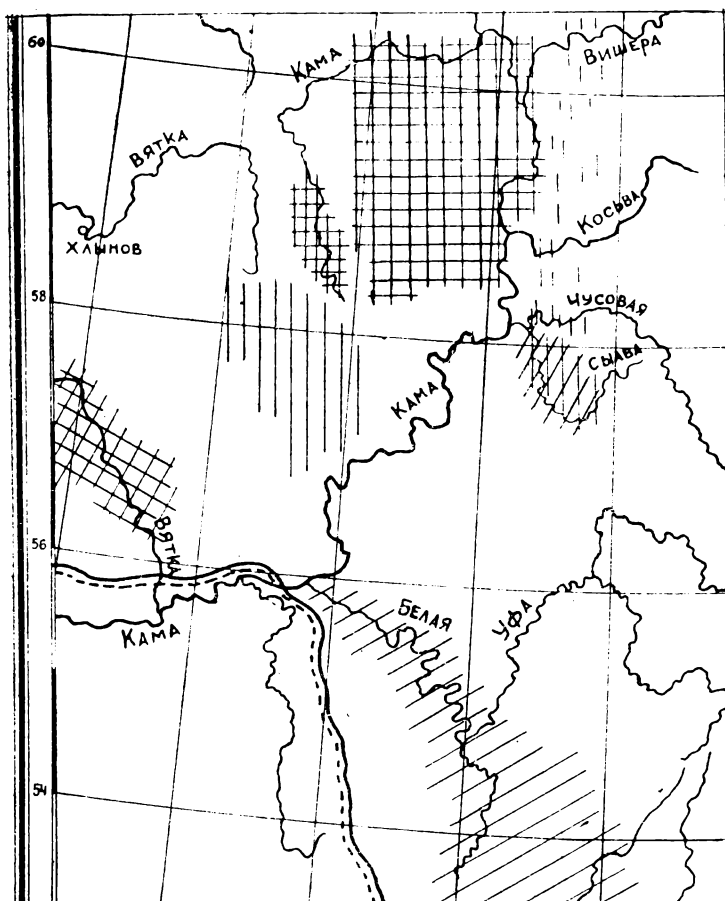

Рис. 48. Карта родановской и одновременных ей культур Прикамья:

1 — родановская культура; 2 — сызвенская культура; 3 — чепецкая культура; 4 — послеазелинская культура; 5 — культура предков башкир; 6 — культура предков манси; 7 — граница государства Волжских булгар.

ния Вишеры. Здесь формируется новый район памятников родановской культуры, совпадающий с территорией обитания язьвинских коми-пермяков и язьвинского диалекта, очень близкого к Чердынско-Гайнинскому диалекту, с территории которого шло расселение.

Граница между предками коми-пермяков и манси на северо-востоке проходила по среднему течению Вишеры в районе гор. Красновишерска, около которого обнаружен самый северо-восточный родановский памятник — Суянковский могильник. Эта граница была и естественной границей между равнинной частью Вишеры, освоенной земледельческими родановскими племенами и горной ее частью, где жили охотничье-рыболовецкие племена манси.

В процессе изучения памятников родановской культуры мы пришли к выводу о целесообразности хронологического разделения их на два этапа, отличающиеся по типу и размерам поселений, уровню развития хозяйства и общественного строя. Ранний этап охватывает IX—XII века, поздний — XII—XV века. Границей между ними служит середина XII века, когда у местных племен начинается широкий переход к пашенному земледелию, что повлекло за собой общий подъем производительных сил и переход к сельской общине. Памятники родановской культуры представлены укрепленными поселениями — городищами, неукрепленными селищами, грунтовыми могильниками с обрядом трупоположения и трупосожжения, кладами и отдельными находками вещей.

На раннем этапе преобладают городища и небольшие грунтовые могильники с довольно многочисленными находками вещей в погребениях. На позднем этапе основным типом поселения становится селище, городища сохраняются единично, могильники очень велики по площади и бедны находками вещей, за исключением отдельных очень богатых погребений, выделенных топографически.

52. Лаврятский этап родановской культуры. **Хозяйство, быт и общественный строй**

Ранний этап родановской культуры, охватывающий период с IX до середины XII века, получил название по имени Лаврятского городища, расположенного в среднем течении Косьвы, в 1,5 км от с. Таборы Добрянского района Пермской области. Это городище, а также расположен-

ные рядом с ним Баяновское селище и Баяновский могильник, были изучены раскопками Камской археологической экспедиции. К этому же времени относится основная часть культурного слоя Роданова городища, раскопанного М. В. Талицким, нижний слой городища Анюшкар (Кыласово) в устье Иньвы и ряд других памятников.

Основным типом поселения Лаврятского этапа является городище средних размеров, площадью 3—5 тысяч кв. м, укрепленное, как правило, одним валом и часто имеющее следы искусственной подсыпки площадки. На Родановом городище вал укрепляется частоколом, к которому подсыпалась плотная глина. Частокол шел по валу Лаврятского городища и продолжался на его склонах, защищая площадку со всех сторон. С внутренней стороны вал укреплялся от оползней крупными камнями.

На Лаврятском, Родановском и в нижнем слое Кыласова городища исследованы остатки жилищ, которые по своему устройству очень похожи на жилища гляденовской культуры и позднего этапа ломоватовской культуры. Это были наземные бревенчатые дома площадью от 40 до 90 кв. м с небольшим крытым тамбуром перед входом, образованным выступающими концами боковых стен. Дома имели двухскатную крышу из жердей, крытую крупными листьями бересты, сшитыми между собой и налегающими рядами друг на друга. В центре дома на глинобитном полу находился большой очаг, сложенный из глины, около которого располагалась четырехугольная яма — кладовка. Стенки кладовки были выстланы досками, сжатыми кольями, вбитыми в углы. Дно ее было выстлано берестой, а сверху она закрывалась дощатой крышкой. В кладовках стояли большие сосуды, наполненные зерном, лежали запасы мясной пищи, сохранившиеся в виде костей животных. Вдоль стен дома шли длинные деревянные нары шириной в 1,5 м, служившие местом, где отдыхали и спали обитатели жилища.

Дома эти похожи на коми-пермяцкие курные избы, в которых дым от очага выходит через дверь. В некоторых жилищах очаг располагается у задней стенки или в углу, что, возможно, связано с наличием в крыше или стене отверстия для выхода дыма.

Около некоторых жилищ прослежены остатки изгороди, которая огораживала двор и небольшой участок земли, прилегающий к жилищу. В глубине участка находи-

лась еще одна яма — кладовка, аналогичная по устройству домашней кладовке. Вдоль валов Роданова и Кыласова городищ можно было проследить остатки целого поселка. Здесь находились жилые дома, легкие постройки с плетневыми стенками, которые могли служить загонem для скота, очаги для плавки металла и другие хозяйственные сооружения.

Культурный слой на городищах доходит до 1 м и более. На поселении имелось от 3 до 5—6 домов, в каждом из которых могла обитать патриархальная семья, состоящая из 20—30 человек. Селища Лаврятского этапа изучены очень плохо. Только на одном из них — Баяновском на р. Косье — были сделаны небольшие раскопки. Здесь найдены остатки производственных сооружений, вроде очагов для обжига глиняной посуды, но следов жилища не обнаружено. Селищ на Лаврятском этапе меньше, чем городищ. Они занимают площадь 6—7 тысяч кв. м и по сравнению с ломоватовскими селищами имеют более мощный культурный слой.

Могильники располагаются, как правило, недалеко от поселений и представляют собой обычные грунтовые захоронения в неглубоких могильных ямах. Часть этих могильников возникла еще в ломоватовское время. На Редикорском могильнике у д. Редикор на Вишере в Чердынском районе, на Деменковском могильнике на Обве и на Урьинском могильнике на Онолве часть погребений относится еще к VI—VII векам. Это говорит о том, что родановцы были потомками ломоватовских племен и часто хоронили умерших на могильниках своих предков. То же самое можно проследить и на поселениях. На Лаврятском и Купросском городищах нижняя часть культурного слоя относится к VIII—IX векам и переходит в верхнюю часть без перерыва.

В засыпке могильных ям и между ними обнаружены следы тризн — кости животных, глиняные сосуды с остатками сгнившей пищи, угольки от костров. Умерших хоронили в деревянных гробах, колодах, заворачивали в бересту и кору. В Каневском могильнике на р. Велве одно погребение находилось в лодке-долбленке. Погребения лежали рядами по 4—5 или 8—9 погребений в ряду. В каждом ряду, как и в ломоватовское время, хоронили членов одной патриархальной семьи. Все погребения имели довольно устойчивую ориентировку головой на север.

или на северо-запад. Некоторые могильные ямы соприкасались краями и заходили друг на друга. Как правило, в парных погребениях лежат мужчина и женщина, очевидно, муж и жена, что говорит, возможно, об укреплении патриархата и подчиненном положении женщины. Дети лежат всегда рядом с женскими погребениями — это может быть свидетельством сохранения пережитков матриархата.

В могильниках прослеживается имущественное расслоение, которое, однако, не выходит за пределы родовых отношений. Богатые и бедные погребения часто находятся в одном ряду. Некоторые погребения без вещей лежат вне рядов и имеют иногда другую ориентировку. В них, очевидно, хоронились рабы. В мужских погребениях найдено оружие и орудия труда, в женских — украшения, железные ножи и пряслица.

Основой хозяйства населения на Лаврятском этапе было подсечное земледелие с мотыжной обработкой земли. Орудием подсеки служит проушный лесорубный топор (рис. 49, ф. 2). Почва обрабатывалась небольшими железными мотыжками, длиной 12—14 см, насаженными на коленчатую рукоятку. Мотыжки по виду напоминают коми-пермяцкую мотыгу — «куштан» (рис. 49, ф. 1), которая до XX века служила для обработки гарей и палов. Урожай убирался железными серпами. На Лаврятском городище найден серп столбиковой формы с очень слабым изгибом лезвия (рис. 49, ф. 7). Им работали не как современным серпом, а как пилой, подрезая колосья движением на себя. Орудиями размола зерна служили каменные плиты-зернотерки и песты (рис. 49, ф. 4). В конце XI — начале XII веков в связи с увеличением продуктивности земледелия появляются примитивные жернова, еще похожие на зернотерки (рис. 49, ф. 13). В ямах-хранилищах найдены обугленные зерна ячменя, ржи, овса, пшеницы и проса. Просо, очевидно, было завезено от волжских булгар. В Верхнем Прикамье оно встречается впервые.

Скотоводство дополняло земледелие, доставляя мясную и молочную пищу и шерсть для изготовления одежды. На городищах найдены сосуды с дырочками в днищах, приспособленные для отцеживания сыворотки. В могильниках встречаются остатки шерстяных тканей. Родановцы разводили крупный рогатый скот, лошадей, свиней, овец, домашнюю птицу (курица). Найдены также кости домашней

собаки, которая была ездовым животным, о чем свидетельствуют находки костяных частей упряжки.

Охота на Лаврятском этапе имела еще большое значение. Наконечники стрел очень разнообразны по форме,

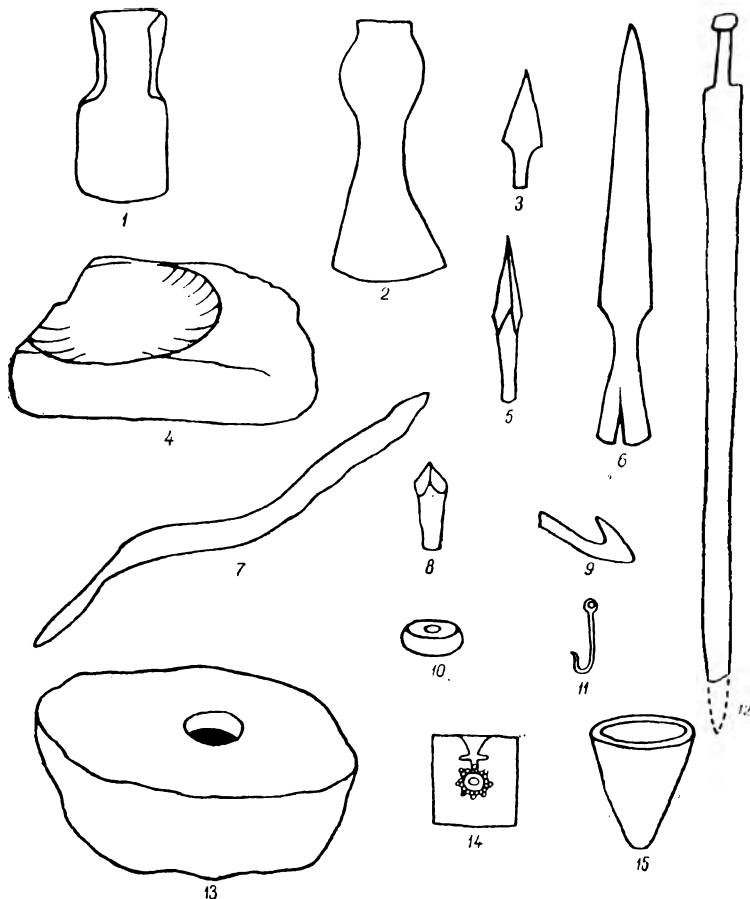

Рис. 49. Орудия труда и оружие Лаврятского этапа родановской культуры:

1—11—Кыласово' городище (нижний слой); 3—5, 7—9, 13—15 — Лаврятское городище; 2, 6, 12 — Баяновский могильник.

большая часть их приспособлена для охоты на пушного зверя (рис. 49, ф. 3, 5, 8). Родановцы охотились на белку, лисицу, горностая, куницу, соболя, бобра и зайцев. Охота не потеряла значения и для поставки мясной пищи: на

поселениях найдены кости медведя, лося, северного оленя, рябчика, уток, а также костяные манки для подманивания птицы. Охотились родановцы с помощью сложного лука, склеенного из кусков дерева разных пород и костяных накладок для закрепления тетивы (рис. 49, ф. 9). Такой лук был очень упругим и посылал стрелу с большей силой, чем простой лук.

На больших реках и в устьях малых рек, богатых рыбой, развивалась рыбная ловля. Рыбу ловили сетью, на крючки (рис. 49, ф. 11), на медную блесну и били железной острогой.

Обработка металла в это время начинает выделяться в ремесло. На Редикорском могильнике было раскопано погребение кузнеца, в котором лежали клещи, зубило, молот-ручник. Металл выплавлялся в открытом очаге, укрепленном камнями и обмазанном глиной. Медь плавилась в конусовидных тиглях, похожих на ломоватовские (рис. 49, ф. 15). Большая часть вещей из цветных металлов представляет собой различные сплавы меди с другими металлами. На Кыласовском городище найдена чушка олова, очевидно, полученная путем обмена. Не случайно поэтому, что наибольший процент олова имеют бронзовые предметы, найденные в северных районах, особенно в Чердынском, через которые шел сухопутный путь на Печору.

Медь выплавлялась из местных медистых песчаников, куски которых встречаются на родановских поселениях. Большую часть бронзовых украшений отливали в глиняных литейных формах (рис. 49, ф. 14).

Глиняную посуду родановские женщины продолжали изготавливать ручным способом. В глиняное тесто подмешивалось большое количество толченой раковины, как в гляденовское время. Некоторые сосуды имели крупные размеры и грубо обработанную поверхность. Венчик их украшался защипами и отгибами, а на стенках наносился редкий орнамент, иногда просто отпечатки пальцев (рис. 50, ф. 12). Такие сосуды предназначались для хранения продуктов и имели отверстия в стенках, предохраняющие продукты от затхлости. Сосуды средних размеров сохраняют форму ломоватовской чаши и украшены шнуровым и гребенчатым орнаментом, а на стенках имеют следы закопченности. В них приготавливали пищу на очаге (рис. 50, ф. 11, 13). Очень похожи на ломоватовские и мелкие со-

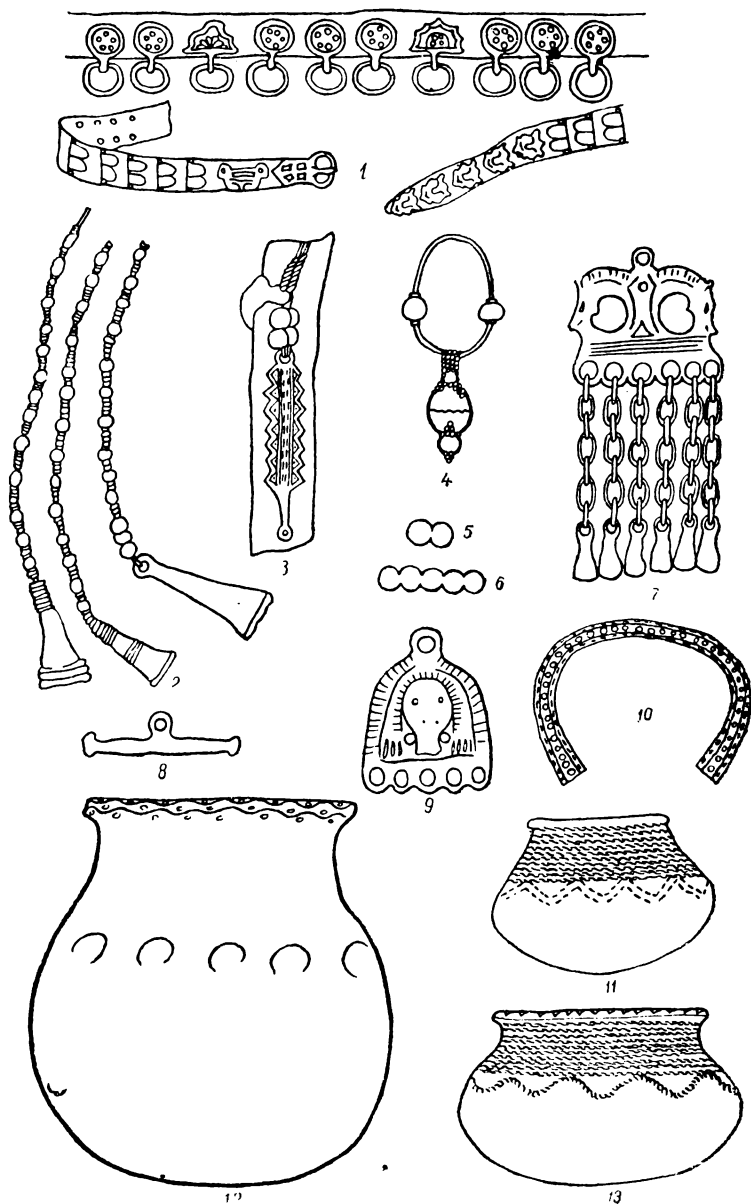

Рис. 50. Украшения и глиняная посуда Лаврятского этапа
родановской культуры:

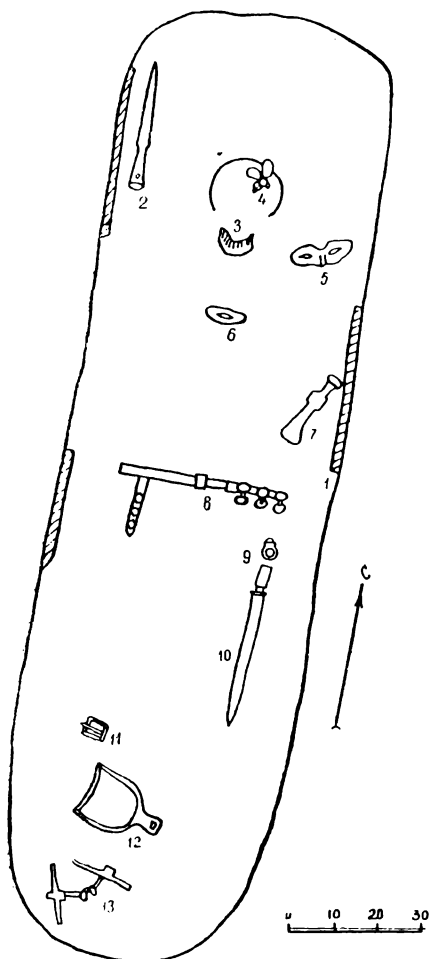
1—8, 10, 11 — Баяновский могильник; 9 — Каневский могильник;
12—13 — Лаврятское городище.

суды, не имеющие следов нагара, они использовались для принятия пищи.

В числе домашних производств была развита обработка кости и кожи и ткачество. Костяные орудия труда и бытовые вещи изготовлялись из распаренных костей с помощью железного ножа. Для изготовления гребней начала применяться железная пила. Куски кожаной обуви и ремней из Баяновского могильника говорят о хорошем качестве обработки кожи. Из тонких ремней, которые разминались на костяных разбивальниках (рис. 53, ф. 9), родановцы изготовляли кожаные нитки и с их помощью шили верхнюю одежду. Из орудий ткачества сохраняются только глиняные пряслица от веретен (рис. 49, ф. 10). Однако находки тканей говорят о применении простейшего ткацкого станка. Для плетения сетей и лыковой обуви применялись костяные стержни — кочедыки.

В мужских погребениях часто встречается оружие — босые топоры, наконечники стрел и копий (рис. 49, ф. 6), железные мечи (рис. 49, ф. 12), кинжалы, а также остатки конской сбруи в виде стремян, удила и других частей уздечек. Оружие в основном лежит в богатых мужских погребениях и принадлежало, очевидно, военной знати (рис. 51). В рядовых мужских погребениях его мало — это топоры и наконечники стрел. Однако тот факт, что основная масса населения в это время живет на укрепленных поселениях и значительное количество оружия встречается в погребениях земледельцев, несомненно свидетельствует о постоянной военной угрозе. Эта угроза, очевидно, вызывалась соседством воинственных угорских племен на Сылве и в Башкирии и проникновением на север булгар.

Раскопки могильников дают представление о некоторых деталях женского костюма. Он состоял из нижней холщевой рубашки и верхней меховой одежды мехом внутрь, подпоясанной узким кожаным ремнем. Ремень был украшен многочисленными бляшками (рис. 50, ф. 1), сбоку от него спускались кисти пронизок, бус и подвесок, сильно напоминающие ломоватовский поясной набор (рис. 50 ф. 2). На руках женщины носили медные браслеты с кружковым орнаментом (рис. 50, ф. 10), на шее — ожерелья из нескольких рядов синих или золоченых стеклянных бус, очень похожих на гляденовские (рис. 50, ф. 5, 6). В богатых погребениях число нитей бус доходит до 12. Воз-

**Рис. 51. Богатое мужское погребение № 15
Баяновского могильника:**

1 — остатки колоды гроба; 2 — железное копье;
3 — череп; 4 — серебряные височные кольца;
5—6 — серебряные маски-накладки; 7 — боевой же-
лезный топор; 8 — поясной набор; 9 — серебряный
перстень с сердоликовой вставкой; 10 — железный
кинжал в деревянных ножнах; 11 — пряжка для
стремени; 12 — железное стремя; 13 — железные
удила от уздечки.

можно, часть их нашивалась на одежду, как нашивались шумящие подвески с изображением головы коня, похожие на ломоватовские (рис. 50, ф. 7), головы медведя, похожие на гляденовские (рис. 50, ф. 9) или других разнообразных форм. Иногда эти подвески вместе с медной копоушкой (рис. 50, ф. 3) вплетались в концы кос. К женскому головному убору на ремешках подвешивались височные кольца с напусковой бусиной, украшенной зернью, также очень похожие на ломоватовские (рис. 50, ф. 4). Иногда на головной убор нашивались мелкие стеклянные бусы синего и белого цвета, как позднее обшивались бисером коми-пермяцкие шамшурь. Женщины носили кожаную обувь, которая скреплялась медными застежками, или обувь из лыка.

Описанная выше реконструкция женского костюма близка костюму коми-пермяков по их преданиям и отчасти по этнографическим данным.

Мужской костюм восстановить почти невозможно, так как в его составе почти не было украшений из меди, которая при окислении предохраняет ткань и мех от разложения. Он, очевидно, походил на женский: в мужских погребениях встречаются те же узкие пояса с бляшками, только без кистей подвесок и те же остатки холщовой ткани и меха. На поясе у мужчин и у женщин подвешивался нож в деревянных ножнах, а у зажиточных мужчин — и меч. Головной убор мужчин изготовлялся из меха и обшивался по краю медными бляшками. Верхняя меховая одежда мужчин иногда обшивалась сверху тканью. Этим она напоминает одежду коми-пермяков, которые часто поверх мехового полушубка надевали зипуны из грубого сукна или холста.

Общественный строй родановских племен лаврятского этапа соответствует уровню развития их производительных сил. Развитие подсечного земледелия, как основы хозяйства, требовало сплочения значительного коллектива. Таким коллективом была большая патриархальная семья, обитавшая в больших домах с одним центральным очагом и общей ямой-кладовкой и хоронившая умерших в одном ряду на общем родовом могильнике.

На Лаврятском этапе, когда широко распространился проушный железный топор, стало возможным осваивать для земледелия большие лесные участки. Однако для эффек-

тивной работы при расчистке этих участков сил одной или двух патриархальных семей, какие существовали в ломоватовское время, было уже недостаточно. Здесь требовались усилия большого коллектива. Такой коллектив образовался вместе с расширением больших патриархальных семей, которые выделили новые патриархальные семьи. вновь образовавшиеся семьи не уходили на другое место. Они строили себе дома по соседству с ближайшими родственниками. В хозяйственном отношении старые и новые семьи продолжали оставаться единым коллективом. Такая группа родственных по своему происхождению патриархальных семей, называемая патронимией, характерна для поселений Лаврятского этапа. Увеличение населения, более прочная оседлость его в связи с комплексным развитием хозяйства объясняют большую мощь культурного слоя этих поселений по сравнению с ломоватовскими. Сильные укрепления поселений также могли быть воздвигнуты силами не одной, а нескольких патриархальных семей.

В идеологии родановцев большое развитие получает культ предков, о чем говорят остатки тризны на могилах умерших. Могилу (по-коми-пермяцки «му-горт» — «земляной дом») родановцы считают посмертным жилищем покойного. Труп они завертывали в бересту или клали в гроб и покрывали гроб берестой. В могилу они укладывали необходимые для жизни и работы вещи, что свидетельствует о вере в загробную жизнь. В погребениях встречаются амулеты — кости животных и рыб. Среди медных идолов снова появляются изображения птицы с распростертыми крыльями, похожие на гляденовские. Изображение птицы очень часто встречалось на охлупнях и держащих крючьях коми-пермяцких изб, или в виде отдельных фигур, которые устанавливались около бани или других дворовых построек. С этими изображениями до недавнего времени было связано немало суеверий.

Еще в ломоватовское время в связи с укреплением патриархата на медных идолах появляется изображение трех человеческих фигур — мужчины, женщины и между ними — ребенка. В родановской культуре такие изображения встречаются очень часто. Иногда с этими изображениями, представляющими, очевидно, домашних божков, которым поклонялись в семье, связано развитие культа плодородия.

дия. На некоторых из этих идолов появляются изображения колосьев ячменя и пшеницы. На идоле, найденном около д. Омелина в Чердынском районе, изображена женская фигурка с широкими бедрами и руками, упертыми в бока, к ногам которой склонились два тучных колоса.

Родановские племена на Лаврятском этапе поддерживали тесную связь со своими ближайшими соседями — племенами манси и древними удмуртами чепецкой культуры, откуда попадали к ним глиняные сосуды и медные украшения. Это могло быть связано с межплеменными браками, заключавшимися между представителями родовой верхушки с целью укрепления дружбы между племенами. Коми-пермяцкое сказание повествует о далеком путешествии родового князька Кудым-оша в северные мансийские земли за невестой, которую он и взял себе в жены. Предание связывает с этим событием и название р. Иньвы, которое в переводе с коми-пермяцкого означает «бабья вода». По преданию, Кудым-ош по Иньве привез жену на родину и поселился на том месте, где стоит теперь гор. Кудымкар. В центре этого города находится Кудымкарское городище родановской культуры, на котором найдена керамика с примесью талька и орнаментом, характерным для глиняной посуды археологических памятников манси. В свете этого предания можно предположить, что зауральская и чепецкая посуда и медные украшения скорее всего попадали на поселения родановцев при межплеменных браках.

Торговые связи родановцев в это время распространились далеко на юг. Основная торговля шла с волжскими булгарами, откуда на север привозились арабские серебряные монеты и посуда, ювелирные изделия, оружие и некоторые орудия труда. Древние коми-пермяки знали не только земли Волжских булгар, но и области, расположенные южнее по Волге, о чем красноречиво говорит сказание о Кудым-оше и сыне его Перебогатыре.

К концу Лаврятского этапа завязываются связи и с русским населением Новгородской земли. Об этом свидетельствуют многочисленные находки вещей прикамского происхождения в приладожских курганах и отдельные находки вещей новгородского происхождения в Верхнем Прикамье.

53. Родановская культура — культура предков коми-пермяцкого народа

Памятники родановской культуры располагаются на территории, где, по данным русских письменных источников XVI века, жили коми-пермяки. Границы этой культуры почти совпадают с границами современного расселения коми-пермяков, а группировки ее памятников в основном соответствуют районам распространения диалектов коми-пермяцкого языка. Всей этой территории присуща коми-пермяцкая топонимика. Большинство памятников родановской культуры сохранило название на коми-пермяцком языке (Анюшкар, Кудымкар, Майкор, Вильгорт, Чердынь, и др.).

В родановской культуре складываются те этнографические особенности, которые характерны для коми-пермяцкой народности и в последующем ее развитии. К таким этнографическим особенностям относится тип жилища, обряд погребения, тип костюма, орнамента и основное направление в развитии хозяйства.

Язык коми-пермяков сохранил очень развитую земледельческую терминологию. Первые русские поселенцы встретили в коми-пермяцком крае земледельческое население. Впоследствии оно было превращено русскими феодалами в крепостных крестьян. Родановский тип дома в виде бревенчатой постройки с двухскатной крышей, покрытой берестой, и тамбуром очень близок коми-пермяцкой избе. В коми-пермяцких банях сохранились открытые очаги, похожие на родановские. Коми-пермяцкая изба, как и родановское жилище, имела яму-кладовку около печи, лавки вдоль стен, заменившие родановские нары.

Коми-пермяцкий эпос и сообщения этнографов говорят о том, что коми-пермяки носили меховую одежду типа полушубка мехом внутрь. Они, как и родановцы, надевали ее поверх холщовой рубахи.

Особенно много аналогии с коми-пермяцкими обычаями дает родановский обряд погребения. Вплоть до XIX века у зюздинских коми-пермяков сохранялось погребение головой на север. Это нашло отражение и в суевериях: если скотина выходила со двора головой на север, то хозяин ждал ее смерти. До XIX века в отдельных коми-пермяцких деревнях умерших хоронили в неглубоких могильных ямах. Местные жители помнили, что в старину

покойников обертывали берестой и опускали в могилу без всякого гроба. Даже там, где хоронили в гробу, гроб обязательно покрывался берестой.

Очень интересным является тот факт, что до XX века в религиозные праздники коми-пермяки относили пищу в берестяных коробочках на древние родановские могильники, где, как они считали, захоронены их предки.

Среди украшений родановского костюма часто встречаются изображения птицы или головы коня. Подобные изображения до настоящего времени украшают избы в северных районах Коми-Пермяцкого округа. В виде схематических рисунков они сохраняются в вышивке и набойке коми-пермяков. У коми-зырян до недавнего времени шумящие коньковые подвески использовались при некоторых народных играх, ведущих свое происхождение от древних языческих обрядов.

С XI—XII веков на глиняной посуде родановской культуры начинает преобладать орнамент в виде розетки или кружка, который очень долго сохранялся в набойке коми-пермяков.

Все эти факты говорят о том, что памятники родановской культуры принадлежат предкам коми-пермяцкого народа и относятся к тому периоду, когда уже начали формироваться единство территории, языка, экономической и культурной жизни, характерные для складывающейся коми-пермяцкой народности.

54. Рождественский этап родановской культуры. Хозяйство. Ремесла

Рождественский этап родановской культуры охватывает период с середины XII по XV век. Он получил название по имени Рождественского городища и могильника, расположенных в среднем течении Обвы, около с. Рождественского.

В это время большая часть городищ Лаврятского этапа забрасывается или же превращается в неукрепленные поселения — селища. Ветшают и приходят в негодность укрепления Роданова, Кудымкарского и других городищ. В бассейне Иньвы до XIV века существует только два городища — Кыласово (Анюшкар) и Полютово. Они имели мощные укрепления в виде больших валов и служили крепостями, защищавшими устье и низовья Иньвы от про-

зникновения врагов в центр хорошо обжитого района с густым населением. На Каме роль крепостей играли Чердынское и Пянтежское городища, на Обве — Рождественское. Все эти городища оставили мощный культурный слой. Площадь каждого из них — до 20 тысяч кв. м. За их большими валами охотно собиралось ремесленное население, торговцы. Городища постепенно превращаются в поселки ремесленного типа, имеющие стремление вырасти в город. Их развитию, как ремесленных и торговых центров, способствует и выгодное географическое положение на основных водных путях края.

Укрепления некоторых из этих городищ, как это прослежено на Анюшкаре, усиливаются в начале XIII века. Это может быть объяснено усилением военной опасности в связи с разгромом татаро-монголами государства Волжских булгар и отливом части булгарского населения на север — в верховья Камы.

В XIV—XV веках появляются городища, которые не велики по площади, но очень хорошо укреплены. Примером таких городищ может служить Искорское городище в Ныробском районе Пермской области. Площадь его не превышает 400 кв. м. Три вала делят площадку городища на две части. Между первым и вторым валом находится площадка в 40 кв. м, которая в народе называется «княжьим местом». Площадка между вторым и третьим валом занимает около 300 кв. м. Весьма вероятно, что это городище представляет собой укрепленную усадьбу князья-феодала, что подтверждается и сообщением русской летописи, которая в 1472 году упоминает Искор в числе четырех городков, которые штурмовала рать московского царя.

Основной тип поселения на Рождественском этапе — неукрепленные селища. Изучены они пока еще очень слабо. Селища имеют большую площадь и довольно мощный культурный слой, рядом с ними обыкновенно располагаются могильники. В бассейне Иньвы селищ и городищ, превратившихся в селища, в шесть раз больше, чем городищ. На всех селищах наиболее частыми находками являются орудия земледельческого труда.

В жилищах Рождественского этапа, изученных на городище Анюшкар, обитателей меньше, чем в домах Лавратского этапа. Жилища на новом этапе представляют собой те же бревенчатые постройки с двухскатной крышей, покрытой берестой, и с тамбуром, но площадь их уже

меньше — 20—30 кв. м (рис. 52). В них теперь нет ямы-кладовки — она находится во дворе дома, огороженном плетнем. Очаг в жилище превращается в глинобитную печь, развалы которой обнаружены в одном из углов дома. Печь заключается в деревянную раму, предохраняющую от расползания глины, которой выложена площадка под печью. В самых поздних жилищах глинобитный пол заменяется дощатым. Обнаружены также остатки одного небольшого дощатого жилища с односкатной крышей. Односкатные дома встречались у коми-пермяков до недавнего времени; их тип сохранился в хозяйственных постройках (овины, бани).

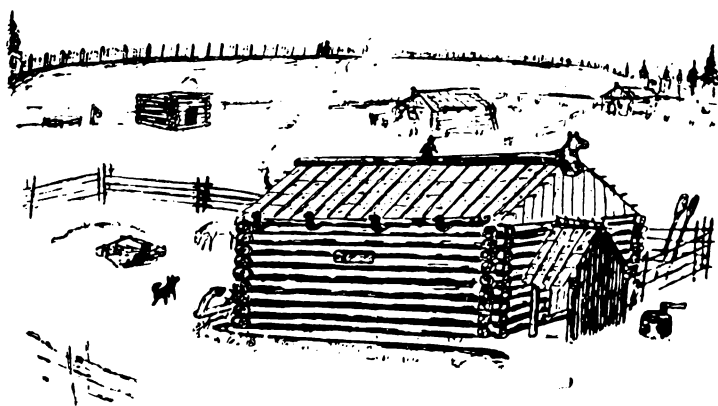

Рис. 52. Посёлок XII—XIV вв. на городище Анюшкар (Кыласово) (реконструкция В. А. Оборина).

Рядом с жилищами, в которых могла обитать только малая семья, сохраняются еще отдельные большие дома неразделившихся патриархальных семей. Их размеры и устройство не отличаются от домов Лаврятского этапа.

Основой хозяйства на Рождественском этапе остается земледелие. Оно получает дальнейшее развитие благодаря появлению рала с железным наральником. Ральники с этого времени становятся обычной находкой на селищах и городищах. Они изготовлялись из треугольной железной пластины с подрезанными верхними краями, загнутыми в трубку (рис. 53, ф. 1). С помощью таких орудий можно было хорошо обрабатывать старопашотные участки, заброшенные на время и восстановившие свое плодородие.

дие. Для приведения в действие ральника достаточно было силы одного-двух человек. В это же время начинает использоваться в качестве тягловой силы лошадь. Об этом говорит анализ костей лошади, среди которых чаще встре-

Рис. 53. Орудия труда и оружие Рождественского этапа родановской культуры. Городище Анюшкар (Кыласово).

чаются кости старых лошадей. Это значит, что лошадь стала реже использоваться в пищу, а больше сохранялась для хозяйственных целей. На городище Анюшкар была найдена костяная рукоятка, на которой ножом был выре-

зан рисунок, изображавший вспаханный участок земли и рядом с ним фигуру лошади.

Для уборки урожая в это время широко используются косы-горбуши (рис. 53, ф. 6). Зерно размалывалось на ручных круглых жерновах, диаметром 30—40 см (рис. 53, ф. 8). Подобного типа ручные мельницы до настоящего времени сохраняются в северных районах Коми-пермского округа, как крупорушки. Широкое распространение жерновов и увеличение находок зерна в зерновых ямах-хранилищах свидетельствуют о резком увеличении продуктивности земледелия.

Скотоводство, охота и рыбная ловля (рис. 53, ф. 2, 5, 7) дополняют развитое земледелие, и все это создает экономическую базу для хозяйственного обособления небольшого коллектива в форме малой семьи.

На Рождественском этапе происходит дальнейшее прогрессивное развитие всех отраслей домашнего хозяйства, приводящее к выделению некоторых из них в ремесло. Развитие пашенного земледелия создало условия, при которых общины могли прокормить специалистов-ремесленников, оторванных от сельского хозяйства и занимающихся только изготовлением определенного вида продукции. В первую очередь выделяются в ремесло металлургия и металлообработка. Их дальнейшее развитие, в силу большой трудоемкости этих производств, было невозможно без специализации людей, сосредоточившихся только на получении металла и изготовлении орудий труда.

Без существования специалистов-ремесленников не могло развиваться и сельское хозяйство, которое требовало увеличения производства крупных сельскохозяйственных орудий — ральников, кос, топоров.

На Рождественском этапе на поселениях появляются специальные плавильные горны, сложенные из камней, домицы для варки железа и кузницы с горнами для нагрева обрабатываемого металла. Остатки таких сооружений обнаружены при раскопках на городище Анюшкар (рис. 54).

В это время специализируются кузнецы, занимающиеся изготовлением орудий труда из железа, и литейщики, отливавшие изделия из готового металла. Они имеют свои орудия труда. В кузнице Кыласова городища обнаружена железная наковальня (рис. 53, ф. 12). На этом же поселении раскопаны небольшие открытые и полузакрытые

очаги, в которых разогревалась медь и ее сплавы и отливались изделия. Продуктивность труда в металлургии увеличивается. Об этом говорят возросший объем железных криц и увеличение количества и размера изделий из металла.

В это же время можно проследить постепенную стандартизацию изделий, необходимую при массовом производстве. В культурном слое родановских поселений найдены железные заготовки, из которых можно было выковать любую мелкую вещь — нож, наконечник стрелы,

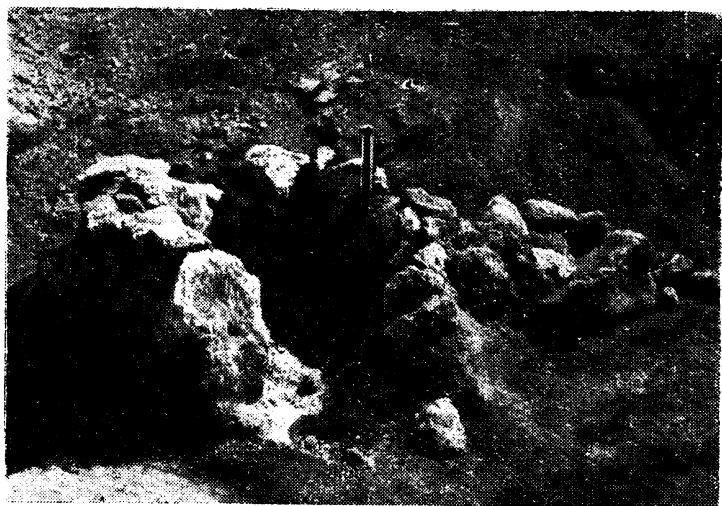

Рис. 54. Остатки кузнечного горна XII—XIV вв. на городище Анюшкар (Кыласово).

шило, гвозди. Литейщики начинают отливать свои изделия не в глиняных, а в каменных литейных формах, которые выдерживали большее число отливок (рис. 53, ф. 13, 16). В одном кладе, найденном у д. Лопаницыной Чердынского района, обнаружено 9 кованых ральников одинаковой формы и размера. В разных памятниках находят вещи, отлитые в одной литейной форме, что, кстати сказать, свидетельствует о работе литейщиков на обмен.

На развитие литейного и ювелирного дела оказывает влияние булгарское ремесло. Плавильный тигель принимает цилиндрическую форму (рис. 53, ф. 10), похожую на

форму болгарских тиглей. Развивается литье сложных украшений по восковой модели, совершенствуется филигранно-зерневая техника в ювелирном деле.

В ремесло начинает выделяться обработка кости. Для изготовления бытовых вещей используются не только кости домашних животных, но и более прочный материал — рог лося и северного оленя, мамонтовая и моржовая кость. Широкое распространение получают специальные орудия труда — резец, циркуль, пила, начинает применяться простейший токарный станок. На токарном станке изготавливались костяные бусы и ряд других вещей. О наличии ремесленного производства говорит стандартизация выпускаемой продукции — гребней, рукояток шильев и т. д.

На Рождественском этапе появляется ткацкий станок с горизонтальной основой. Об этом свидетельствуют частые находки костяных коромысел-ремизок от этого станка (рис. 53, ф. 11). Совершенствуется обработка дерева; наряду с лесорубным топором широко применяются скобель и ложкарь.

Производство глиняной посуды до XV века оставалось на уровне домашнего производства. Однако форма и орнаментация сосудов несколько изменены. Появляются сосуды с плоским дном, изготовленные на доске-подставке, как до сих пор их делают коми-пермяки в Зюздинском районе. В глиняном тесте по-прежнему сохраняется примесь раковины, но постепенно она начинает заменяться примесью песка и дресвы.

Основную группу сосудов в это время составляют сосуды средних размеров — богато орнаментированные и совсем без орнамента. Среди орнаментов характерен кружковой и розеточный тип (рис. 55, ф. 14, 15), также сложные узоры гребенчатого штампа; почти совершенно исчезает шнуровой орнамент. Появляются сосуды, копирующие привозные болгарские и русские горшки с линейным и волнистым орнаментом, болгарские кувшины с наклепными ручками и лощением. Встречаются в большом количестве, чем раньше, и их образцы — обломки красно-глиняной болгарской посуды (рис. 46, ф. 7—8) и славянских горшков (рис. 57, ф. 12). Все чаще смешиваются различные типы орнамента, как местные, так и заимствованные. Это возможно только в том случае, когда орнамент теряет свое смысловое значение, связанное с родовыми традициями, и приобретает значение чисто украшательное.

В одежде родановцев на Рождественском этапе не происходит существенных изменений. Правда, в могильниках чаще встречаются ткани и очень редко — мех. Ткацкий станок дает возможность заменить часть меховой одежды

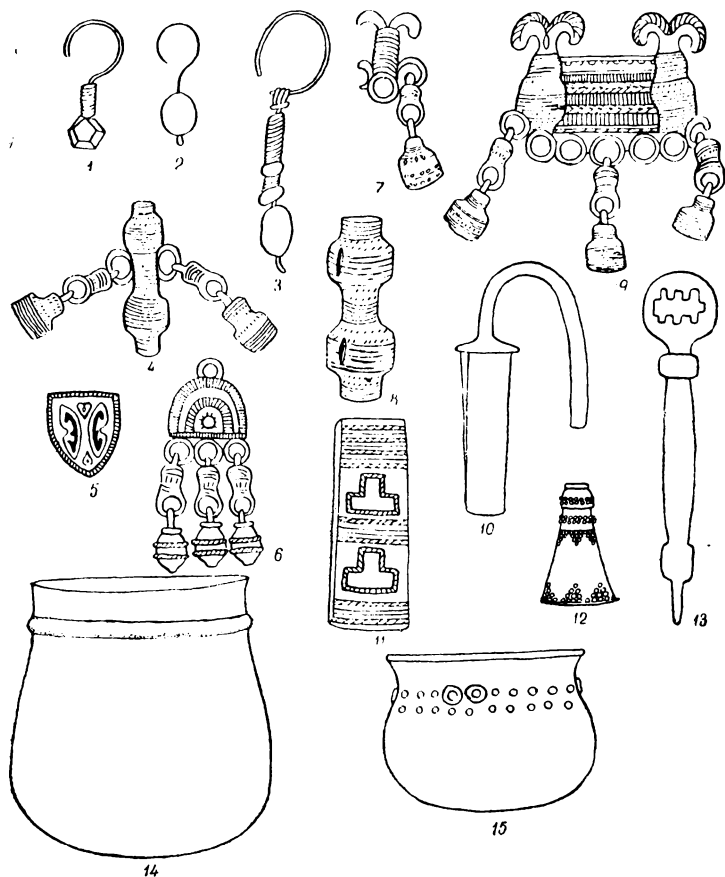

Рис. 55. Украшения и глиняная посуда Рождественского этапа родановской культуры:

1, 2, 10 — Кудымкарское городище; 3 — Верх-Боровский могильник; 4, 5, 7, 8, 11—15 — городище Анюшкар (Кыласово), верхний слой; 6 — Рождественское городище; 9 — Чикманский могильник.

одеждой из ткани. Расположение металлических украшений на женском костюме осталось тем же, что и на Лаврятском этапе (рис. 55, ф. 4, 5, 6, 8). Однако появляются новые типы украшений (рис. 55, ф. 1—3, 9, 11, 12). Конь-

ковые подвески, представлявшие довольно реалистическое изображение головок коней, стилизуются и превращаются в простые якорьковые подвески (рис. 55, ф. 7, 9), которые лишь отдаленно напоминают свой прототип. Такая же стилизация происходит и с птицевидными подвесками. Если раньше эти украшения имели, очевидно, и значение амулетов, оберегавших их владельца от разных бед, то теперь они превращаются в обычные украшения, которые не требуют реального изображения тотемных предков.

В украшениях костюма в это время особенно резко прослеживается имущественное расслоение населения. В богатых погребениях украшения представлены крупными сердоликовыми и хрустальными бусами, серебряными бляхами и подвесками с вставными камнями и зернью (рис. 46, ф. 2, 4), шарнирными серебряными браслетами и другими предметами роскоши. В бедных погребениях редко встречаются украшения, чаще только бусы.

В числе бытовых вещей особенно интересны частые находки железных ключей и замков цилиндрической формы (рис. 55, ф. 10, 13), похожих на болгарские и русские замки. Они дополняются привозными замками, а также железными петлями и пробоями. Все это свидетельствует о развитой системе запора жилищ, а значит, и об укреплении частной собственности. Интересны находки глиняных игрушек в виде лодок, сосудишков и человеческих фигурок.

Обряд погребения в могильниках Рождественского этапа сохранился в основном тот же, что и на Лаврятском этапе. Однако здесь гораздо резче проявляется имущественное расслоение. Богатые погребения Гуринского (на р. Пой в Юсьвенском районе Коми-Пермяцкого округа) и Рождественского могильников составляют небольшую часть всех погребений. Они лежат отдельно от основной массы погребений, отличающихся крайней бедностью погребального инвентаря. Нарушается четкое распределение погребений по рядам; часть из них лежит без всякого порядка и не имеет устойчивой ориентировки. Встречаются погребения, у которых преобладает западная ориентировка. Такая ориентировка характерна для обряда погребения болгар золотоордынской эпохи, и появление ее на прикамских могильниках может быть связано с вхождением пришлого болгарского населения в состав местных общин. В то же время встречаются погребения со следами

обряда трупосожжения. Ближайшими соседями, у которых подобный обряд сохранился до XIII—XIV веков, были народы древней Руси (вятичи). На поселениях и в могильниках в это время часто встречаются вещи древнерусского происхождения, в том числе и славянская глиняная посуда. Возможно, это говорит о проникновении первых славянских поселенцев в среду коми-пермяцких племен.

55. Появление сельской общины и зарождение феодальных отношений у коми-пермяков

Подъем производительных сил, в основе которого лежало развитие пашенного земледелия, дал возможность малым семьям на Рождественском этапе выделиться из состава патриархальной общины, которая теперь сковывала их хозяйственную инициативу. Это приводит к окончательному распаду родовых связей. На смену родовой общине приходит сельская община.

Старые поселки-городища, населенные ближайшими родственниками, забрасываются или превращаются в селища, число которых резко возрастает. На могильниках уже не соблюдается обычай хоронить сородичей в одном ряду. Появляются новые обряды погребения, отличающиеся от местных. О распадении родовых связей свидетельствует смешение различных типов орнамента на глиняной посуде, а также превращение тотемных знаков в обычные украшения.

Среди культовых изображений преобладают изображения человеческой фигуры, выполненные в одном стиле, который сохраняется затем в пермской деревянной скульптуре, имеющей местные коми-пермяцкие корни своего происхождения. Происходит унификация родовых культов. Основная масса погребений в могильниках часто совсем не имеет вещей, в то время, как на поселениях орудия труда и бытовые вещи находятся в больших количествах. Это также, очевидно, связано с тем, что с ослаблением родовых связей, слабеют и родовые культовые традиции. Вещи, необходимые в быту, теперь переходят по наследству в семье и все реже кладутся в погребение.

На поселениях родановцев обнаружены вещи, на которых имеются родовые знаки — тамги различных типов. Раньше тамгой метил свою собственность род, а теперь она — знак собственности отдельных семей, выделившихся

из рода (рис. 56). На городище Анюшкар найдено 32 вещи с тамгами, которые все можно свести к 7 основным типам. В каждом типе представлено до 8 вариантов тамги, которой метили свою собственность семьи, происходящие из

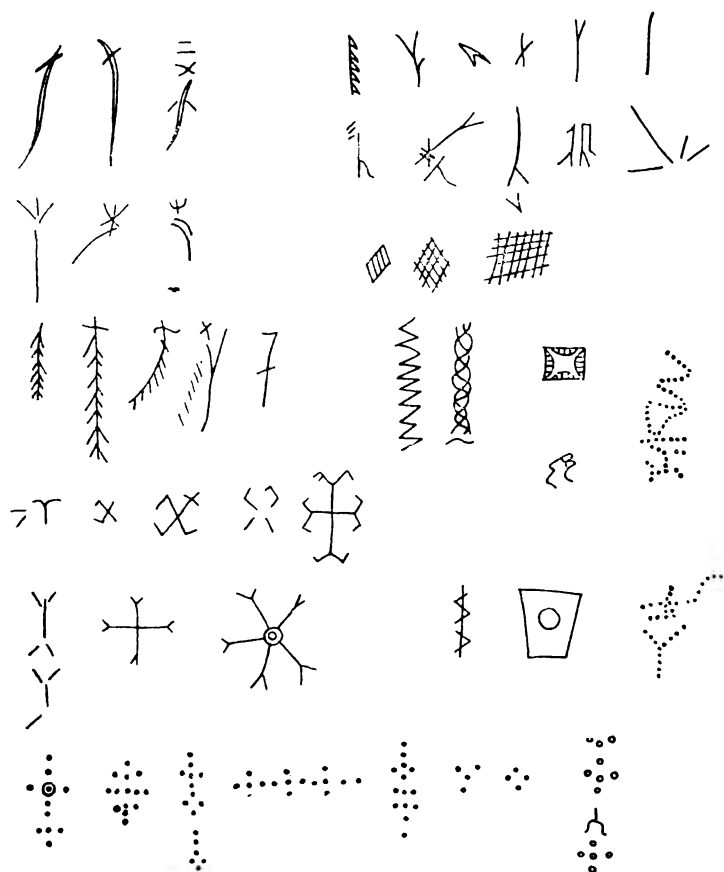

Рис. 56. Тамги — родовые знаки и знаки собственности на костяных вещах, найденных на городище Анюшкар (Кыласово).

одного рода. При переходе по наследству к следующему поколению знак тамги усложнялся. Очевидно, на Анюшкар жили представители 7 различных родов. Аналогичные анюшкарским тамги найдены на Родановом, Кудымкарском городищах и на Вакинском селище. Сходство

объясняется, видимо, родственными связями. Поселки выходцев из разных родов, связанные экономическими, а не родовыми связями, были поселками сельских общин.

В недрах сельской общины зрели отношения классового общества. Пахотная земля в ней переходит из общей собственности в собственность отдельных семей, а луга, леса и рыболовные угодья остаются в собственности всей общины. В частную собственность в первую очередь перешли и приусадебные участки земли, которые огораживаются, как это видно по раскопкам Роданова и Кыласова городищ. В XIII и XIV веках резко усиливается имущественное неравенство. Из среды общинников выделяются наиболее зажиточные семьи, которые хоронят умерших отдельно от остальных членов общины. К этому времени относятся богатые клады личных вещей. В одном жилище на Кыласовом городище в берестяной шкатулке найден очень богатый набор сердоликовых и хрустальных бус, а также серебряных и медных украшений. Эти украшения принадлежали женщине из богатой семьи. В мужских погребениях, принадлежавших выходцам из богатых семей, в виде отдельных находок встречается богатое привозное оружие и доспехи.

В это время из среды зажиточных семей выходят люди, которые начинают посягать на общественную собственность и собственность других семей. При развитии земледельческого хозяйства их посягательство в первую очередь распространяется на земли, принадлежавшие общине.

Выделившаяся знать экономически подчиняет бедных членов общины. Она собирает вокруг себя военную дружину, опираясь на которую, подкрепляет свое имущественное высокое положение. Из этой знати формируется класс феодалов-землевладельцев, господствующих над общиной. Им принадлежат те городища-замки с мощными укреплениями, примером которых служит Искорское городище. Русская летопись XV века пишет, что на этом городище находилась резиденция «воеводы» — пермского князька Михаила, — получившего это имя после крещения.

Формирующаяся феодальная знать была немногочисленна и слаба. Ее окружала масса свободных общинников, сопротивлявшихся закабалению. Местная знать ищет поддержки у соседних феодальных государств. Такую под-

держку в XV веке она начинает получать от русских феодалов. В 1463 году пермский князек со своими «воеводами» принимает христианство от ставленника московского царя епископа Ионы. В 1472 году присоединяются пермские земли к русскому феодальному государству, и местные князьки превращаются в его послушных вассалов. Создается видимость местного управления, однако и она вскоре исчезает: пермский князек Михаил, замененный московским наместником, устраняется от княжения. Сын его, князь Матвей, завещает Чердынскому монастырю не только свое имущество, но и многочисленные земли, леса и луга, захваченные из общинной собственности. Он уже является типичным феодалом и полновластно распоряжается захваченными землями, которые, очевидно, обрабатывались зависимыми крестьянами.

На основании археологического материала мы можем говорить о том, что с XII века у предков коми-пермяков, оставивших археологические памятники Рождественского этапа родановской культуры, широко распространяется сельская община, сменившая родовую организацию. В недрах этой общины появляются зародыши феодальных отношений, феодализм растет и крепнет, но окончательно побеждает в XVI веке. В это время коми-пермяки уже входили в состав Русского многонационального государства. В конце XV века забрасываются городища и селища родановской культуры, сменяясь городами и селами со смешанным русским и коми-пермяцким населением.

СЫЛВЕНСКАЯ КУЛЬТУРА (IX—XV ВЕКА). ПАМЯТНИКИ БУЛГАРСКОГО ВРЕМЕНИ НА СРЕДНЕЙ КАМЕ

56. Сылвенская культура предков хантэ и башкир

Как мы уже писали выше, памятники родановской культуры не распространяются южнее бассейна Обвы. В более южных районах до последнего времени памятники IX—XV веков были известны лишь единично, и вопрос об их этнической принадлежности был весьма спорным.

На Чусовой в пещере у д. М. Вашкур Н. А. Прокошев обнаружил погребение XI века с вещами родановского типа. Но этот памятник — своего рода исключение: он найден за пределами его основной территории, в районе Чусовой нет подобных ему памятников. Таким же случай-

ным памятником родановской культуры, не связанным с местными поселениями, является довольно богатый клад серебряных украшений XII—XIII веков, обнаруженный в окрестностях гор. Перми.

Можно согласиться с Н. А. Прокошевым, что эти памятники — свидетельство путешествий древних родановцев по речным путям Прикамья, и их появление вызвано или смертью путешественника в пути (погребение на Чусовой) или какой-то опасностью, которая привела к захоронению драгоценностей в землю (клад около гор. Перми).

Некоторые ученые выдвигают теорию о том, что районы южнее Обвы вообще не были населены в период IX—XV веков. Однако это было опровергнуто обнаружением на левых притоках Камы отдельных памятников, одновременных родановским. В работах Камской археологической экспедиции подтвердились выводы А. В. Шмидта о существовании в бассейне Чусовой, Сылвы и в Среднем Прикамье в IX—XV веках культуры племен, которые отличались от родановских и, вероятнее всего, принадлежали к племенам угорской семьи языков — предкам хантов и манси.

В небольших раскопках В. Ф. Генинга в бассейне Сылвы выявлено несколько характерных памятников этой своеобразной культуры, которая получила название сылвенской культуры.

Памятники Сылвенской культуры представлены городищами, селищами и могильниками. Небольшие раскопки были сделаны на городище Лобач, расположенном около д. Пеньки Кунгурского района на высокой горе на правом берегу Сылвы. Городище занимает площадь около 5000 кв. м. С напольной стороны оно защищено высоким валом. На поверхности площадки городища обнаружено 39 чашеобразных впадин, которые при раскопках оказались остатками жилищ — полуземлянок. Форма жилищ — прямоугольная. Площадь очень невелика — от 16 до 24 кв. м. Полуземлянки были слабо углублены в землю, стенки их состояли из вертикально вбитых столбов, держащих плетень. Крыша, вероятнее всего, была односкатной. В центре жилища находился глинобитный очаг. В одной полуземлянке обнаружены остатки перегородки, делившей жилище на две комнаты, в каждой из которых находился очаг. Дома, стоявшие на покато́м склоне, врезались в него таким образом, что их задняя стенка была земляной.

Этот тип жилища сильно отличается от бревенчатых наземных жилищ родановской культуры и стоит ближе всего к некоторым постройкам Зародятского селища ломоватовской культуры.

Культурный слой на городище не превышает 40 см. Основными находками здесь являются фрагменты глиняной посуды и наконечники стрел. В материальной культуре сильно чувствуются ломоватовские традиции. Глиняная посуда сохраняет формы ломоватовских сосудов, характерные для могильников бассейна Сылвы в VI—VIII веках. Это — круглодонные сосуды с высокой цилиндрической шейкой и широкие открытые чаши. Большая часть их не имеет орнамента. На некоторых сосудах орнаментом украшаются шейки и плечи сосуда. Орнамент чаще всего наносится с помощью палочки (резной и ямочный) и реже — гребенчатым штампом и веревочкой. Среди узоров преобладают узоры в виде зигзага, елочки или косых крестов. Эти узоры очень хорошо были представлены на посуде Неволинского и других ломоватовских могильников на Сылве. Они довольно резко отличаются от узоров родановских сосудов. В глиняном тесте некоторых сосудов встречается примесь талька, характерная для посуды Зауралья. С Зауральем сближают эту посуду и некоторые узоры орнамента, особенно узор в виде косых крестов.

Однако городище Лобач относится к более позднему времени, чем ломоватовские памятники. Об этом говорят отличия в примесях к глиняному тесту сосудов (здесь довольно часто встречаются примеси крупнотолченой раковины), а также находки глиняной посуды неместного, болгарского происхождения, сделанной на гончарном круге, с характерным волнистым орнаментом. Найдены здесь и болгарского типа глиняные пряслица биконической усеченной формы. Среди медных украшений встречаются бронзовые височные кольца в виде калачика с длинной дужкой, очень похожие на украшения зауральских памятников X—XII веков, особенно из раскопок Барсова городка на р. Оби.

Селищ сылвенской культуры известно пока немного: это Селянинское — около гор. Кунгура, Копчиковское — на р. Шакве и некоторые другие. Раскопкам они не подвергались, а в разведках на них найден материал, аналогичный материалу городища Лобач. Раскопан единственный могильник сылвенской культуры — Селянинский, у

Селянина озера, на берегу Шаквы, в 3 км от гор. Кунгура. Здесь обнаружено 24 погребения, которые лежали рядами. Костяки находились в могильных ямах глубиной до 80 см, головой на запад. В могилах стояли глиняные сосуды, очень похожие по форме на сосуды из городища Лобач. В богатых погребениях найдены серебряный кувшинчик с арабской надписью, болгарский медный сосуд, железные топоры, копья, ножи, удила, стремяна, ожерелья с серебряными бляшками, серебряные серьги и много бус, среди которых часто встречаются хрустальные и сердоликовые. В бедных погребениях вещей было очень мало, а в некоторых находились только глиняные сосуды. Обряд погребения Селянинского могильника иногда до деталей совпадает с обрядом погребения Неволинского и Бродовского могильников. Одной из таких деталей является наличие лишь одного стремени в погребениях всадников-воинов.

Хозяйство сылвенской культуры в основном было скотоводческо-охотничьим. О развитии скотоводства говорят обильные находки костей животных на поселениях и в могильниках погребения всадников. Многочисленные находки железных и костяных наконечников стрел свидетельствуют о широком развитии охоты. Лук и стрелы были основным видом вооружения сылвенских всадников-воинов. В погребениях Селянинского могильника найдены костяные фигурные накладки колчанов и боевые железные наконечники стрел ломоватовского типа — трехлопастные с выступом на черешке. Некоторую роль в хозяйстве играло земледелие, о чем говорят находки обломков жернова на городище Лобач и ткачество, представленное многочисленными находками пряслиц.

В общественном строе племен сылвенской культуры шел процесс дальнейшего разложения рода. В небольших жилищах сылвенцев могли обитать только малые семьи. Заметно резкое имущественное расслоение населения. На разложение родового строя и усиление имущественного расслоения сылвенцев большое влияние оказывали соседи — племена родановской культуры и болгарское население.

Сылвенская культура одновременна родановской, но отличается от нее целым рядом этнографических признаков — типом жилища, орнаментом глиняной посуды, обрядом погребения, а также и основным направлением в развитии хозяйства. Очевидно, она принадлежит племенам,

которые и по происхождению отличаются от родановских. Сильное сходство материальной культуры сылвенцев с материальной культурой ломоватовских памятников в бассейне Сылвы ставят вопрос о принадлежности сылвенской культуры племенам, говорившим на угорских языках. Как мы уже писали выше, в ломоватовское время, в бассейне Сылвы и Чусовой, пришлые угорские племена ассимилировали очень редкое местное население — их язык и культура вышли здесь победителями. Сылвенская культура принадлежит этим племенам на следующей ступени развития.

Писцовые книги сообщают о том, что в XVI—XVII веках в бассейне Сылвы и Чусовой жили остяки (башкиры, ханты). В XVII и XVIII веках башкиры и ханты постепенно растворились в массе пришлого, главным образом, русского и татарского населения, но остатки их сохранились даже во второй половине XIX века. Есть все основания считать, что памятники сылвенской культуры оставлены предками башкир и хантов, которые были ближайшими юго-восточными соседями предков коми-пермяков, оставивших памятники родановской культуры.

57. Археологические памятники предков манси в Верхнем Прикамье

Письменные источники XVI—XVII веков говорят нам и о восточных соседях коми-пермяков — племенах манси (вогулах), живших на левых притоках Камы и в предгорьях Западного Урала. Археологические памятники IX—XV веков на левобережье Камы пока почти не изучены. Единственным памятником этого времени, подвергшимся раскопкам, является известная Чаньвенская пещера на р. Чаньве, впадающей в Яйву.

Об этой пещере в конце XVIII века сообщал академик И. И. Лепехин, записавший предание о том, что она служила капищем — жертвенным местом вогульского народа — и в ней стояли деревянные идолы, в жертву которым приносили убитых оленей и лосей. В раскопках С. И. Сергеева в этой большой пещере с широким входом найдено у самого входа много костей лося, речного бобра и лошади, что подтверждает использование ее как жертвенного места. Здесь были найдены и другие предметы, приносившиеся в жертву: металлическое изображение жи-

вотного, похожего на лошадь, медный идол с изображением человека с головой лося, несколько серебряных круглых подвесок с точечным орнаментом вдоль края, костяные и железные наконечники стрел и обломки глиняной посуды. В пещере обнаружено 6 серебряных монет, среди которых — пять арабских монет X века и одна англо-саксонская IX—X веков. Найдены также 3 обломка монет.

Чаньвенская пещера является наиболее поздним жертвенным местом, исследованным археологами в Прикамье. Вещественные находки этого жертвенного места отличаются от материала известных гляденовских костяных большей бедностью и однообразием. Здесь явно преобладают приношения охотников и нет находок костей домашних животных, кроме лошади и орудий земледельческого труда.

Глиняная посуда из Чаньвенской пещеры отличается от посуды родановской и сылвенской культур по орнаменту. Она сближается с посудой сылвенской культуры по составу глиняного теста. Наряду с примесью раковин, здесь довольно часто встречается примесь талька. Орнамент представлен узорами в виде желобчатых вдавлений, параллельных горлу сосуда, а также узорами в виде решетки, косых крестов и елочки, нанесенных коротким гребенчатым штампом, или различных сочетаний круглых и остроугольных ямок. Такой орнамент чаще всего встречается на зауральских памятниках этого времени, принадлежащих предкам манси. Поэтому и Чаньвенскую пещеру можно считать одним из археологических памятников, принадлежащих предкам манси.

Остатки другого памятника этого же времени, близкого Чаньвенской пещере по происхождению, обнаружены у подножия Писаного камня на Вишере, в слое над стоянкой каменного века, описанной выше. Там найдены железные наконечники стрел с уступчиком у черешка, железное кресало, костяной игольник с нарезками и другие вещи. На скале Писаного камня сохранились группы изображений человеческой фигуры или человеческого лица, нанесенные поверх древних изображений эпохи неолита. По стилю они аналогичны изображениям медных идолов XIII—XIV веков, которые встречаются на археологических памятниках, оставленных в Зауралье предками манси. Письменные источники XVI века также говорят

о том, что в окрестностях Писаного камня жили «вогуличи» — манси.

В разведках Н. А. Прокошева на Чусовой в пещерах было обнаружено несколько памятников, представляющих собой временные охотничье-рыболовецкие стоянки или жертвенные места. Часть этих памятников, судя по поздним типам наконечников стрел, относится к X—XIV векам. Писцовая книга Яхонтова (1579 год) говорит о том, что в среднем течении Чусовой в XVI веке находились вогульские улусы.

Этим по существу исчерпываются известные нам археологические памятники X—XIV веков, которые можно связывать с предками манси. Обнаружение новых памятников этого времени на левобережных притоках Камы и их изучение является неотложной задачей исследований.

58. О памятниках болгарского времени в Среднем Прикамье

В бассейне Средней Камы неизвестно пока ни одного археологического памятника X—XIV веков. Это не значит, однако, что Средняя Кама в это время была не заселена. Писцовые книги XVI века говорят о значительном местном населении в современных Оханском и Осинском районах, которое они называют «остяками» — хантами. Исследование географических названий Осинского и смежных с ним районов, проведенное краеведом Ф. И. Петровым, показывает, что значительная часть их связана с древним угорским населением края. Антропологические исследования Б. Н. Вишневого в Бардымском районе показали сохранение до наших дней древнего хантыйского антропологического типа среди татарского и русского населения.

Все это позволяет надеяться, что в ближайшее время, когда Камская археологическая экспедиция ведет широкое исследование Среднего Прикамья, будут выявлены и памятники X—XIV веков. Основываясь на топонимике и данных антропологии и письменных источников, можно заранее сказать, что они принадлежат предкам угорского населения, главным образом хантам.

Трудность выявления памятников X—XIV веков в Среднем Прикамье связана с тем, что они, также как и памятники сывенской культуры, вырастая на ломоватов-

ской основе, сохраняют очень многие черты ломоватовской культуры. При отсутствии хорошо датированных вещей трудно отличить памятники Средней Камы от ломоватовских.

ФЕОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД В ПРИКАМЬЕ

(XVI—XVII века)

59. Археологические данные о проникновении русских в Прикамье

Русские летописи с XII века начинают говорить о проникновении новгородцев на Урал для сбора дани, главным образом пушнины. С 1263 года пермские земли в договорных русских грамотах князей называются новгородскими волостями. В 1430 году купцами Калинниковыми, ведущими свое происхождение из новгородских родов, были основаны соляные промыслы на р. Боровой около нынешнего гор. Соликамска. На Урале появляются первые новгородские поселения, такие как городок Анфаловский в верховьях Камы, упоминаемый русской летописью в 1472 году.

В XIV веке основная роль в колонизации северо-восточных земель переходит к Московскому княжеству, послужившему ядром объединения русских земель в единое централизованное государство. Из гор. Устюга на Сухоне, из гор. Хлынова (ныне гор. Киров) на Вятке проникают в Прикамье московские купцы, начинается монастырская колонизация. Последователи вычегодского епископа Стефана, прозванного Пермским, в 1463 году распространяют свое влияние на прикамские земли, обращая в христианство пермских князьков.

С 1423 года Новгород постепенно отказывается от своих пермских владений в пользу Москвы. В 1471 году по отказной грамоте все его северо-восточные волости переходят в руки московских князей.

Но не только русские купцы и монахи проникали в Прикамье. Важным фактором в освоении этого края была стихийная крестьянская колонизация. Русские крестьяне из центральных областей бежали в Прикамье от ига своих русских притеснителей. В прикамских лесах, богатых пушниной, было много земель, пригодных для земледелия.

По данным языковедов, русские говоры северных районов Пермской области имеют в своей основе новгородское или вятское происхождение. Древнейшие русские заимствования в языках коми относятся еще к XI веку. О новгородцах и вятчанах, как первых русских поселенцах в Прикамье, говорят новгородские и вятские имена и фамилии, сохранившиеся в крае до XVI века и упоминаемые в первых писцовых книгах.

К сожалению, северные районы Пермской области пока еще плохо изучены в археологическом отношении. Мы не можем назвать ни одного исследованного русского поселения древнее XV века. В то же время на археологических памятниках родановской культуры и в виде случайных находок найдено много вещей древнерусского происхождения. Древнейшие из них относятся еще к IX—XII векам. Это — украшения в виде лунницы, лировидные пряжки, бронзовые крестики с желтой выемчатой эмалью (рис. 57, ф. 2), оловянные кресты новгородского типа (рис. 57, ф. 1), овручские шиферные пряслица, серебряные шарнирные браслеты (рис. 57, ф. 8) и другие вещи. Значительная часть этих предметов находит ближайšie аналогии среди вещей, найденных при раскопках крестьянских новгородских курганов в Приладожье. Это — медные решетчатые подвески (рис. 57, ф. 5), серебряные перстни с закрученными концами (рис. 57, ф. 4), медные плоские перстни с насеченным орнаментом (рис. 57, ф. 3), янтарные бусы, железные топоры секировидной формы (рис. 57, ф. 9), монетные новгородские гривны и другие вещи. Характерно также, что в новгородских сельских курганах этого времени встречается много вещей, главным образом медных и серебряных украшений, прикамского происхождения. Все это говорит о существовании обмена между местным коми-пермяцким населением и крестьянским населением Новгородской земли. Возможно, что эти торговые связи шли через Вычегду, где в XII веке начинают появляться новгородские торговые поселения. На археологических памятниках Коми АССР этого периода очень часты находки вещей древнерусского происхождения.

Второй путь проникновения русского населения в Прикамье шел через Вятку. Здесь часто встречаются славянские украшения и глиняная посуда X—XI веков. Первые русские поселения в этом районе появляются с XII века.

О проникновении русских в Прикамье через Вятку, освоенную новгородцами, могут говорить находки шарнирных

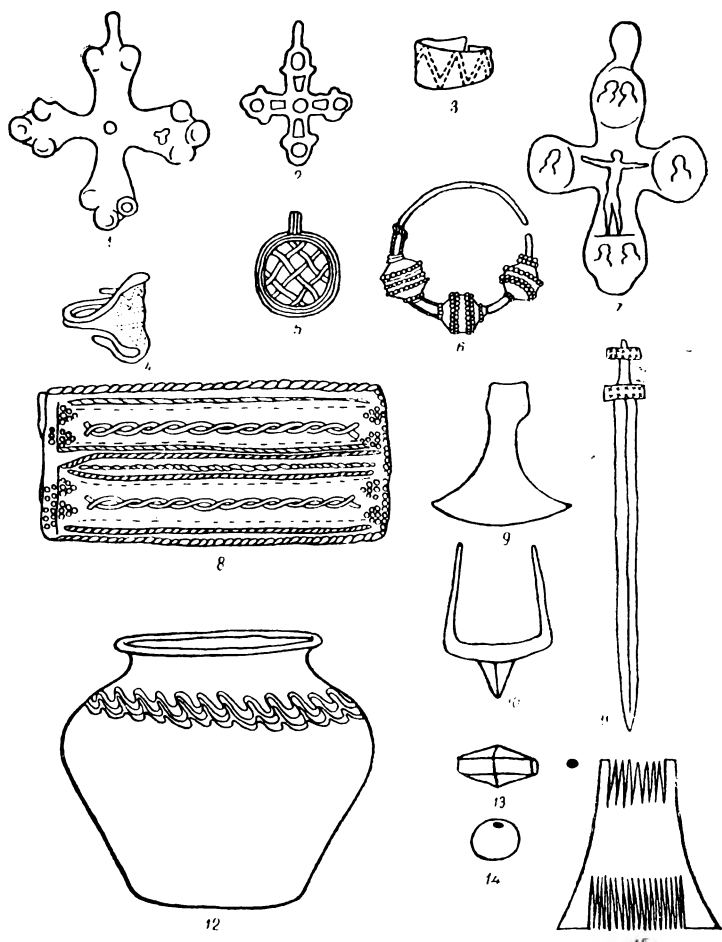

Рис. 57. Вещи древнерусского происхождения из Верхнего Прикамья: 1 — д. Старица; 2 — Елѣвский могильник; 4 — д. Старица; 5 — Михалевский могильник; 7 — Гаинский район Пермской области; 8 — д. Сартаково Чердынского района; 11 — д. Гавриково Коми-Пермяцкого округа; 15 — городище Анюшкар (Кыласово). 3, 6, 9, 10, 12;

браслетов владимирского типа (рис. 57, ф. 8) и некоторых украшений, которые имеют ближайшие аналогии в вятчских курганах.

Часть вещей русского происхождения попадала в Прикамье через волжских булгар, которые находились под сильным влиянием русской культуры, особенно в области ремесла. В их городах жили и работали русские ремесленники. Через булгар попадали в Прикамье такие вещи, как массивные железные мечи (рис. 57, ф. 11), овручские шиферные пряслица, серебряные гривны черниговского типа, крестики с желтой выемчатой эмалью.

В XII—XIII веках приток вещей древнерусского происхождения в Прикамье усиливается. На поселениях этого времени начинают встречаться славянские глиняные горшки с линейным и волнистым орнаментом, изготовленные на гончарном круге (рис. 57, ф. 12), железные сошники, похожие на новгородские, роговые гребни в форме трапеции (рис. 57, ф. 15), древолазные шипы (рис. 57, ф. 10) и большое количество украшений в виде височных колец с напускными бусинами с зернью (рис. 57, ф. 6) и сердоликовых бипирамидальных и шарообразных хрустальных бус (рис. 57, ф. 13, 14), которые были излюбленным украшением у славянских племен вятичей, и другие вещи.

Особенно интересен тот факт, что усиление притока древне-русских вещей совпадает по времени с началом широкого распространения пашенного земледелия у родоновских племен. Формы пермских ральников очень похожи на древнерусские ральники из городища Старая Ладога. В коми-пермяцком языке, где почти все сельскохозяйственные орудия имеют свое название, слова «ральник», «плуг» называют только по-русски.

В глиняной посуде XII—XIV веков в северных районах Верхнего Прикамья вместо примеси толченой раковины появляется примесь песка и дресвы, характерная для глиняного теста древнерусской посуды. Очевидно, это изменение состава примесей происходит под влиянием славянской гончарной техники.

Если сопоставить эти факты с фактом несомненного наличия обмена местного населения с сельским населением Новгородской земли, который прослеживается по могильникам, то можно предположить: начинает просачиваться в Прикамье новгородское крестьянское население с XII века. Новгородские крестьяне, у которых пашенное земледелие появляется еще в VII веке и к XII веку получает

высокое развитие, оказали влияние на пашенное земледелие прикамских племен.

Археология подтверждает данные письменных источников и языкознания о проникновении первых русских поселенцев в Прикамье еще в XII веке.

60. О некоторых особенностях формирования феодалных отношений в Прикамье

Одна из особенностей генезиса феодальных отношений у народов Прикамья — замедленный темп становления феодализма в Верхнем Прикамье. Окончательно феодальные отношения здесь укрепляются только в XVI веке, то есть после присоединения края к Русскому централизованному государству. У местных народов — предков коми-пермяков, хантов и манси — не успели сложиться самостоятельные государства с централизованным аппаратом управления. Н. А. Прокошев и другие исследователи считали возможным рассматривать Верхнее Прикамье XIV века, как местное феодальное княжество. Однако у нас нет пока никаких оснований для такого заключения.

Письменные источники дают ясную картину феодальных отношений в Верхнем Прикамье. Сложение централизованного аппарата управления в этом крае относится к концу XV и XVI векам. Он во всех деталях аналогичен аппарату управления в других частях Русского государства. Пермские князьки XIV—XV веков не имели централизованного аппарата управления. Все правовые понятия, связанные с появлением государства и его функциями возникают у коми-пермяков, хантов и манси Западного Урала под влиянием русских.

Уровень развития производительных сил у народов Верхнего Прикамья был ниже, чем в ряде районов Восточной Европы. Это замедляло процесс формирования феодальных отношений. Немалую роль играли суровые природные условия. Таежный край с резко континентальным климатом требовал много сил для его освоения. Обилие лесов, малоплодородные почвы, отсутствие хороших пастбищ создавали трудности для развития наиболее прогрессивных отраслей хозяйства — земледелия и скотоводства, — а это сдерживало накопление продовольственных ресурсов, мешало развитию торговли и ремесла. Удаленность Верхнего Прикамья от основных культурных

центров Восточной Европы, несмотря на наличие хороших торговых путей — рек, создавали условия относительной изоляции этого края. Многие достижения в развитии производительных сил других народов проникали сюда с опозданием. Редкое население отдельных родов и племен было разбросано на громадной территории края, что тормозило укрепление экономических связей.

Но, несмотря на трудные условия, народы Верхнего Прикамья сумели развить производительные силы до того уровня, который позволил им перейти от отношений первобытно-общинного строя к отношениям классового общества. Феодальные отношения, зарождающиеся в крае в XII—XIII веках на основе сложившейся сельской общины, появились как результат длительного самостоятельного развития производительных сил и производственных отношений у народов Верхнего Прикамья.

Народы Нижнего и Среднего Прикамья, входившие в состав Булгарского феодального государства, быстрее преодолели рубеж родо-племенной раздробленности и через свою сельскую общину перешли к феодализму раньше, чем их северные соседи.

Население Прикамья, как и многие народы Восточной и Западной Европы, перешли от первобытно-общинного строя к феодализму, минуя рабовладельческую формацию. Это объясняется тем, что в период возникновения отношений классового общества сравнительно высокий уровень сельскохозяйственной техники делал труд раба маловыгодным. Нельзя не отметить и того факта, что у соседей коми-пермяков, хантов и манси в это время уже сложились феодальные отношения и появились феодальные государства (Русь, государство Волжских булгар).

Важной особенностью формирования феодализма в Прикамье было влияние древнерусского государства, а затем и Русского централизованного государства на процесс складывания феодальных отношений. Это экономическое влияние, связанное с развитием земледелия и торговли, и влияние идеологическое, связанное с распространением христианства, как религии феодального общества. Влияние заметно и в области общественных отношений. Русские поселенцы в Прикамье укрепляли отношения сельской территориальной общины, пришедшей на смену родовым общинам. Все это привело к быстрому и сравнительно безболезненному присоединению Прикамья к Рус-

скому централизованному государству, а затем и к совместной борьбе русского и коми-пермяцкого народов против зауральских князьков — вассалов Сибирского ханства.

В первые годы после присоединения Прикамья к Русскому государству, здесь наблюдается слабость централизованного аппарата управления, а в связи с этим и меньшая острота феодальной эксплуатации. Это объясняется тем, что до середины XVI века русское население в крае составляло меньшинство. Наместникам и воеводам московских царей, собиравшим дань с местного населения, приходилось довольствоваться главным образом пушминой, а также сборами натурой. Закабаление местных жителей, превращение их в крестьян, зависимых от феодалов и обязанных обрабатывать господские земли, шло здесь медленнее, чем в центральных областях Русского государства. Это вызвало, помимо организованной, стихийную крестьянскую колонизацию. Крестьяне из центральных районов Руси, спасаясь от усиливающегося феодального гнета, бежали в Прикамье. Однако и здесь со второй половины XVI века, после составления писцовых книг, население стало облагаться не менее тяжелыми видами натурального и денежного оброков, чем в центре.

Прикамье вошло в состав Русского государства в тот период, когда отработочная рента стала заменяться более выгодной для феодалов рентой — продуктами и денежной рентой. Поэтому отработочная рента в Прикамье не получила широкого развития.

Ко времени вхождения народностей Верхнего Прикамья в состав Русского государства, у них не успел сложиться достаточно сильный слой местных феодалов. Местные феодалы были поставлены в подчиненное положение по отношению к русским феодалам, затем и совсем были вытеснены ими.

В Верхнем Прикамье крупные земельные владения были сосредоточены в руках одного семейства — Строгановых, происходивших не из старых боярских родов, а из торгово-промышленного люда. Это связано с окраинным положением пермских земель.

В условиях борьбы за централизацию государства против внешних врагов и против остатков феодальной раздробленности Московское правительство вынуждено было дать Строгановым огромные земельные владения

на востоке. Строгановы обязались охранять северо-восточные рубежи, осваивать полученные во владение земли и поставлять природные богатства края в казну. За это они получили право иметь собственный суд и свою администрацию, которые подчинялись только царю. Их земельные владения в первое время значительно превосходили земли, подлежащие ведению правительственной администрации. На землях Строгановых была сосредоточена основная масса населения Верхнего Прикамья. Таковы некоторые особенности формирования феодальных отношений в Прикамье.

61. Орел-городок — русский опорный пункт в укреплении феодализма

После падения Казанского ханства приток русского населения в Прикамье усиливается. Кроме городов Чердыни и Покчи в Верхнем Прикамье, появляются и первые русские города в среднем течении Камы — Нижне-Чусовской городок, Оханск и Ново-Никольская слобода — будущий город Оса. Зарождаются основы будущего могущества крупных церковных землевладельцев — Чердынского, Пыскорского и других монастырей.

Камская археологическая экспедиция обнаружила ранний русский культурный слой на Троицком городище в гор. Чердыни, которое в 1535 году было укреплено мощным земляным валом. К XVI—XVIII векам относятся обследованные в Чердынском районе этой же экспедицией Вильгортское и Искорское селища со следами пребывания русских, а также ранний русский слой около бывшего Пыскорского монастыря, возникшего в XVI веке на строгановских землях. В последние годы сделаны раскопки в гор. Осе, где найдены остатки укреплений Ново-Никольской слободы. Здесь же раскопаны остатки бревенчатых домов XVI века и получен значительный вещественный материал XVI—XVII веков.

Солепромышленники Строгановы, получившие в 1558 и 1568 годах по царским грамотам около 7,5 миллиона десятин земли, а впоследствии, увеличившие свои владения, становятся крупнейшими феодалами в Прикамье.

Для защиты от набегов вассалов сибирских ханов на соляные промыслы на Каме строятся укрепленные крепости-городки. Эти городки были опорными пунктами

Строгановых в освоении земель Прикамья. Здесь под защитой крепостных стен жил сам феодал, его администрация, сосредоточивалось ремесленное и торговое население. В 1558 году был построен городок Канкор (около с. Пысгора), в 1564 году — Орел-городок (Кергедан), в 1568 году — Нижне-Чусовской городок.

Камская археологическая экспедиция в течение трех летних сезонов проводила раскопки Орла-городка. Раскопками установлено, что этот населенный пункт возник на правом берегу Камы. В начале XVII века река сменила свое русло и при этом разрушила значительную часть укреплений городка. В XVII веке Орел-городок переместился на левый берег Камы, где до создания водохранилища находились его остатки (в 15 км ниже современного гор. Березников, рядом с устьем р. Яйвы, напротив пос. Орла).

В XVI веке Орел-городок был укреплен бревенчатым острогом с башнями. Он представлял собой сильную крепость, успешно отражавшую набеги зауральских князьков. В городке находились деревянные хоромы Строгановых, несколько церквей, торговые лавки и ремесленные сооружения — кузницы, соляные варницы, дома гончаров, костерезов, каменотесов и других ремесленников и зависимых крестьян. При раскопках обнаружены остатки деревянных укреплений и других построек, а также предметы вооружения: железные копья, бердыши, свинцовые пули от пищалей, кремневые кресала от ружей (рис. 58, ф. 5, 8, 10), железные наконечники стрел.

В 1581 году из Орла-городка начал Ермак свой поход в Западную Сибирь. В этом походе принимало участие и местное население. Орел-городок послужил опорным пунктом Русского государства в освоении земель Западной Сибири.

Население Орла-городка было смешанным. Кроме русских, здесь жили и коми-пермяки. В окрестностях Орла-городка обнаружено несколько поселений родановской культуры. Городок первоначально имел коми-пермяцкое название — Кергедан; — «Город в устье реки». На территории городка обнаружена усадьба ремесленника — коми-пермяка. На усадьбе стояла бревенчатая изба с двухскатной крышей, покрытой, как на домах родановской культуры, берестой. На полу избы найдено скопление мелкого синего и белого бисера, точно такого, каким коми-пермяки еще в XIX веке украшали шамшуру. Кроме избы, на усадь-

бе находились маленькая баня, сарай и хлев. В бане имелся глинобитный пол и открытый очаг, укрепленный камнями

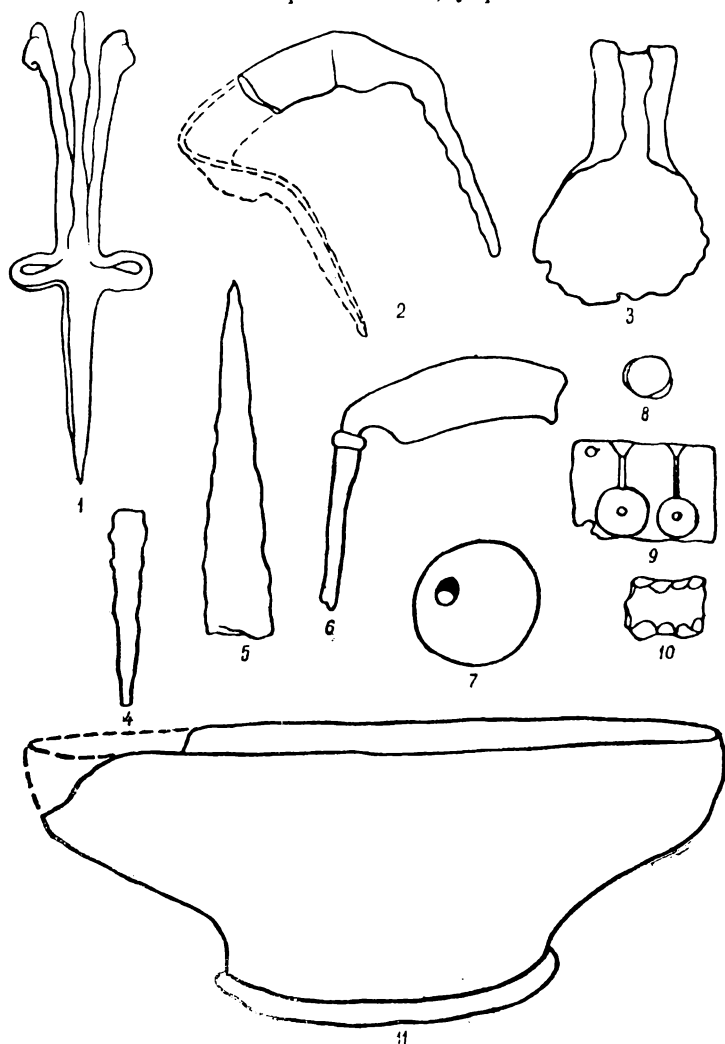

Рис. 58. Орудия труда, остатки оружия и глиняная посуда из Орла-городка.

так же, как в родановских жилищах. Усадьба была обнесена частоколом из вкопанных в землю толстых жердей и

горбылей, скрепленных поперечными досками. В доме жил мастер — резчик по кости. Об этом говорят найденные при раскопках железный резец для работы по кости (рис. 58, ф. 4), заготовки из кости и рога, несколько костяных вещей, в том числе ложка с изображенной на ней головой птицы, похожей на родановские изображения.

Кроме резчиков по кости, в Орле-городке жили коми-пермяцкие гончары. Посуду они делали на гончарном круге, освоив русскую гончарную технику. На днищах сосудов гончары ставили свое клеймо в виде птичьей лапы, напоминающее тамги родановской культуры. На некоторых сосудах встречается излюбленный родановский орнамент в виде розетки.

Железные и костяные наконечники стрел, найденные на городке, по своему типу очень близки родановским.

В посаде Орла-городка в XVI—XVII веках жили также московские мастера, которые, очевидно, специально были привезены Строгановыми для устройства своей резиденции. Они изготавливали прекрасную чернолощеную посуду (рис. 58, ф. 11), а также изразцы и черепицу — глиняные обожженные плитки, покрытые стеклообразной цветной эмалью — поливой.

В XVI веке изразцы изготавливались из красной обожженной глины. На их поверхности оттискивались изображения военных сцен, животных, а также растительные орнаменты (рис. 59, ф. 2, 5). Изразцами облицовывали печи в хоромах Строгановых, в домах строгановских приказчиков и зажиточных ремесленников. Шли изразцы и на облицовку стен каменных церквей. Крыши своих домов богатые люди покрывали зеленой черепицей (рис. 59, ф. 7, 8). Под руководством московских мастеров работали и местные мастера. Они вносили свою смекалку в производство изразцов. Излюбленной темой рисунка на изразцах становится изображение клюющей птицы (рис. 59, ф. 1).

Гончары, изготавливая простую обожженную в горнах глиняную посуду (рис. 59, ф. 6), метили ее клеймами в виде кружков, с вписанными в них крестом или квадратом. Клейма эти очень похожи на клейма мастеров гончарной слободы в Москве. Два клейма относятся к одному типу, — отличаются они только одной перекладиной внутри круга. Очевидно, это пример усложнения клейма при переходе ремесла от отца к сыну. Судя по количеству типов клейм,

в гончарной мастерской на Орле-городке работало не менее 4 мастеров.

При раскопках Орла-городка удалось обнаружить деревянное здание гончарной мастерской. В нескольких поме-

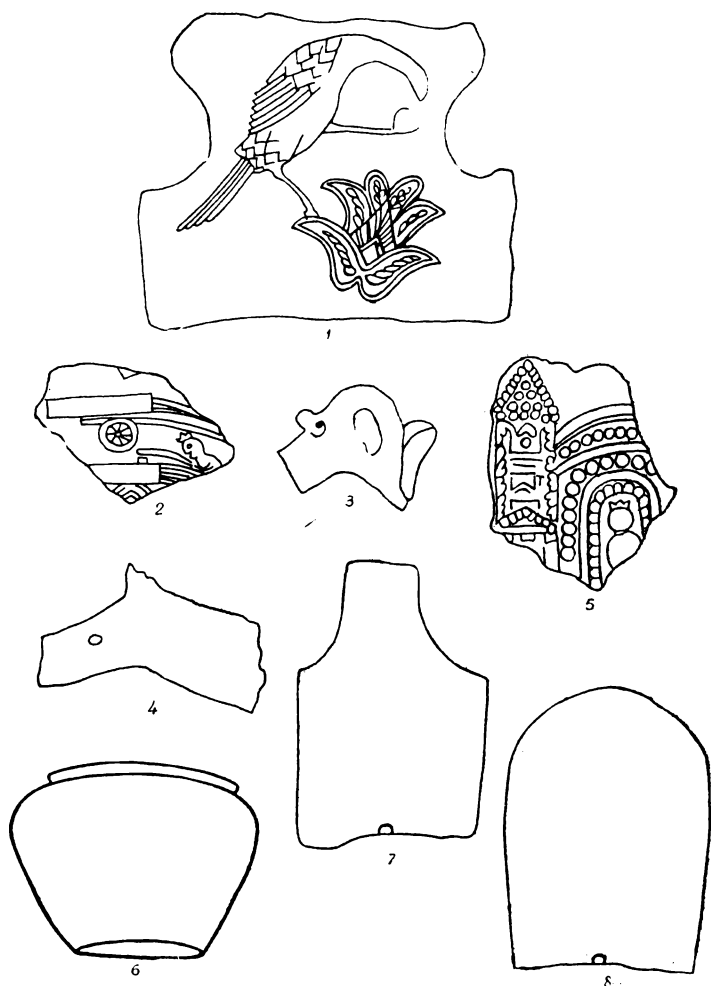

Рис. 59. Изразцы, черепица и глиняная посуда из Орла-городка.

щениях мастерской имелись печи для обжига посуды и изразцов и места для подсушки изделий перед обжигом.

Около постройки находились две ямы, выложенные деревом и заполненные песком и отмученной глиной. В этих ямах приготавливалось глиняное тесто.

В XVII веке гончарная мастерская стала изготавливать изразцы, покрытые многоцветной поливой (среди рисунков на изразцах преобладали птицы и растительный орнамент — рис. 59, ф. 1), а также глиняные игрушки (рис. 59, ф. 3, 4), голосники — резонаторы для усиления звука в церквях и строительный кирпич.

После затопления части Орла-городка Камой, изменившей русло, разрушенные укрепления не подправляются. Присоединение Сибири к Русскому государству уничтожило значение Орла-городка как крепости, и он превращается в крупный поселок с торгово-ремесленным населением.

Население Орла-городка занималось и сельским хозяйством. Об этом говорят найденные при раскопках железные оковки деревянных лопат, мотыги, серпы, косы-горбуши, сечки для рубки капусты (рис. 58, ф. 3, 6). Обнаружены также зерна мака, новой культуры, принесенной сюда русскими. Большое значение в хозяйстве жителей имело разведение домашнего скота, находящегося на стойловом содержании. Раскопки дали много костей животных, в том числе костей курицы. Найденны также остатки хлебов, большое скопление навоза. Охота и рыбная ловля были для жителей дополнительным промыслом. Рыба ловилась главным образом сетями с глиняными грузилами (рис. 58, ф. 7). Встречаются кости стерляди, леща, язя, плотвы, сома и особенно часто — кости щуки.

Помимо кузнечного, гончарного и костерезного дела, в Орле-городке было развито кожевенное ремесло. Об этом говорят многочисленные находки кожаной обуви, костяных разбивальников для ремней, костяных и железных иголок и шильев, железных ножниц и куски воска. О развитии деревообделочного ремесла свидетельствуют найденные при раскопках плотничьи топоры, скобели (рис. 58, ф. 2), молотки-гвоздедеры, сверла, тесла, обломки долот и стамесок. В Орле-городке работали также и литейщики, занимавшиеся изготовлением украшений, что подтверждается находками литейных форм, (рис. 58, ф. 9), медных шлаков, обломков тиглей. О развитии солеварения свидетельствуют желоба для соляных труб, обнаруженные при раскопках.

Находки некоторых вещей проливают свет на особенности быта населения. В богатых домах найдено много кусков слюды, вставлявшейся в оконные рамы (оконное стекло тогда еще не получило распространения). Окна бедняков, очевидно, затягивались пузырем или закрывались деревянной задвижкой, поэтому в их избах слюда не обнаружена. В богатых домах найдены медные светильники, а в бедных — железные светцы для укрепления лучины (рис. 58, ф. 1). Очень интересна находка костяных коньков для катания на льду. Обнаружено много мелких украшений — бляшек, бус, сережек, а также крестики, перстни и футляры для иголок, украшенные красивой перегородчатой эмалью.

В XVII веке в Орле-городке в той части поселка, где жили Строгановы и их ближайшее окружение, воздвигается несколько каменных построек. Фундаменты их в виде массивных каменных плит, перекрытых сверху кирпичной кладкой на известковом растворе, обнаружены при раскопках.

К началу XVIII века большинство жителей Орла-городка переселилось на правый берег Камы. Там возникает новый населенный пункт, на месте которого стоит и современный поселок Орел. На левом берегу оставалось только несколько изб и домницы для варки железа. Рядом с домницами находились ямы, в которых обжигали древесный уголь. Жители долго пытались противодействовать разрушительной работе реки. В частности, они укрепляли берег деревянными сваями. Несмотря на это, Кама во время разливов подтопляла многие постройки, стоявшие на берегу. Об этом говорят многочисленные прослойки речного песка в верхней части культурного слоя Орла-городка.

В XVII веке соляные рассолы в Орле-городке истощаются. Открытые в начале XVII века Ново-Усольские соляные промыслы были удобнее для эксплуатации. Центр солеварения перемещается в Усолье.

Широко развитое производство изразцов и черепицы из Орла-городка в конце XVII века перемещается в Соликамск, где быстро шло строительство каменных зданий. Замечательные памятники зодчества XVII века в Соликамске облицованы многоцветными изразцами, которые по своей форме и сюжетам повторяют изразцы Орла-городка.

62. Роль русской культуры в развитии производительных сил и культуры народностей Прикамья

Вхождение народностей Прикамья в состав Русского государства имело прогрессивное значение для их развития, несмотря на феодальный гнет, которому они стали подвергаться. Родоплеменная разобщенность и слабые экономические связи между отдельными частями огромного края уступили место крепким экономическим связям. Началось складывание местных рынков, и Прикамье в XVII веке становится составной и важной частью общерусского рынка.

Высокая культура Русского государства способствовала дальнейшему развитию производительных сил у местных народов. Особенно это чувствуется на развитии основной отрасли хозяйства — земледелия. Вскоре после появления русских в Прикамье местные народности стали переходить к более прогрессивной двухпольной, а затем трехпольной обработке старопахотных почв. Началось постепенное изживание трудоемкой подсеки. Русское население способствовало широкому развитию пашенного земледелия в крае, внедрению удобрений, появлению капусты, репы и других овощных культур.

Под влиянием русских увеличивалась производительность металлургии, металлообработки и других ранее развитых видов ремесла, происходит их дальнейшая специализация. С приходом русских появляется в Прикамье гончарный круг, и гончарное дело становится ремеслом. В ремесло превращаются кожевенное, деревообделочное и другие виды домашнего производства.

На совершенствование коми-пермяцких домов оказала влияние архитектура русских крестьянских построек. С XVI века в Прикамье появляются каменные и кирпичные постройки.

Русское влияние сказалось в одежде, в языке, в изживании пережитков первобытных форм брака и семьи. С приходом русских коми-пермяки получают письменность, в основе русскую, но использовавшую зачатки письменности, зарождавшейся у местных народов. Русское народное творчество (песни, пляски, сказки и т. д.) способствовало развитию творчества местных народностей и охотно воспринималось ими.

Вхождение Прикамья в состав Русского государства укрепило дружеские отношения между народными массами русского и местного населения. Прогрессивное развитие материальной и духовной культуры проводилось совместно русскими, коми-пермяцкими, удмуртскими крестьянами и ремесленниками. Рука об руку с ними шли другие народности. Феодалы жестоко угнетали всех — и русских, и коми-пермяков, и удмуртов, они всячески старались натравливать одну угнетенную народность на другую, чтобы отвлечь трудящиеся массы от совместной борьбы с эксплуататорами. Но народ был непобедим. В классовых выступлениях крестьян и горожан против феодалов в XVI—XVII веках были заложены основы той дружбы народов, которая проявилась в период борьбы с помещиками и капиталистами и привела к упрочению и развитию братской дружбы свободных национальностей в условиях Советского социалистического государства.

СПИСОК ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ко всей книге

Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1948.

О. Н. Бадер, Археологические памятники Прикамья и их научное выявление. (Пособие для начинающих археологов и краеведов), Молотовгиз, 1950.

О. Н. Бадер, Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947—1952), Ученые записки Молотовского ун-та, т. IX, вып. 3, 1953.

О. Н. Бадер, Очерк работ Камской археологической экспедиции в 1953 и 1954 гг., Ученые записки Молотовского ун-та, т. XI, вып. 3, 1956.

О. Н. Бадер, Некоторые вопросы палеографии Урала и северо-восточной Европы в свете археологических данных, Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2, 1950.

А. П. Смирнов, Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья, Материалы и исследования по археологии СССР, 28, 1952.

А. А. Спицын, Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых, Материалы по археологии России, 26, 1902. — Для ознакомления с иллюстрациями.

По раннему палеолиту

Ф. Энгельс, Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, Госполитиздат, 1948.

О. Н. Бадер, Ранний палеолит Урала и Поволжья, Ученые записки Молотовского ун-та, т. VII, вып. 2, 1955.

С. Н. Бибииков, Раскопки Усть-Катавской костеносной пещеры и археологическое обследование правобережья р. Катав в районе поселка Усть-Катав, Материалы и исследования по археологии СССР, 2, 1945.

М. В. Талицкий, Палеолитическая стоянка Пещерный Лог,

Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР (далее: Краткие сообщения ИИМК АН СССР), XII, 1946.

По позднему палеолиту

О. Н. Бадер, Первоначальное заселение Урала и Волго-Камья человеком, Ученые Записки Молотовского ун-та, т. V, вып. 2, 1947.

С. Н. Бибииков, Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала, «Сов. археология», XII, 1950.

В. И. Громов, Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР, Труды Ин-та геологических наук АН СССР, в. 64, геологическая серия (№ 17), 1948, глава X (стр. 276).

П. П. Ефименко, Первобытное общество, Киев, 1953, глава VI (стр. 561).

М. В. Талицкий, Палеолитическая стоянка на р. Чусовой, Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, № 6—7, 1940.

По мезолиту

О. Н. Бадер, Некоторые проблемы первобытной истории Урала, Ученые Записки Молотовского ун-та, т. XI, вып. 3, 1956.

О. Н. Бадер, Стоянки Нижнеадищевская и Боровое озеро I на р. Чусовой, Материалы и исследования по археологии СССР, 22, 1951.

О. Н. Бадер и Б. Г. Тихонов, Кама-Жулановская мезолитическая стоянка, Ученые записки Московского ун-та, вып. 166, 1954.

По неолиту

О. Н. Бадер, Стоянки Нижнеадищевская и Боровое озеро I на р. Чусовой, Материалы и исследования по археологии СССР, 22, 1951.

О. Н. Бадер, Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере, Сов. археология, XXI, 1954.

В. Ф. Генинг, Наскальные изображения Писаного камня на р. Вишере, «Сов. археология», XXI, 1954.

Н. А. Прокошев, К вопросу о неолитических памятниках камского Приуралья, Материалы и исследования по археологии СССР, I, 1940.

А. В. Шмидт, Стоянка у станции Левшино, «Сов. археология», V, 1940.

По эпохе бронзы

Р. Б. Ахмеров, Памятники срубно-хвалынской культуры в Башкирии, Краткие сообщения ИИМК АН СССР, 59, 1955.

О. Н. Бадер и З. П. Соколова, Новые стоянки Чусовского Прикамья, Ученые записки Молотовского ун-та, т. IX, вып. 3, 1953.

О. Н. Бадер, Гайвинский могильник и Подгремяченское местонахождение турбинского типа на р. Каме, Ученые записки Молотовского ун-та, т. IX, вып. 3, 1953.

О. Н. Бадер, Стоянка Бор II на Чусовой и предананьинское время в Прикамье, Сов. археология, XX, 1954.

О. Н. Бадер, К изучению эпохи бронзы в Прикамье, Ученые записки Молотовского ун-та, т. X, вып. 3, 1956.

О. Н. Бадер и Б. Х. Кадиков, Поселения эпохи бронзы на Каме между Оханском и Сарапулом, «Сов. археология», 2, 1957.

А. В. Збруева, Памятники поздней бронзы в Прикамье, Краткие сообщения ИИМК АН СССР, XXXII, 1950.

Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков, Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951—1952 гг., Материалы и исследования по археологии СССР, 42.

Н. А. Прокошев, Жилища эпохи бронзы в пермском Прикамье, Краткие сообщения ИИМК АН СССР, II, 1939.

Н. А. Прокошев, Археологическое исследование в бассейне р. Камы, Сборник «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.», изд. АН СССР, 1941.

К. В. Сальников, Абашевская культура на Урале, «Сов. археология», XXI, 1954.

По ананьинской культуре эпохи железа

А. В. Збруева, История населения Прикамья в ананьинскую эпоху, Материалы и исследования по археологии СССР, 30, 1952.

Н. А. Прокошев, Узловые проблемы ананьинской эпохи в Прикамье, Записки Удмуртского н.-и. ин-та, вып. 11, Ижевск, 1949.

К. В. Сальников, К вопросу о происхождении ананьинской культуры, «Сов. этнография», 4, 1954.

Т. А. Трофимова, Антропологический состав древнейшего населения Прикамья и Приуралья, Материалы и исследования по археологии СССР, 22, 1951.

По гляденовской культуре

Н. Н. Новокрещенных, Гляденовское костыше, Труды Пермской ученой архивной комиссии, XI, Пермь, 1914.

Н. А. Прокошев, Селище у д. Турбино, Материалы и исследования по археологии СССР, I, 1940.

А. В. Шмидт, Жертвенные места Камско-Уральского края, Известия ГАИМК, XIII, вып. 1—2, 1932.

По пьяноборской культуре

В. Ф. Геннинг, Исследования Удмуртской археологической экспедиции, «Молот», 1, Ижевск, 1956.

В. Ф. Геннинг, Археологическая экспедиция 1954 г. в Удмуртии, «Молот», 2, Ижевск, 1955.

А. П. Смирнов, Могильники пьяноборской культуры, Краткие сообщения ИИМК, XXV, 1949.

О движении южных кочевых племен на север
(бахмутинская культура на р. Белой.
азелинская культура на р. Вятке)

Р. Б. А х м е р о в, Некоторые вопросы этногенеза башкир по археологическим данным, «Сов. этнография», 3, 1952.

В. Ф. Г е н и н г, Этнические культуры Прикамья в эпоху железа. Тезисы докладов конференции по древней истории народов Поволжья в г. Казани, М., 1956.

В. Ф. Г е н и н г, Исследования Удмуртской археологической экспедиции, «Молот», 1, Ижевск, 1956.

Э. М о л ь н а р, Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа. Труды Венгерской Академии наук, 13, Будапешт, 1955.

А. Ф. Т е п л о у х о в, Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народами, Записки Уральского общества любителей естествознания XXXIX, Екатеринбург, 1924.

А. В. Ш м и д т, Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук, Уфа, 1929.

По лемоватовской культуре

О. Н. Б а д е р и А. П. С м и р н о в, «Серебро закамское» первых веков нашей эры, Госкультпросветиздат, 1954.

В. Ф. Г е н и н г, Бродовский могильник, Краткие сообщения ИИМК, 52, 1953.

В. Ф. Г е н и н г, Памятники харинского времени в Прикамье, Краткие сообщения ИИМК, 57, 1955.

Ф. А. Т е п л о у х о в, Древности Пермской чуди из серебра и золота и ее торговые пути, Пермский край, III, Пермь, 1895.

А. В. Ш м и д т, К вопросу о происхождении пермского звериного стиля, Сборник музея антропологии и этнографии, VI, Л., 1927.

А. В. Ш м и д т, Пермский округ в доисторическом прошлом, «Экономика», 10, Пермь, 1925.

О государстве волжских булгар

А. П. С м и р н о в, Волжские булгары. Труды государственного исторического музея, XIX, 1951.

А. П. С м и р н о в и Н. Я. М е р п е р т, Из далекого прошлого народов Среднего Поволжья, Сборник «По следам древних культур», Госкультпросветиздат, 1954.

По чепецкой культуре

В. Ф. Г е н и н г, Археологическая экспедиция 1954 г. в Удмуртии, «Молот», 2, Ижевск, 1955.

В. А. О б о р и н, О пермяцко-удмуртских связях в IX—XV вв. Ученые записки Молотовского ун-та, XI, вып. 3, 1956.

А. П. С м и р н о в, Памятники феодального строя у удмуртов (IX—XIII вв.). Записки Удмуртского н.-и. ин-та, VII, Ижевск, 1937.

А. П. Смирнов, Производство и общественный строй у народов Прикамья в 1 тысячелетии нашей эры, Записки Удмуртского н.-и. ин-та, VIII, Ижевск, 1938.

А. Ф. Трефилов, О древности удмуртов, Записки Удмуртского н.-и. ин-та, 15, Ижевск, 1951.

По родановской культуре

В. А. Могильников, Металлургия у древних коми-пермяков в X—XIV вв. Сборник «Из истории нашего края», Молотов, 1956.

В. А. Оборин, К истории земледелия у древних коми-пермяков, «Сов. этнография», 2, 1956.

В. А. Оборин, Некоторые проблемы изучения родановской культуры, Ученые записки Молотовского ун-та, XI, вып. 3, 1956.

М. В. Талицкий, Верхнее Прикамье в X—XIV вв., Материалы и исследования по археологии СССР, 22, 1951.

Н. Н. Чебоксаров, Этногенез коми в свете антропологических данных, Краткие сообщения ИИМК, IX, 1941.

О феодальном периоде в Прикамье (XVI—XVII века)

А. А. Дмитриев, Пермская старина, I—VIII, Пермь, 1889—1900.

Л. Е. Иофа, Города Урала, ч. I. Феодальный период, Географиздат, 1951.

В. А. Оборин, К вопросу о ранних этапах проникновения русской культуры в Прикамье, Сборник «Из истории нашего края», Молотов, 1956.

В. А. Оборин, Орел-городок — русский опорный пункт в Прикамье (XVI—XVII вв.), Ученые записки Молотовского ун-та, X, вып. 3, 1957.

А. А. Савич, Прошлое Урала, Пермь, 1925.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов	3
------------	---

КАМЕННЫЙ ПЕРИОД

Эпоха раннего палеолита (75—40 тыс. лет до н. э.)

1. Первоначальное расселение человечества	5
2. Изменения географической среды в середине четвертичного периода	6
3. Древнейшие следы пребывания человека	9
4. Время и пути первоначального заселения Прикамья человеком	11
5. О физическом облике, образе жизни и общественном строе первых обитателей Прикамья	12

Эпоха позднего палеолита (40—15 тыс. лет до н. э.)

6. Географическая среда	14
7. Остатки стоянок первобытных охотников. Физический облик человека	15
8. Хозяйство и образ жизни	20
9. Становление родового строя	21
10. Тесные связи с Сибирью и их вероятные причины	23

Эпоха мезолита (15—~~16~~ тыс. лет до н. э.)

11. Наступление современных климатических условий	25
12. Стоянки мезолитических охотников	26
13. Образ жизни, хозяйство, общественный строй	30
14. Культурные особенности камских мезолитических племен, их южные связи и вопрос о происхождении	33

Эпоха неолита
(5—3 тысячелетия до н. э.)

15. Оседлые и временные поселения неолитических рыболовов и охотников	35
16. Материальная культура и хозяйство	39
17. Расцвет матриархально-родового строя	43
18. Культурная общность камских неолитических племен и их связи с соседями	46

МЕДНО-БРОНЗОВЫЙ ПЕРИОД

(2-е и начало 1-го тысячелетия до н. э.)

Культура турбинского племени

19. Поселения и жилища, их материальная культура и периодизация. Могильники	49
20. Рыболовство и охота, скотоводство и земледелие, металлургия. Обмен	61
21. Родоплеменной быт и элементы патриархата	66
22. Сейменско-турбинская культурная область	70

Прочие культуры Прикамья

23. Пещерные погребения и стоянки на реках Катаве и Юрюзани	76
24. Балановские племена	73
25. Срубные племена	80
26. Абашевские племена	82
27. Памятники Верхнего Прикамья	85
28. Сейменско-турбинские племена Средней Камы	87

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПЕРИОД

Ананьинская культура

(V—III века до н. э.)

29. Сложение культурной общности ананьинских племен. Антропологический тип	92
30. Городища, селища, могильники и их периодизация	95
31. Земледелие и скотоводство, пушная охота. Металлургия железа, меди, и бронзы. Обмен	99
32. Становление патриархата. Идеология	102
33. Ананьинские племена и их связи	106

Гляденовская культура в Верхнем Прикамье

(II век до н. э. — III век н. э.)

34. Памятники гляденовской культуры	110
35. Широкое распространение орудий из железа и их влияние на развитие хозяйства. Хозяйство и быт гляденовцев	118
— 36. Общественный строй и идеология	123
37. Роль гляденовской культуры в этногенезе народов Урала	126

Пьяноборская культура в Среднем и Нижнем Прикамье

38. Территория и памятники пьяноборской культуры. Периодизация	128
--	-----

39. Скотоводческо-земледельческое хозяйство. Образование союза племен.	132
40. Роль пьяноборской культуры в этногенезе народов Прикамья	136

Движение южных кочевых племен на север (IV—VIII века)

41. Начало движения южных кочевых племен на север и их причины. Бахмутинская культура на р. Белой	137
42. Азелинская культура на р. Вятке (IV—VI века)	142

Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье (IV—VIII века)

43. Условия географической среды на рубеже III—IV вв. в Прикамье. Харинский этап ломоватовской культуры. Взаимо- отношения пришлых племен с местными племенами	145
44. Неволинский этап ломоватовской культуры. Заверше- ние процесса слияния пришлых угорских племен с местным населением	156
45. Торговые связи племен ломоватовской культуры с юж- ными племенами и государствами	165

Государство Волжских булгар (X—XIII века)

46. Территория, памятники, хозяйство и общественный строй волжских булгар	168
47. Влияние государства Волжских булгар на развитие племен Прикамья	172

Чепецкая культура (IX—XV века)

48. Территория и памятники чепецкой культуры	177
49. Хозяйство, ремесла, общественный строй	182
50. Чепецкая культура — культура предков удмуртского народа	184

Родановская культура Верхнего Прикамья (IX—XV века)

51. Территория и памятники родановской культуры. Пе- риодизация	185
52. Лаврятский этап родановской культуры. Хозяйство, быт и общественный строй	188
53. Родановская культура — культура предков коми-пер- мяцкого народа	200
54. Рождественский этап. родановской культуры. Хозяй- ство. Ремесла	201
55. Появление сельской общины и зарождение феодальных отношений у коми-пермяков	210

**Сылвенская культура (IX—XV века).
Памятники булгарского времени на Средней Каме**

56. Сылвенская культура предков хантэ и башкир . . .	213
57. Археологические памятники предков манси в Верхнем Прикамье . . .	217
58. О памятниках булгарского времени в Среднем Прикамье . . .	219

**Феодалный период в Прикамье
(XVI—XVII века)**

59. Археологические данные о проникновении русских в Прикамье . . .	220
60. О некоторых особенностях формирования феодальных отношений в Прикамье . . .	224
61. Орел-городок — русский опорный пункт в укреплении феодализма . . .	227
62. Роль русской культуры в развитии производительных сил и культуры народностей Прикамья . . .	234
Список основной литературы . . .	236

Отто Николаевич Бадер
Владимир Антонович Оборин
НА ЗАРЕ ИСТОРИИ ПРИКАМЬЯ

Редактор *Т. И. Вершинин*
Художник *К. Н. Никихристо*
Худож. редактор *М. В. Тарисова*
Техн. редактор *Н. Г. Неудакина*
Корректор *А. И. Плешков*

Подписано к печати 3 июля 1958 г.
 Бумага 44×108¹/₂, 3,75 бум. л. 15,25 печ. л. Уч.-изд. 13,25 т.
 ЛБ01404 Тираж 3000 экз. Цена 5 р.

2-я книжная типография Облполиграфиздата
г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 369.